

итет"
А
евер"

овецкое Общество Краеведения

34
432

**ИЗ РАБОТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
СЕКЦИИ**

**Соловки
1927**

860669

Соловецкое Общество Краеведения

МАТЕРИАЛЫ

Выпуск XVII

Издание Бюро Печати УСЛОК

Соловки, 1927

С. 34
ИЗД.

ИЗ РАБОТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

860669

1927

СОЛ

СОЛОВКИ
1927

34С53

Начато набором 10 октября, отпечатано 21 октября
1927 года под руководством завед. типографией
И. С. Слепина.

2002

Архангельская
Областная
ЗАПЕЧАТАНО
г. И. Я. И. Коллебаев

1995

Оглавление.

	Стр.
Предисловие	7
Полозов, И. И. Опыт классификации заключенных контр-революционеров	9
Виноградов, Н. Н. Условный язык заключенных Соловецких Латорей Особого Назначения	15
Его же. Словарь Соловецкого условного языка	31
Глубоковский, Б. А. Литературное творчество заключенных уголовников	47
Шенберг, П. Э. Соловецкая печать	65
Троицкий, К. И. и Калинин, П. С. Соловецкая школа	92
Глубоковский, Б. А. Соловецкий театр	105
Игомевич, П. И. Толовые аномалии и наркомания среди преступников	140

Гравюры на линолеуме на отдельных листах:

1. Типы соловецких актеров. Роль Квашни в пьесе „На дне“	113
2. Роль Настя в той же пьесе	115
3. Пьеса „Доспехи славы“. Декорация	125
4. „Царевич Алексей“. Декорации 3 картины	127
5. 7 картины (Равелин)	129

Предисловие.

Соловецкое Общество Краеведения, имеющее своей задачей изучение истории, природы и производительных сил Соловецких островов, не могло пройти мимо изучения одного из основных составных элементов производительных сил — человека. Обычно изучение человека — населения ведется Краеведческими Обществами в плане этнографических, этнологических и антропо-географических исследований.

Метод этот в Соловках применен быть не может. Соловецкое население — не коренное население; оно состоит из людей, собранных с разных частей страны, принадлежащих к разным национальным и социальным группировкам. Общей характерной чертой, объединяющей эту разношерстную массу в некий более или менее однородный коллектив, является принадлежность этой массе к преступному миру, а в социологическо-бытовом разрезе — однообразие бытовых условий. Эти специфические черты императивно диктуют необходимость специфического же подхода к изучению соловецкого населения. Отсюда — наличие в составе общества Криминологической Секции.

С другой стороны, наличие на Соловках такой огромной криминологической лаборатории, как Соловецкий лагерь, дающий неисчерпаемое поле для криминологических наблюдений и работ, заставляет Общество, как научно-исследовательское объединение, всемерно использовать этот богатый материал.

Криминологическая Секция рассматривает свою работу, как научную работу вторичного порядка, — собиране и фиксация материалов без обобщающих широких выводов и без постановки кардинальных проблем криминологии.

Пенитенциарный уклон советской криминологии, находящий столь широкое применение в Соловках, не мог не отразиться на характере настоящего сборника.

Насколько нам известно, настоящий сборник являет собою одну из первых, если не первую попытку дать освещение затронутых вопросов не сверху, а снизу, из самой гущи жизни, в чем, нам кажется, главное его значение.

Опыт классификации заключённых контр-революционеров.

И. И. Полозов.

Лица, осужденные за контр-революционные преступления, содержащиеся в Соловецком концентрационном лагере (так называемые «казары»), представляют собой весьма пеструю группировку. Индивидуализация их представляется значительно более затруднительной, чем наблюдения над уголовным миром. В лице правонарушителей этого типа мы имеем культурную, чрезвычайно легко приспосабливающуюся группу — внешне очень допальную, чиновно-исполнительную и формально достаточно безупречную. Наблюдение над ними затруднительно не потому, что они связаны групповой этикой, кастовой ограниченностью, а потому, что они достаточно искушены десятилетним опытом революционного времени и научились «казаться, а не быть». Чтобы проникнуть в их внутренний мир, необходимо разгадать их психический строй, проникнуться их психическими навыками, распознать силу тех привычных традиций, которые составляют их содержание. Их психический облик отнюдь не определяется их лагерным бытием. Его особенности выходят далеко за пределы каждодневного наблюдения. Нужна особая система распознавания.

Верхоглядство, поспешные выводы, основанные на малоозначительных по сути, но значительных по внешней выразительности фактах, очень пагубно отразятся на результатах наблюдения. Система наблюдения над психикой к.-р., а также над эффектом принудительного воздействия должна точно наметить этапы наблюдения. Работа над этой системой — работа долгих лет, необходимыми годами накопленный опыт. В настоящем очерке мы намечаем первоначальные признаки, концы, полагаем, следует руководствоваться в нашей работе.

В эпоху революции, коренной ломки быта политический преступник — контр-революционер — приобретает новые обличия бытового характера:

1) активный деятель, носитель определенной в.-р. идеологии; 2) тип, привычно действующий и мыслящий в плане и стиле старого строя и 3) корыстный тип авантюрного порядка, результат аморализма переходного периода.

В отношении первого типа мыслимо лишь карательное воздействие.

В отношении второго типа мыслимо и пенитенциарное воздействие воспитательного характера—специального вида.

В отношении третьего типа мыслимо пенитенциарное воздействие воспитательного характера общего порядка.

Государственных преступников—контр-революционеров—можно разделить на две первоначальных основных группы:

Группа 1. Эндогенные преступники, т.-е. те, которые по всему укладу психической деятельности, по всему своему психическому строю являются (хотя бы и не активно) выразителями антисоветских идей. К этой группе принадлежат субъекты, впитавшие в себя все отличительные признаки и особенности старого строя как по бытовой установке, так и по общей психической целеустремленности.

Группа 2. Экзогенные преступники, т.-е. те, которые совершили какое-либо государственное преступление под влиянием внешних событий, не будучи ни бытовой установкой, ни психическим укладом связанными с идеями контр-революции. Таковые преступники особенно наблюдаются среди населения территорий, занимавшихся белой армией, где, увлекаемые активным меньшинством, внешнеполитические элементы легко втягивались в круговорот событий. Экзогенными преступниками к.-р. следует признать и тех, которые колеблются, не имея устойчивых убеждений, и легко поддаются влиянию безответственных политических фрондеров.

Таким образом, при распознавании преступников к.-р. необходимо весьма и весьма внимательно наблюдать не за характером данного преступления, но за всем строем психических навыков, носителем коих является наблюдаемый. При политической безграмотности, которая осталась в наследство от старой России, корни многих политических преступлений (выраженных в действии или бездействии) гнездятся, главным образом, в психических традициях, сформированных определенной бытовой установкой.

Криминологический диагноз для к.-р. чрезвычайно труден. Необходимо длительное ознакомление с к.-р. типажем, необходимо систематически наметить классификацию и весьма внимательно проглядеть различные нюансы.

Здесь мы уже наметили две основных группы—экзогенных и эндогенных преступников. Затем мы наметили три типовых группы по характеру криминогенности.

Деление к.-р. на две основных психологических группы имеет, главным образом, теоретический и подсобный интерес. Несомненно, что

экзогенность и эндогенность наблюдаются в каждом преступном типе, но с более или менее заметным преобладанием первой или второй. Деля затем к.-р. на три бытовых типовых различия, мы установим те пенитенциарные меры, кои должны в отношении данных преступников предприниматься.

Вернемся к более детальному рассмотрению этих трех типовых различий.

Первый тип—активный деятель, носитель определенных антисоветских идей. Прежде всего, этот тип принадлежит к капиталистическому классу. Если это горожанин,—он или представитель буржуазии, или привилегированный чиновник, или интеллигент, всецело проникнутый буржуазными традициями (в отличие от оппозиционной интеллигенции с распыленным лозунгом «служения народу»). Тип, принадлежащий к этой группе, враждебен пролетарской революции не только по классовой материальной заинтересованности, но и по всей окраске психических навыков и устремлений. Это—тип, которого революция не раздавила, не обезвожила. Он не мечется и не выжидает, он зорко следит за политическими перипетиями, внутренними и зарубежными. Он осторожен, умело лавирует в советской общественности, иногда внешне примыкает к «лояльной оппозиции», иногда пользуется доверием, в большинстве случаев—бескорыстен. В данное время этот тип встречается весьма редко.

Вторая типовая группа группа субъектов, привычно действующих и мыслящих в плане и стиле дореволюционной эпохи. Этот тип самый распространенный в среде к.-р. Основной тон их психической деятельности—тоска по прошлому. Такой к.-р. бытовое явление. Это—обыватель, у которого революция выбила привычную обстановку. Оптимизм памяти заставляет их видеть в добром старом времени лишь отрадные моменты. Этот обыватель не в силах принять героический быт революционной эпохи. Отсюда его резкое отношение ко всем проявлениям после-революционного быта. Это—интеллигент пароднического толка; это—офисер-разночинец, растерявший привилегии; это—кулак или середняк с особо выраженным менчювским укладом; это—мелкий торговец, официант и т. п., пестрый сброд всех тех, которые не выносят новое, ибо оно нарушает привычный строй жизни. Это не активные деятели. Всех их можно подразделить на две подгруппы: 1) приспособившиеся и 2) выбитые из колеи, деклассированные. В первом случае, это—средний советский служащий с политграмотой в портфеле, лояльный собыватель, почивший на ставке и примирившийся с судьбой. Во втором случае, это—деклассированный обыватель теплых мест, близкий к уголовному миру криминолог, а нередко и профессиональный преступник, снюклант и т. д.

И первая, и вторая подгруппы этой группы к.-р. — резерв активной контр-революции.

Третья группа. Боротый тип авантюрного толка, результат аморализма переходного периода. Это — представители разнообразных классовых группировок, деклассированные революцией, но неповедшие по уклону уголовного преступления. Это — так называемые спецы по «перевороту», офицеры, представители аристократии, крупной буржуазии, по преимуществу. Их не интересует конечная цель контр-революции, но их интересует волнение, как мутная вода, в которой они смогли бы ловить рыбку. Война, революция оторвали их от капиталов, имений и производства. Трудовые будни не соответствуют ни их аппетитам, ни их темпераменту. Они — вульгарные романтики, посетители подозрительных международных кафе, политическая вина, требующая зоркого глаза и чуткого уха. Они легко меняют ориентацию, из их среды выходят провокаторы и прочие «дельцы по секретной части». В большинстве случаев это незаурядные личности и, конечно, не обыватели.

Совершенно особо от этих трех типовых групп мы поставим группу к.-р. из среды советской молодежи^{*)}. Эту группу можно разделить на две основных бытовых подгруппы.

Подгруппа А. Молодежь с ярко выраженной классовой принадлежностью, воспитанная в дисциплине буржуазно-монархического строя. Этот тип — выразитель к.-р. возделенный. Если он горожанин, — он сын офицера, чиновника, купца. В деревне это — сын кулака, мелкого помещика, торговца. Он воспитан или в романтике феодально-дворянской дисциплины, или в утилитаризме буржуазной вали к обогащению. В культурной жизни эти субъекты воспитаны на патристической литературе различных оттенков и качеств. Они переживают некую душевную драму в виде крушения «великой неделимой России». Оптимизм памяти у них обусловлен не личной жизнью, но старым дореволюционным культурно-историческим багажом. Отсюда их мизантропизм и стремление к реставрации. Такого типа к.-р. молодежь способна на серьезные преступления. Политические убеждения их не имеют определенной четкости. Они формуруются на негативной основе неприятия пролетарской революции.

К.-р. этой подгруппы безусловно нуждаются в пенитенциарном воздействии. Правильная воспитательная политика, суровый бытовой режим, политическая грамотность успешно могут воздействовать на их психический строй.

Подгруппа Б. К этой подгруппе принадлежит молодежь различных классовых оттенков. Революция в ее героический период захватила всю здоровую часть молодежи, которая массами вступала в комсомол или внепартийно при-

^{*)} „Ид“ Луначарского.

нимала участие в деле революции. Переход на широкое строительство сопровождается серьезнейшим психическим переломом в массах всего Союза.

Разочарование, недовольство рабочими буднями и среде неустойчивой молодежи уже отмечалось широкой прессой. Увлечение дурной романтикой с ее театральной конспирацией, увлечение учениями мистикомасонского толка и модным кумиром буржуазной молодежи Запада — фашизмом формирует из представителей этой подгруппы к.-р. специального толка. Это к.-р. «советского образца». Их бытовой уклад напоминает уклад *les incroyables* Термидора французской революции (френоновские молодцы), фокетротные вечера и безответственное фрондирование — их общественная жизнь. Конечно, они далеко не так активны, как термидорианские «*les incroyables*». Но, при благоприятных обстоятельствах, они зашестрят на улицах, площадях и в гостиных. Они мыслят не архаически. Они живо воспринимают все перемены и невзгоды партийной жизни. Они могут показаться легкомысленными, но они серьезные враги советского строя. Оппозиция и мистика, красный национализм и антисемитизм, религиозные искания, тоска по новому потрясению, стремление к обогащению и проч. и проч. — вот исстари обиход их внутренней жизни.

Нужен толчок, чтобы из этого конгломерата идей и толков образовалась четкая политическая формула.

Какими же пенитенциарными мерами следует пользоваться в отношении к.-р.? Следует ли говорить, что трудовое воздействие даст в этой категории преступников совершенно особый эффект. Если уголовника труд в пенитенциарной обстановке исправляет, то, применяя этот труд по отношению к к.-р., нельзя ожидать того же результата.

Преступник к.-р. в огромном большинстве — субъект со специфической всеобщей развитой «ответственностью» и весьма дисциплинирован. Трудовая дисциплина, как таковая, для него не имеет самодовлекющего смысла. Он аккуратен, трудолюбив, честен. И напрасно наблюдатель будет искать следов воздействия в этих сторонах его личности. Попадая в обстановку лагеря, к.-р. вовлекается в и вседневный труд отнюдь не для исправления. Трудовая обстановка создается для него с совершенно особыми намерениями. Прежде всего он должен пройти этап физической работы. Физическая работа в обстановке лагеря вызывает в нем крепкий базис классовых привычек. Она условно пролетаризирует его. Труд медленно, но верно меняет жизненное отношение к.-р. Озлобление, покорность и, наконец, сознательная подчиняемость — вот фазисы первоначальных переживаний к.-р. Разумеется, при неорганизованности и слабости пенитенциарного аппарата, трудовое воздействие в данной форме может дать только отрицательные результаты. Рациональное же применение труда несомненно дает благоприятные результаты. Итак,

первый момент пенитенциарного воздействия—труд, физический труд, общежитие, коммунальное питание—пролетаризирует к.-р. преступников. Затем наступает момент, когда необходимо приступить к более сложной индивидуальной обработке. Нечего говорить, что культурно-просветительная работа применительно к к.-р. не может дать положительных результатов.

Обстановка лагеря, это—чрезвычайно сложная, как бы нарочито организованная жизнь. В этой нарочитости могут быть учтены все возможности. Заключение развивается в новых условиях по новому. Новая бытовая установка, общественная жизнь лагеря так или иначе воздействует на переживания заключенных к.-р. В субъектах безнадежных эта обстановка вызывает озлобленность и непримиримость. Но у большинства озлобленность—лишь первичный необходимый этап. В дальнейшем начинается переоценка ценностей, а вместе с тем невольно происходит процесс внутренней советизации.

В лагерной обстановке обнажается личность во всей ее классовой выразительности. Представители аристократии, лишенные обстановки, соответствующей их привычкам, или разлагаются, саботируя действительность, или в каждодневном труде определяют свое мировоззрение на основе советской действительности. То же самое, но в более сильном темпе, происходит и в среде белогвардейской молодежи, изуродованной кастовым воспитанием. Для этих последних Соловецкий лагерь является подлинной школой жизни. Брошенные в условия труда, они начинают смотреть глазами труженика. Белогвардейский авантюризм и легкомыслие не уживаются с этой суровой обстановкой. Происходит процесс перерождения. Этот процесс медленнее. Умственно перерождение, показательная высокая доблесть не заслуживают ни доверия, ни внимания.

Соловецкая действительность дает прекрасный урок. Она сводит с картонного пьедестала романтические стремления и приучает день ото дня к ответственному труду повседневности.

Политзанятия, производимые с различными группировками преступников к.-р., имеют подсобное и несомненно второстепенное значение. Однако, и этим последним оказывается должное внимание.

Пенитенциарная работа над заключенными к.-р., это—весьма кропотливая и длительная работа. Нужны годы, чтобы эта работа дала видимые результаты. Но, во всяком случае, мы далеки от желания делать какие-либо общие выводы. Наша работа не выходит из рамок первоначального наблюдения, некоторых индивидуальных опытов и собирания материалов. Несомненно, мы далеки от варварских положений ломброзианской школы, рассматривающей политических преступников, как особый аномальный антропологический тип. Изучая преступника к.-р. мы прежде всего устанавливаем в наших наблюдениях социологический стержень, учитывая экономический фактор к.-р. преступлений прежде всего.

Условный язык заключенных Соловецких Лагерьей Особого Назначения.

Николай Виноградов.

Настоящая работа, посвященная в основном освещению некоторых вопросов, связанных с изучением условного языка заключенных, является далеко не первой попыткой в этом роде. Начиная с дореволюционного времени и до последних дней, уже выпущен целый ряд словариков, более или менее полно охватывающих доступный собирателям материал по тюремному жаргону.

К таким относятся:

Трахтенберг. Блатная музыка. Жаргон тюрьмы. Спб. 1908.

Понов. Словарь воровского и арестантского языка. Клев. 1912.

Чуканова. Жаргон преступников. Вестник Права. 1916, № 33.

Блатная музыка. Жаргон преступников. Изд. Управления Уголовного Розыска. М. 1923.

Были также попытки разработки и обработки данных словарного материала. Из статей этого рода мне известны:

Доклад доктора и народного судьи Сегалова. Изд. Московского Губсуда. М. 1926.

Отчасти того же вопроса касается работа П. Хандзиеского — „Блатная поэзия“. Сибирская Жизнь Старина. 1926, № 5. Сравни. — Советская Сибирь. 1926, № 203.

Совершенно мне недоступною осталась работа по тюремному жаргону, напечатанная в первом выпуске трудов Самарского университета.

Французский социолог Ницефоро выпустил целую книгу, посвященную тюремному жаргону (Niceforo. Le génie de l'argot. Paris. 1912).

По существованию всех указанных и, возможно, других неизвестных мне работ ни в какой степени не является противопоказанием к выходу в свет настоящей работы.

Прежде всего, вышеперечисленные труды словарного характера не дают общей суммы: если не всего, то, по крайней мере, большей

части материала. Точно также они не дают детальной картины жаргона какой-нибудь отдельной самостоятельной территории. Это просто механические собрания всего доступного собирателю словарного материала, безотносительно к его хронологическим наслоениям и территориальным различиям.

Попытки же разработки того обширного и глубоко интересного материала, который заключается в указанных собраниях воронежских слов, ограничивались, по обыкновению, лишь легкими этюдами, построенными на семасиологии слов, не касаясь вопроса о происхождении, составе и жизни (изменениях и росте) жаргона, как целостного самостоятельного организма.

В дальнейшем изложении будет сделана попытка выяснить следующие вопросы:

1. Есть ли жаргон соловецких заключенных что-либо новое, или же его можно возвести к другим более древним видам и формам условных языков.
2. Экономическая необходимость и другие причины, вызвавшие возникновение и развитие жаргона.
3. Его грамматический строй.
4. Его формальный состав. Заимствований.
5. Является ли жаргон уголовного самостоятельным языком.

II.

Условный язык соловецких уголовников является результатом сложного взаимодействия целого ряда факторов.

Соловецкий Лагерь принудительных работ пополняется контингентами заключенных со всех концов обширного СССР. Сибирь, Кавказ и Средняя Азия имеют здесь своих представителей в достаточном количестве.

Но преобладающим элементом в том сложном конгломерате племен и паречий, который в общей сложности составляет СЛОИ, являются все же представители Центральной области РСФСР и Ленинграда. Через Москву и Ленинград также проходят, с задержкой здесь, и другие этаны, направляемых в Соловецкий Лагерь Особого Назначения заключенных. Эти факторы и дают главный общий тон „блатной музыки“.

Рассматривая и детально анализируя тот сложный комплекс разнообразных видов и форм различных жаргонов, каковым является бытующий в настоящее время на Соловецком архипелаге условный язык заключенных, приходится заключить, что он образовался в полном соответствии с племенным и географическим составом составляющих Лагерь единиц.

Соловецкий жаргон привнес в себя отдельные слова из целого ряда различных жаргонов и языков. Внимательное рассмотрение прилагаемого

к этой работе собрания слов соловецкого условного языка вполне доказывает, что представители разнообразных окраин и областей СССР все сделали свой вклад в эту копилку.

Эта типичная особенность соловецкого условного языка в значительной степени иллюстрируется тем, например, фактом, что некоторые, по большей части, наиболее употребительные, ходовые слова имеют в соловенком жаргоне ряд синонимов.

Но, несмотря на большое разнообразие своих источников и их территориальную разобщенность, условный язык соловчан все же не отклонился сколько-нибудь значительно от своих первоначальных источников и не потерял своей естественной связи с ними.

Отдельные, наиболее меткие слова и выражения удержались, как наиболее живучие, и вошли в дух и обиход соловчан. В этом конгломератном языке встречаются не только жаргонные термины, пришедшие из отдельных, географически не связанных между собою местностей, но и слова родных языков разнообразных национальностей, имеющих своих представителей в Соловках.

Но общий фон, основную массу, в которую как бы вкраплены отдельные слова и элементы разных местных жаргонов и разнообразных языков, представляет собою условный язык тюремных сидельцев Москвы, Центральной области РСФСР.

Тюремный жаргон имеет свою жизнь, свою историю, и проследить его ход, развитие и связь со старым языком «ведомых татей», «затюремных сидельцев» и «острожников» вполне возможно. Словарный материал и имеющиеся, хотя и отрывочные и незначительные, сведения в литературе возводят его довольно далеко вглубь времен. А сравнительное исследование данных различных условных языков и заимствований в них дает возможность раздвинуть рамки еще шире и даже установить некоторые довольно неожиданные культурные взаимодействия и взаимоотношения между племенами и народностями, уже давно соединенными с исторической сцены.

Чтобы не загромождать статьи чрезвычайно обширными словарными сопоставлениями и бесконечным перечислением словарного материала, из имеющихся записей я беру первый попавшийся под руку словарь тюремного жаргона. Он напечатан в приложении под № 1.

Он не велик — в нем всего 54 слова. Записи сделаны до революции, в начале двадцатого столетия, во Владимирской губернской тюрьме. Материал для сравнения, в соответствии с вышесказанным, нарочно взят из центрального района, из сравнительно нейтральной области, близкой к Москве, но уже на путях от нее.

Сравнивая данные словаря владимирских арестантов с записями жаргона соловчан заключенных, приходится отметить, что из 54 вла-

димирского слова 36 встречается и в соловецком жаргоне, и лишь 15 слов не вошли в мои соловецкие записки.

Это дает более 70 процентов заимствований. Таким образом, можно видеть, что современный тюремный жаргон в значительной степени комплектуется кадрами старой «блатной музыки».

Выше сказано, что 15 слов из владимирского словарика не отмечены в соловецком жаргоне. Это не значит, что они и на самом деле не употребляются в Лагере. Мои записки на Соловках ведутся недавно и не полны. Если же произвести более обширное сличение соответствующего словарного материала, то процентное соотношение окажется много значительнее.

Так обстоит дело при сравнении соловецкого жаргона с общетюремным языком в ближайший к нему дореволюционный период.

Но, конечно, корни жаргона тюремных заключенников, как уже было сказано, лежат гораздо глубже. За Чеховым¹⁾, Дорошевичем²⁾ и Крестовским³⁾ источники прерываются, здесь зияет широкая лагуна.

Однако, несмотря на такую скудость источников и материалов, в литературе все же имеются некоторые путеводные вехи, стоящие при том же как раз именно там, где они более всего нужны.

В одной из глубочайших книжек второй половины восемнадцатого столетия, содержащей в себе «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ващки Каина, всей его жизни и странных походов»⁴⁾ имеется вполне определенное указание на то, что в его время существовал профессиональный условный язык в среде лошадиных барышников, представлявших в то, особенно, время довольно подозрительную, крепко спаянную, в значительной степени преступную массу.

В книжке говорится следующее:

«Многим, думаю я, покажутся сия слова за пустую подлую выдумку; но кто имел дело с лошадиными барышниками, тот довольно знает, что они, во время покушки и продажи лошадей, между собой употребляют такие слова, которых и другие никак разуместь не могут, например, у них называется:

Рубль—бире;

Полтина—дер;

Полполтины—секана, секне;

¹⁾ «Остров Сахалин».

²⁾ То же.

³⁾ «Петербургские трущобы».

⁴⁾ Сочинение М.(атвеем) К.(омаровым) в Москве 1775 г. СПб. 1779. 6+104 страницы.

Грязна—жирмаха и пр.»

Сообщив несколько слов этого условного языка лошадиных барышников, автор делает далее следующее весьма ценное замечание:

«Подобно сему и у монашников есть многие выдуманные ими слова, которых, кроме их, никто не разумеет».

Это показывает, что в середине восемнадцатого столетия воры пользовались жаргоном, для того чтобы вести между собою переговоры. Теперь, конечно, интересно было бы узнать следующее:

Каков же был этот жаргон по своему составу и строению?

В каком отношении он находился к современным жаргонам вообще и к соловецкому в частности?

Вполне определенный ответ на поставленные вопросы дает все тот же пресловутый «вор и разбойник, бывший московский сыщик» Ванька Каин. В своей автобиографии¹⁾ он приводит две фразы из современного ему тюремного жаргона:

«Триока²⁾ кач ела, стромык сверяюк страктирила» (т. е. тут ключи в калаче для отпираания цепи³⁾).

«Когда мас на хаз, так и дуляе погас» (т. е., никто не шевелится⁴⁾).

Здесь, прежде всего, следует отметить, что расшифровка приведенных фраз сделана автором книги очень неудачно в смысле точности. Она передает лишь обобщенный, весьма отдаленный смысл сказанного, но не дает его буквального перевода. Возможно также, что некоторые слова в первой фразе искажены.

Независимо от точности перевода, в приведенных двух фразах имеется ряд слов, которые и в настоящее время употребляются как в общеворовском жаргоне, так, равно, и на Соловках.

Вторая фраза дает два слова из имеющихся в ней трех жаргонных:

Мас—я, сам, хозяин; срвн.: масовский—свой, близкий.

Хаз—срвн.: хаза—1) воровская квартира, 2) вообще—квартира, дом, помещение.

Из первой фразы также одно слово—стромык—вполне соответствует соловецким жаргонным:

Стрема—слеска, наблюдение, сторожа.

Стремить—сторожить, стоять на страже, наблюдать, охранять товарищей во время дежа.

¹⁾ Полное заглавие: „История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом, писанная им самим при Балтийском порте в 1764 г.“ Изд. 3. М. 1792. 8+159 стр., 50 №№ песен. Приведенные цитаты см. на стр. 28.

²⁾ В современной транскрипции—трека.

³⁾ „История...“, стр. 42.

⁴⁾ Там же, стр. 48.

Принимая во внимание, что воровская деятельность Ваньки-Каина протекала в начале восемнадцатого столетия, с несомненностью можно заключить, что и воровской жаргон семнадцатого столетия, по крайней мере — второй его половины, мало чем отличается от приведенных образцов, имея лишь соответствующую времени внешнюю оболочку слов (фонетическое оформление).

Из вышеприведенных сопоставлений с очевидной ясностью вытекает, что современный соловецкий жаргон, равно как и другие условные тюремные языки, ведут свое начало, связаны с весьма отдаленными временами и имеют непосредственную связь с словарным материалом преступного мира еще до-петровской Руси.

От дальнейших формальных сопоставлений словарного материала и воздерживаюсь — отчасти вследствие отсутствия достаточного количества источников, отчасти вследствие того, что новые параллели сопряжены с очень сложными и обширными лингвистическими изысканиями.

Но уже и приведенных данных совершенно достаточно для того, чтобы видеть, что современный жаргон заключенных является лишь естественным звеном в общей сложной цепи развития условного языка заключенных.

В последующем изложении будут приведены новые данные, указывающие на тесную связь условного языка заключенных с словарным материалом весьма отдаленной эпохи и притом не одной только русской народности.

II.

Условия, вызвавшие возникновение воровского жаргона, точно так же, как и других условных языков, в общем, просты и ясны.

В этом отношении мы имеем ряд авторов, вскрывающих отчасти предположительно, а по большей части на основании фактических данных и личных наблюдений, кардинальные причины, вызвавшие в жизни и притом в значительном количестве также, повидимому, неживые¹⁾ явления, как целый ряд условных языков среди лиц различных профессий и некоторых объединенных или связанных общностью промысла групп.

Ф. Галяка в своих «Письмах к другу» об условном языке жителей города Галича, Костромской губернии, говорит следующее:

«Я недавно узнал, что в Галиче, Костромской губернии, существует и поныне совсем особенное наречие, которое, вероятно, в смутные для России времена служило некоторым из тайных граждан для тайного разговора и переписки. Сохраненное и поныне в некоторых купеческих обществах, оно доставляет им способ, особливо тем, которые

¹⁾ Сравн. также ряд искусственных языков типа волженок.

разъезжают по ярмаркам, объясняться друг с другом о цене товаров и о прочем так, что никто из предстоящих разуместь их не может»¹⁾.

И. И. Свиньин также замечает о подобном жаргоне:

«Многие купцы и рыбаки говорят на нем довольно бегло и нередко употребляют его с позволю для себя при своих расчетах»²⁾.

О так называемом «елтанском» условном наречии М. И. Днев пишет, что оно употребляется «между торгашами, плотниками и разносчиками Костромской и Владимирской губерний»³⁾.

Тот же автор в другой своей работе говорит:

«Довольно в Костромской и смежных с ней губерниях в народе употребители язык, не похожий на славянский или русский, оставшийся в народе таинственным, под названием в Перехте Елтанского»⁴⁾.

Наиболее полную и детальную характеристику условных языков дает известный этнограф-собираатель В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка»:

«Для беседы между собою при торговле, офенями (мелочными торговцами вразноску и вразвозку по малым городам, селам и деревням) искони придуман свой офенский, кантюжский, ламанский, а ламанский или галивоцекский язык... На этом же языке австрийские (белокриницкие) раскольники переписываются с нашими. Похожий, но менее полный язык есть у костромских шерстобитов, у тверских и других нищих, где нищенство составляет промысел; также у конских барышнявков из татарских и немвогих цыганских слов; у воров или мазуриков в стоянках (см. байковый язык) и пр.»⁵⁾.

Условный же воровской жаргон, так называемый байковый язык, В. И. Даль определяет так:

«Байковый язык или музыка — вымышленный малословный язык столичных мазуриков, воров и карманников, нечто вроде офенского; есть даже несколько общих слов, например: лень — платок; но большей частью придуманы свои...»⁶⁾.

¹⁾ «Письма к другу, содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зиновий Богдан Хмельницкий или освобожденная Малороссия». Федора Глинка. СПб. 1816, ч. II, стр. 10.

²⁾ Свиньин, И. И. Картины России и быт равноплеменных ее народов. СПб. 1839, стр. 176.

³⁾ Днев, М. Изменение некоторых выражений «Правды Русской». — Ж. М., Ч. II, 1839, № 5; отд. отт. — стр. 39.

⁴⁾ Это же. Какой народ населял в древние времена Костромскую сторону и что известно об этом народе? — Чтения в О-ве Ист. и Древн. Росс. при М. У., 1865, кн. IV, стр. 172.

⁵⁾ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Под ред. проф. И. А. Бодуэн-де-Куртене. Изд. 4-е. М. О. Вольф. СПб. М. 1912, Т. I, стр. 48.

⁶⁾ Даль, т. 4, стр. 98.

Более подробные сведения по этому вопросу см. в моей статье, напечатанной в первой книжке тома XX «Известий Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук» за 1915 г. ¹⁾.

Из вышеприведенных цитат и материалов видно, что условный язык употребляется у торговцев, у различных профессионалов-кустарей, у нищих, у преступников и у заключенных. Всем вышеуказанным группам необходимо скрывать от посторонних людей свои торговые тайны, хранить профессиональные секреты, стовариваться о предполагаемых преступлениях, вернее обманывать разнообразных своих клиентов и т. под. Недаром офени называют на своем жаргоне сами себя обзетильниками, т.-е. плутами, обманщиками (глагол обзетить значит—обмануть, ешлутовать).

Самый словарный материал отдельных групп и профессий дает всегда точные указания на особо важные моменты их занятий или профессий, обильно покрывая их наиболее уязвимые места. Так, у торговцев всего подробнее разработан и наиболее разнообразно представлен счет ²⁾; у воров—различные объекты краж, их собственное деление на группы, названия орудий «производства» и т. д., и т. под.

Отсюда ясно, что возникновение всех такого рода условных языков, в том числе и воровского жаргона, вызывается простой экономической необходимостью. Эта же причина обуславливает живучесть и жизненность жаргона.

III.

Детальное рассмотрение собранного на Соловецких островах словарного материала по условному языку заключенных позволяет выяснить и формальный состав этого сложного и искусственного конгломерата отдельных слов различного происхождения.

Как и всякий искусственный язык (срав., например, эсперанто, воляпюк) соловецкий жаргон не мог развиваться естественным путем. Весь его словарный материал не является результатом жизненных процессов, естественного роста и постепенного развития. Почти весь лексикон условных языков составляют слова заимствованные.

Анализируя с этой точки зрения жаргон заключенных Соловецкого лагеря принудительных работ, видим, что состав его отличается значительной сложностью.

1. Прежде всего и главным образом, сюда вошли слова, взятые из литературного русского языка, но с приданием им совершенно другого

¹⁾ В и н о г р а д о в, Н и к о л а й. Галивонские Алеманы. Условный язык Галичан (Костромской губернии). Стр. 269—270.

²⁾ У востромских мелких торговцев толкучки словарный материал почти целиком состоит из числительных, употребляются даже два условных счета. При этом еще имеются общие названия для всех серебряных и медных монет. См. мою работу—„Галивонские Алеманы“, стр. 234—236.

значения. Между прежним и новым значением обычно нет никакой семасиологической связи. Формальная иногда соблюдается. Примеры:

Шоалер — револьвер.

Гитара — воровской инструмент, лом для взламывания.

Капнуть — предупредить, рассказать

Сидор — мешок.

Грубо — хорошо.

Касир — взломщик нестеряемых шкафов.

Слов этого порядка в словенском жаргоне громадное большинство. И это вполне естественно, так как, с одной стороны, это наиболее легкий способ комплектования жаргона, а с другой — в языке часто, кроме прямого значения, отдельные слова и выражения имеют еще переносное, что способствует варированию их значения.

2. Слова, взятые из местных говоров и областных наречий. К таковым относятся, например:

Святцы — карты.

Сдредить — струсить, испугаться, отказаться.

Косуха или босая — тысяча.

Гулять — пьянствовать, кутить, а также заниматься проституцией.

На пару — вдвоем.

Пырнуть — удариться в бегство.

Этот способ пополнения словенского условного языка является также вполне естественным, поскольку контингент заключенных рекрутируется из самых разнообразных местностей и социальных групп.

3. Слова, произведенные самостоятельно, непосредственно для нужд жаргона, от свойств, качеств и действий соответствующих объектов русского языка. Примеры:

Рыжик — золотой, червонец.

Рыженье — золото.

Скринуха — корзина.

Суучиваться — изменять, переменять убеждение, продаваться.

Вертуг — коловорот.

Мокрушник — убийца.

4. Слова, вернее, корни слов, взятые из русского же языка, но переделанные и приспособленные к нуждам условного языка:

Масалка — шинель.

Мильтон — милиционер.

Вадерчик — вор.

Обхерить — отказать.

Окалечить — обмануть, опутать.

Шиваристка — уличная кокетка.

5. Слова, образованные, повидимому, путем простой перестановки отдельных частей слова или его слогов, так, например:

Мас — сам; отсюда — масовский, масен.

Ропя — поря.

Лампово — поволам.

6. Слова, очевидно, придуманные специально для нужд условного языка. Такие, каких не встречается в других языках или жаргонах:

Лондра — двести.

Балдохя — солнце.

Кнапер — револьвер.

Кяча — тюрьма, исправдом.

Сялетовать — убежать, сбежать.

Пыраловка — Хитровка.

— Таким образом, ясно, что в каждом жаргоне имеется целый ряд способов, при помощи которых он черпает весь необходимый для него словарный материал.

6. Но, в то же время, необходимо отметить, что главным источником притока новых слов в тюремном языке является другие условные и профессиональные жаргоны. Это вполне понятно. Попавшим в тюрьму с знанием какого-либо жаргона преступникам оставалось лишь применить его к делу в новых условиях, пускать в оборот. А «кобылка», общая тюремная масса, охотно принимала наиболее удачные, наиболее меткие слова и выражения.

Таких слов — слов, взятых из других жаргонов, в «благной музыке», повторю, большинство. Они относятся одинаково ко всем ранее указанным шести видам заимствований. Из всех указанных источников каждый условный язык, обычно, широко черпает подходящий для него словарный материал. А тюремный жаргон, в свою очередь, обычно черпает свои слова из них.

Если сойти с почвы общих рассуждений и произвести действительное, конкретное сравнение условного языка заключенных в Соловецких Лагерях с некоторыми профессиональными жаргонами, то такое сопоставление даст материал для интересных выводов.

Наиболее мне известен один из бытующих в полной мере до настоящего времени условный язык населения Приветлузья (бывш. Костромской губернии), занимающегося лесным промыслом вообще и, в особенности, спилом леса. Это — так называемый «жгонский язык». Он имеет довольно обширный словарь. В моей работе по этому жаргону собрано 176 слов ¹⁾.

¹⁾ В. И. Градов, Николай. Жгонский язык. Условный язык Приветлузья, Костромской губернии. Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Академии Наук. 1918, т. XXIII, кн. 1, стр. 89—105.

Сравнение этого словарного материала показывает, что на Соловках употребляется до 20 слов, взятых из «жгонского» языка, т.-е. более 10-ти процентов его словарного богатства. Из условного языка галичан, из 48 слов, заимствовано 7, т.-е. около 15 процентов.

Из офенского языка (языка мелких деревенских торговцев), частично вошедшего в «Толковый словарь живого великорусского языка» Даля, в употреблении у соловчан еще более, до 18—20 процентов, слов. Наконец, сравнивая первые дошедшие до нас печатные записи воровских слов Ваньки-Каина, видим, что из 8 его слов до сего времени употребляется 3, т.-е. 37 процентов.

Таким образом, соловецкий условный язык по своему словарному составу находится в непосредственной и тесной связи с профессиональными жаргонами.

7. Наконец, каждый условный язык, в том числе, конечно, и соловецкий, имеет в своем словаре ряд слов, заимствованных непосредственно из иностранных языков, большей частью соприкасающихся территориально, но иногда и достаточно отдаленных не только по пространству, но и во времени.

Здесь я имею в виду, конечно, не такие слова, как, например: грандотель, шикаристка, кассир, канент, паразит, вермишель, симулятор и пр., и пр. Эти термины перешли в жаргон уже из литературного языка. Я говорю о таких иностранных словах, которых нет в литературе, и которые непосредственно вошли в соловецкий условный язык.

Наибольшее количество заимствованных слов — немецкие, но они перешли в условные языки из еврейского жаргона, а не из немецкого языка. Сюда относятся, например:

Бан — вокзал, перрон, поезд.

Зекс (предупрежденно) — берегись, не зовай, смотри, внимание.

Фраер, или фрей — человек, около которого можно пожить.

Дрефить — трусить, бояться, пугаться.

Сюда же относятся — фартнер, межд. зухтер и др.

Слова — майдан, майданчик и некоторые другие вошли из татарского языка.

Хаз — дом, еще по указанию Ф. Глинки, заимствован из венгерского языка, вероятно, через венгерцев-ходоушников, разносчиков различного «щепетины» — мелкой галантереи и мануфактуры.

Зюм — два — несомненно восходит к монгольскому зюсак.

Слова — кимать, кимарить, филон — несомненно греческие. В других условных языках, даковы, например, галивоцкий и офенский, имеется еще целый ряд слов, взятых с греческого же языка и притом в весьма

отдаленную эпоху. В. И. Даль говорит, что греческие слова «испони занесены с Сурожья, т. е. с Азовского поморья и из-за Дуная»¹⁾.

А в одном из исследований, касающихся Смоленщины, отмечается даже влияние «. . . готское, проскальзывающее в пошибе некоторых предметов и в так называемом «кубрайском» языке дорогобужских мящан, которым они пользуются и до сего дня, жалая быть непонятными»²⁾.

Таким образом, внимательный анализ лингвистического состава соловенского жаргона показывает, что он in concreto состоит из различного рода заимствований и представляет собою ничто иное, как обычный условный профессиональный язык с аналогичным и в значительной степени тождественным словарным материалом.

IV.

Итак, условный язык заключенных Соловецких лагерей является языком паразитарным, созданным почти исключительно путем заимствований.

Но, может быть, не владея собственным материалом, «блатная музыка» имеет оригинальное оформление, своеобразный строй, особую грамматику.

Здесь, прежде всего, и считаю великим привнести несколько мнений отдельных авторов, занимавшихся разработкой данного вопроса. В виду полной доказанности положения, что соловенский жаргон не является каким-либо особым языком, а представляет собою лишь разветвление, разновидность одного обще-условного языка, естественно, что и приводимые цитаты не относятся исключительно к соловенскому жаргону, а касаются разнообразных условных языков.

Еще П. П. Свиньин, упоминая о елманском языке, говорил: «желательно, чтобы какой-нибудь этимолог разобрал его и выяснил, к какому племени он принадлежит»³⁾.

Следом за ним еще некоторые из местных историков считали условный жаргон самостоятельным языком и даже, как М. Я. Днев, — оставшимся от прежних обитателей Костромского края, каковыми были финские племена, в частности народ Меря⁴⁾.

Но впоследствии вопрос был поставлен на более правильный путь. Научно подготовленные историки пришли к совершенно противоположным выводам.

¹⁾ Даль, В. И. «Толковый Словарь», т. I, столб. 48.

²⁾ Клестьянов, Е. П. Симпозиум украс Смоленского края. Труды Смоленских Рос. Музеев, Смоленск, 1927, Вып. I, стр. 112.

³⁾ Свиньин, П. П. Указания, соч., стр. 175; срви. П. Виноградов. Рашиновские Алеманы, стр. 227.

⁴⁾ Днев, М. Какой народ?, стр. 174.

В. Самарянов в послесловии к своей работе о г. Галиче в начале семнадцатого века по интересующему нас вопросу говорит буквально следующее:

«Нынче... оставлено такое мнение о галичском языке, так как, по исследованиям знатоков, оказалось, что употреблявшийся галичанами язык был нечто иное, как язык офеней и, следовательно, не язык в собственном смысле, а простой набор слов, имеющих известное условное значение, понятное для офеней и подобных им промышленников, но не имеющий грамматических форм, свойственных каждому самостоятельному языку, хотя бы и очень бедному»¹⁾.

К такому же выводу приходит и известный знаток народного языка В. И. Даль, считая все условные языки лишь разветвлением одного офенского «вымышленного» языка²⁾.

Непосредственный анализ грамматического материала, представляемого соловецким блатным жаргоном, дает те же самые результаты. Вот ряд простых фраз:

«Ширмач блатует, а я на стреме...»

«Завели шухер—берегись штемы...»

«Колеса клевые купил.

Воченки рыжые срубил».

Из этих примеров видно, что никаких особенных правил словообразования, словоупотребления и словосочинения в соловецком жаргоне, как и во всех других условных языках, не имеется.

Все грамматические правила вполне сходны с правилами русского языка.

Новые, придуманные специально для данного жаргона слова, составлены по образцу русских, по правилам и в духе русского языка.

Склонения, спряжения и степени сравнения одинаковы, как тождественны и вообще все формы.

Употребление союзов и предлогов точно такое же.

Расстановка слов и их взаимное отношение в предложении—обычные для русского языка.

Вообще, как грамматика, так, равно, и синтаксис соловецкого условного жаргона ничем не отличаются от грамматики и синтаксиса русского языка.

Единственным исключением в данном случае является лишь употребление в некоторых редких случаях третьего лица единственного и множественного числа, вместо первого лица тех же чисел. Но это за-

¹⁾ Самарянов, В. Город Галич, Костромской губернии, в начале XVII века. Без обозн. врем. и места печати. Отд. отд. из Костр. Губ. Вед.

²⁾ Даль, В. И. Толковый Словарь..., т. I, столб. 25 и 840.

всент исключительно от того, что в жаргоне вместо местоимения первого лица — я — употребляется слово мас. — т. е. сам, вследствие чего фразы получают, например, такой вид: «мас похляет» — вместо «я пойдю», «мас ни сопа не ухлет» — я ничего не понимаю.

У.

Вышеприведенный материал дает возможность сделать следующие фактически обоснованные выводы в отношении условного языка, употребляющегося в среде соловецких заключенных.

1. «Блатная музыка» — жаргон соловчан — не представляет собою какого-либо самостоятельного языка, возникшего на Соловецких островах в новейшее время. Он непосредственно связан с дореволюционным воровским жаргоном, в равной мере находившимся в употреблении и среди арестантов. Начало и корни его кроются в глубокой древности.

2. По своему составу, соловецкий жаргон является сложным конгломератом различных заимствований и (лишь в незначительной степени) новообразований. Заимствования произведены преимущественно из литературного языка и областных наречий, но не непосредственно, а, главным образом, через условные профессиональные языки, словарный материал которых естественным путем входил в соловецкий жаргон. Есть заимствования и из иностранных языков, но они вошли преимущественно через еврейский жаргон или в очень отдаленное время.

3. Весь грамматический строй жаргона, его этимология и синтаксис тождественны с таковыми же русского языка.

4. Возникновение соловецкого жаргона вызвано экономической необходимостью для преступного элемента скрывать свои профессиональные секреты и расчеты, тайне готовить совершение преступления и проч.

Вследствие этого изучение соловецкого жаргона, как и других воровских языков, представляет большой интерес и может дать ценные указания в деле изучения психологии преступного мира.

Приложение № 1.

Словарик тюремного жаргона.

(Слова записаны во Владимирской тюрьме).

- Блотник—человек, покушающийся краденое.
Бока—карманные часы.
Бусой—шляпый.
Бячит—есть (имеет).
Взвесит, взвесил—задушить, задушил.
В доску—совсем.
Вышла стрема—увидали.
Громизла—вор, который ворует, преимущественно, по домам, магазинам или каким-либо помещениям.
Грубой—здоровый.
Дубак—ночной сторож.
Дубовый—неграмотный.
Дуть, дуй—кидать, бросать; кидай, бросай.
Зарезать, зарезал—записать, записал.
Засыпать, засыпал—доказать, доказал.
Засыпаться, засыпался—попасться, попался.
Клмать, клмаю—спать, сплю.
Клспарить—спать.
Клч—тюрьма.
Клевый—хороший.
Клюка—церковь.
Кони—сапоги.
Кеива—письмо.
Ламник—полтинник.
Лица—1) фальшивый письменный вид на жительство, 2) вообще, лица—всякая вещь, не соответствующая действительности. «Это лица»—т. е. подделка.
Липовый сармак—фальшивые деньги.
Липовые очки—поддельный паспорт.
Марник—10 копеек или гривенник.
Медд—тюремный надзиратель.
Одер—человек, печально попавший в тюрьму.
Очки—письменный вид на жительство.

- Пендюк—пятак.
Перо—нож.
Плитка—рубли.
Понести, понестъ—бить, бей.
Рыженько—золото.
Сармак—деньги, в общем.
Святцы—карты.
Скамейка—лошадь.
Скурина—серебро.
Стремить, стремлю—видеть, смотреть; вижу, смотрю.
Фраер—то же, что одер.
Хавать, хавает—есть, ест.
Хаза—квартира.
Хлять—бежать.
Хомка—ломик для сворачивания замков.
Шесть!—тише! или—бросай.
Ширма—карман.
Ширмач—карманный вор.
Шкеры—штаны.
Шмель—кошелек.
Шпалер—револьвер.
-

Словарь Соловецкого условного языка.

Собрал Н. Виноградов.

(Сокращения, допущенные в словаре: Безл.—употребляется безлично. Ж.—женского рода. Ед.—употребляется только в единственном числе. М.—мужского рода. Мн.—употребляется только во множественном числе. Н.—наречие. Нескл.—не склоняется. Пр.—имя прилагательное. См.—смотри. Соб.—имя собирательное. Ср.—среднего рода. Срвн.—сравн. Ч.—имя числительное).

А.

- Агалец,ца, м. См. Оголец.
 Агальчиха,хи, ж. См. Огольчиха.
 Академия,ии, ж. Тюрьма.
 Амба. Конек, «крышка».

Б.

- Бабочка,ки, ж. Рубашка, преимущественно—щеголеватая, фасонистая, красивая.
 Балдоха,хи, ж. Солнце.
 Бан,иа, м. Вокзал, перрон, поезд.
 Бандоршани,и, ж. Содержательница притона с проститутками, хозяйка публичного дома.
 Барахлиня,ны, ж. См. барахло.
 Барахло,ла, ср., ед. Имущество, всякий домашний скраб, одежда.
 Баркас,са, м. Ограда мест заключения, забор, тюремная стена.
 Барыга,и, м., ж. Барышник, барышница.
 Без дела. По подозрению, без улик.
 Без дела взять. См. Взять без дела.
 Берданка,ки, ж. 1. Мешок, узел, сверток, вообще—отдельное место.
 2. Вагон, платформа.
 Берданничать,лю,аешь,ает, ад. Воровать из вагона, на поезде, или с платформы.
 Берданочник,ка, м. Вор из вагонов, поездной вор.
 Берданочница,ды, ж. Вагонная поровка.
 Бимбер,ра, м. Часы.
 Бирка,ки, ж. Билет (железнодорожный, трамвайный, пароходный и пр.).

Бирки лямать. См. Лямать бирки.

Блатта, м., ед. Протекция, поддержка, содействие, побряжка, за-
ручка.

Блатная музыка. Воровской язык, жаргон профессиональных пре-
ступников.

Блатной дядя, ое, пр. Имеющий какую-либо поддержку или протек-
цию; состоятельный человек, независящий.

Блатной язык. Жаргон профессиональных преступников и лиц,
к ним прикосновенных. Употребляется в местах заключения.

Блатняк, ка, м. То же, что — блатной.

Блатник, ка, м. То же, что блатной.

Бобка, ки, ж. Рубашка.

Бобочка, ки, ж. Рубашка-сорочка (чистая, глаженая).

Бобуха, хи, ж. Рубаха — грубая, крестьянская; или грязная, драпан.

Бобушка, ки, ж. Рубашка мужская.

Бока, ов, м., мн. Карманные часы. — «Пару боков купил».

Ботать, аю, ешь, ет ал. Говорить, разговаривать — «Ботай, да огля-
дывайся».

Ботать фе, и. См. Феши ботать.

Ботать по феши. См. Феши ботать.

Боченки, ов, м., мн. Карманные часы. — «Боченки разные срубил».

Бузотер, ра, м. Неспокойный человек, скандалист, спорщик.

Бузотерка, ки, ж. Скандалистка, неспокойная женщина.

Бусый, ая, ое. Пьяный, хмельной. — «Бусый в дымну».

Бутырка, ки, ж. Бутырская тюрьма.

В.

В доску. Совсем, совершенно.

В доску свой. См. Свой в доску.

В дымну. То же, что — в доску.

Вентиляция, ции, ж., ед. Высылка на Соловки или в изолятор.

Вермишель, ли, ж. Водка, вино, пиво — вообще, спиртные напитки.

Вадерщик, ка, м. Вор при размене денег.

Взять без дела. Задержать без всяких узик, арестовать по одному
только подозрению.

Взять дело. Принять на себя чужое преступление.

Взять за концерт. Арестовать, поймать.

Взять за шкурку. Арестовать, поймать.

Взять на испуг. Обмануть путем угроз, вызывая чем-либо боязнь.

Взять на пошт. Обмануть нахально, на пустую.

Взять на пустую. 1. Арестовать, задержать по одному лишь подозрению. 2. Обмануть, уверить в чем-либо неосновательном.

Взять на вушку. Обмануть при помощи угроз, надуть.

Взять на фиру. Обмануть, околнчить.

Взять с делом. Арестовать, задержать с личным или на месте преступления.

Вертуган, м. Коловорот.

Ветюшная кошка. Проститутка, участница хищения.

Волчок, м. 1. Отверстие в двери камеры, для наблюдения за заключенными. 2. Кондуктор.

В расход. Расстрел.—Взять в расход или пустить в расход—расстрелять.

В шестнадцатую роту. Умереть. То же, что загнуться.—«Попаи в шестнадцатую роту».

В ящик сыграть. См.—Сыграть в ящик.

Г.

Гитара, ры, ж. Ломик для взламывания—воровской инструмент. То же, что фомка.

Голуби, ей, м., мн. Белье, развешенное для просушки на чердаке.

Голубитник, ка, м. Вор белья с чердаков.

Голубитница, цы, ж. Воровка белья с чердаков.

Голубитничать, аю, аешь, ает, ал. Воровать белье с чердаков.

Голядка, ки, ед., соб. Арестантская уголовная масса—в общем.

Гондольеру заправить. См. Заправить гондольеру.

Гон, па, м., ед. Самый крупный по размерам в Ленинграде ночлежный дом с совершенно отглаженной и разношерстной публичкой. Помещается по Международному проспекту № 77, на Церковном дворе. Он же штаб № 1.

Гонник, ка, м. Обитатель гона, живущий в гоне.

Городушник, ка, м. Магазиный вор, рыночный профессионал.

Городушница, цы, ж. Магазиная воровка.

Городушничать, аю, аешь, ает, ал. Воровать по магазинам или на рынке.

Грабки, ов, м. Руки.

Грандотель, ли, м. Большая кража, выгодное дело.

Грач, ча, м. Любовник из фразеров, т.-е. не из «своих».

Гроб, ба, м. Сундук, ящик, всякое «твердое место».

Грубо. Хорошо.

Грубой, ая, ед. Хороший.

Гуливал, на, м. Гуляка, кутила.

Улягъ, лю, яешь, яют, ял. 1. Пьянствовать, кутить, разгульно проводить время. 2. Заниматься проституцией.

Д.

Дать дело. Уличить в совершении преступления.

Дать клей. Сообщить сведения, необходимые для совершения преступления, навести.

Духодка, ки, ж. Квартира с двумя ходами.

Дело, за, ср. Преступление — кража, убийство, грабёж и т. д. — «Наколоть дело», «дать дело», «Посе дело».

Дело мокрое. См. Мокрое дело.

Динама, мы, ж., ед. Пронгрыш в карты без обеспечения, без денег или вещей для расплаты. — «За динаму ждёт зверская расправа».

Динаму засадить. Пронграть в карты на честное слово, без обеспечения.

Домушник, ка, м. Квартирный вор, громила.

Домушница, цы, ж. Квартирная воровка.

Домушничать, аю, аешь, ают, ая. Воровать по квартирам.

Дрефить, лю, финь, фят, фил. Трусить, отказываться.

Дубак, ка, м. Ночной сторож, караульщик.

Дюзнуть, ву, вешь, ут, ул. Ударить. — «Дюзнул по харе».

Дядька, ки, м. Надзиратель, сторож в местах заключения. То же, что — мент.

Ж.

Жиган, па, м. Старый закоренелый преступник, воровской герой.

Жопник, ка, м. Задний карман.

Жука пустить. См. Пустить жука.

З.

Загиб, ба, м. Смерть.

Загиб Петров. Смерть.

Загнуться, жуь, жешь, жуея, жуся. Умереть, скончаться.

Завязать, жу, жешь, жут, зал. Перестать воровать, прекратить занятие воровством, прекратить преступную деятельность.

Задроченный, ая, ое. Занимающийся оманством.

То же, что — занюханный.

Задрочиться, жуь, читья, чатя, чиля. Потерять душевное равновесие, растеряться.

Зазетить, чу, тиць, тят, тил. Заметить, приметить, обнаружить.

Запчки, ов, м., мн. Спички.

За конверт взять. См. —взять за конверт.

Запаханный, ая, ос, 1. Употребляющий кокаин, кокаинист. 2. Не совсем нормальный человек, чудака, странный, умственно ослабевший вследствие тюремного сиденья.

Заправить гондольеру. Выкинуть какую-либо жувальническую штуку, смощенничать.

Заряд, да, м. Доза кокаина для нюханья.

Зарядить, жу, дшь, дят, дят. Нюхнуть кокаину, вынюхать один заряд.

Заряжать, аю, аешь, ают, ая. Нюхать кокаин.

Засадить динаму. См. Динаму засадить.

Засыпаться, плюсь, плешься, плются, плася. Попасться в преступлении.

Засыпаться, аюсь, аешься, аются, ася. Попасться в преступлении, попадать в заключение. — «Никогда не засыпался».

Затырить, рю, ршь, рят, рят. Спрятать, запрятать, упрятать, схоронить.

Затырище, ка, м. Помощник при карманных кражах.

Зачалиться, люсь, лишься, лятея, лияя. Попасться в каком-либо преступлении, попасть в заключение. — «Зачалился по поной и качается в Ярославле».

За шкирку взять. Арестовать, поймать.

Здюм, ч. Два. «На здюм» — вдвоем.

Зеве (предупреждение). Берегись, не зевай, смотри, внимание.

Зетить, чу, тит, тят, тят. Замечать, примечать, видеть.

Зухтер-ра, м. Живущий на счет женщины. ют, сутенер, альфонс.

Змсеышша, м. Худощавый мальчик, пролезавший при кражах в форточку.

II.

Изловиться, лось, вишься, вятся, виляя. Попасться.

Б.

Баер-ра, м. Высланный в Соловки за контрреволюцию, контрреволюционер.

Баерка-ки, ж. Контрреволюционерка, высланная в Соловенкий Лагерь.

Балечить, чу, дшь, чат, чия. Обирать, обворовывать.

Балать, аю, аешь, ают, ая. Балать, спешить, торопиться. — «Балай скорей, пока мейта нет».

Бант, та, м. Кошечка. — «Нет ни банта».

- Баннуть, пу, пень, пут, пул. Предупредить, рассказать.
 Банор, ра, м. Фуражка, шапка.
 Банорщик, ка, м. Вор шапок.
 Бассир, ра, м. Взломщик нестерраемых шкапов.
 Батунки, ск. мн. Ноги.—«Долой с катушек».
 Батка, ки, ж. Подтайной мешок под верхней одеждой.
 Качаться, аюсь, аенься, аются, ался. Находиться в заключении, отбывать срок наказания.—«Зачалился по второй и качается в исправдоме».
 Кимарить, рю, рить, рят, рил. Спать, дремать.
 Кимать, аю, аень, ают, ал. Спать.
 Кича, чи, ж. Тюрма, неправдом, вообще место заключения.
 Кичман, па, м. Тюрма, место заключения.
 Клево, клевое, н. Хорошо, красиво.
 Клевый, ал, ое. Хороший, красивый, подходящий.
 Клеить, ею, еишь, ят, ял. Приписывать, напрасно упрямать.—«Чего ты мне итеминов-то клеишь».
 Клей, ся, м. Сводения по воровскому делу, наводка.—«Продать клей, сдать клей».
 Кшеят, а, м. Товарищ по воровству, одиодеел.
 Клевка, ки, ж. Церковь, часовня, здание культа.
 Кнаиать, аю, аень, ает, ал. 1. Смотреть, глядеть, наблюдать. 2. Считать.—«За кого ты меня кнаиаешь?»—3. Переходить, находиться, путешествовать.—«Пятнадцать лет по тюрмам кнаиаю, а от пшаны почета не вижу».
 Кнацер, ра, м. Револьвер.
 Кобылка, ки, сд. соб. Арестантская уголовная масса—в общем.
 Кожа, жи, ж. Бумажник.
 Козятник, ка, м. Вор, обучающий мальчиков воровскому делу.
 Колеса, дес, ср. мн.; в ед. ч. редко—колесо, са. Сапоги.
 Колотушка, ки, ж. Употребляется, преимущественно, во мн. ч.
 Карты игральные.
 Коми, нескл. Скупщик краденого.
 Коии, ей, м., мн. Кожаные сапоги.
 Коопратор, ра, м. Вор из продовольственных, кооперативных лавок.
 Корешов, ка, м. Подручный вор, товарищ по делу. Срви. - Урка.
 Косаи, ой, ж. Тысяча.
 Косуа, хи, ж. Тысяча.
 Косва, вы, ж. Письмо, записка. Иногда—веревка писанная бумажка.
 Котда, м. Живущий на содержании у проститутки, уличный ая-фонс, любовник проститутки, обирающий ее.
 Кошка ветошная. См. Ветошная кошка.

Красенькая, ой, ж. Десять лет, срок наказания. — «Дали красенькую».

Кукла, лы, ж. Фальшивый, подделанный товар.

Кунец, ца, м. Карманный вор.

Кунить, плю, инь, вят, шл. Украсть, стащить.

Кунить пасть. Уйти, убежать, сбежать.

Л.

Лакшеть, шу, шинь, ат, на. Играть.

Ланать, аю, аешь, ают, ал. 1. Брать чужое, захватывать силой. 2. Хватать, щупать. — «Не ланай, по кунить».

Левый товар. Краденый товар, краденые вещи.

Легавый, ого, м. См. Лягавый.

Леонард, да, м. Подонки шапаны, наиболее опустившаяся ее часть. Самое дно Соловецкого лагеря.

Лица, лины, ж. 1. Фальшивый документ, поддельный вид на жительство. 2. Всякая вещь, не соответствующая действительности, обман.

Липовый, ая, ое. Фальшивый, поддельный, ненастоящий.

Ломать, аю, аешь, ают, ал. Резать, пробивать, портить.

Ломать бирки. Контролировать билеты, пробивать билеты.

Ломать чалку. См. Чалку ломать.

Лондра. Двести.

Лонцо, ла, м. ж. Лестец, подхалим.

Лонить, шу, шинь, шат, на. Лестить, подделываться.

Любовь крутить. Быть влюбленным, ухаживать.

Лягавый, ого, м. Сыщик или вообще агент карательных органов, доносчик, предатель.

Ляган, ша, м. То же, что — лягавый.

М.

Майдан, ца, м. 1. Поезд, вагон. — «Ведут па бай, сажает в майдан». 2. Ручной багаж — чемодан и т. под.

Майданчик, ца, м. Вокзальный вор, вор багажа. Железнодорожный вор.

Майданица, ны, ж. Воровка с вокзалов, железнодорожная воровка.

Малахольный, ая, ого, м. и ж. Чудаковатый, придурковатый, псевдомаленький, тронутый, слегка помешанный.

Малина, ша, ж. Воровская квартира. Срви. Хаза.

Мальчик, ца, м. Ключ-подборник, отмычка.

Мандро, ра, ср. Хлеб.

Марафет, ца, м. Кокаин.

- Марушник,ка, м. Вор на похоронах.
 Масалка,ки, ж. Шивель.
 Мас. Я. сам, свой, хозяин.
 Масовский,ая,ое. Свой, близкий; я сам.
 Медвезатник,ка, м. Взломщик касс, восторгаемых шкафов.
 Мельница,цы, ж. Игровой притон.
 Мент,та, м. Тюремный надзиратель, надзор.
 Мильтон,на, м. Милиционер.
 Могил,ды, ж. Почлег, почлежка, притон на ночь.
 Мойщик,ка, м. Вор у спящих в поездах.
 Мокрая,ой, ж., ед. Убийство.
 Мокрое дело. Преступление, сопряженное с убийством.
 Мокрушник,ка, м. Убийца, преступник, не стесняющийся убивать
 «на деле».
 Мокрушница,цы, ж. Женщина-убийца.
 Мосол,ль, м. Красноармеец.

Н.

- На время. Такса за один акт с проституткой.
 На динаму. Не заплатить при игре в карты. — «Сыграть на динаму».
 На здюм. Вдвоем, парочкой.
 Накапать,аю,аеть,ает,ал. Рассказать, предупредить.
 Наколоть,люб,лень,лют,дол. Подготовить, приготовить, подработать. —
 «Наколоть дело» — подготовить преступление.
 Налезо. Расстрел.
 Налезо пустить. Расстрелять.
 На луну. Расстрел.
 На луну отгравить. Расстрелять.
 На ночь. Такса за ночь с проституткой.
 На пару. Вдвоем, парой.
 На пустую. По подозрению, без улик.
 На пустую взять. 1. Задержать по подозрению, арестовать без
 улик. 2. Обмануть, уверить в чем-нибудь без данных.
 На пункку. Обманным образом, на обман — с угрозой.
 Наседка,ки, м. Агент-provokator, подсаженный в камеру для
 слежки.
 На стреме. На страже, на стороже, в наблюдении.
 На чистуху. Совершенно. «На чистуху окалочки».
 Ниверяетет та м. Исправдом, тивьяма.
 Ни канта. Ничего, ни копейки.
 Обезьялка, ки, ж. Мешок на спине.

- Обруч, ча, м. Кольцо.
- Обхерить, рю,ришь,ряг,рил. Отказать.
- Оголец,да, м. Молодой жулик.
- Огольчиха,хи, ж. Молодая девушка, воровка.
- Одвоходка,ки, ж. Квартира с одним ходом.
- Окалечить, чу,чишь,чат,чыл. Обманывать, опутывать. «Поймала фраера и окалечила».
- Особоучетник,ка, м. } Нищие, проститутки, бродяги и т. под.
Особоучетница,цы, ж. }
- Особый учет. Социально-вредные элементы.
- Отмылить, лю,лишь,лят, лил. Отколотить, отдуть, побить.
- Оттыришь,ка, м. Помощник при карманных кражах, отвлекающий внимание; лицо, которому передается украденное.
- Очко,ка, ср. Окно.
- Ошпанельный,ая,ое. Опустившийся до последней ступени. (Из казров, из интеллигентных).
- Парадник,ка, м. Вор одежды из передних, с парадного хода.
- Паразит,та, м. Наиболее обидное, позорное ругательное слово на Соловках.
- Паразитка,ки, ж. См. Паразит.
- Параша,ши, ж. Вздорный слух, неправдоподобная новость.
- Паутина,цы, ж. Часовая петличка.
- Пацая,на, м. Малолетний вор.
- Перетырить, рю,ришь,ряг,рил. Передать (краденое), перепрятать, переправить, схоронить.
- Перетырка,ки, ж. Передача краденого из рук в руки.
- Перетыриць, приёмщик краденого; припрятывающий, скрывающий награбленное.
- Перетырицица,цы, ж. Приемщица краденого, скрывающая украденные вещи.
- Перо,ра,рья,рьев, ср. Нож вообще (хлебный, перочинный, самодельный).
- Перышко,ка, ср. Ножик, пожичек.
- Плавить, лю,вишь,вит,вил. Предавать, выдавать, подводить, изменять.
- Планикет,та, м. То же, что — шкет.
- Плетовать, тую,туешь,туют,овал. Бежать, сврываться.
- По возовой. Заниматься кражами с возов на базарах.
- По возовой ходить. См. Ходить по возовой.
- Погореть, рю,ришь,ряг,рил. Попасться, быть арестованным, сидеть в заключении.
- Погореть с делом. Попасться на месте преступления, быть арестованным с политичным.

По городской. Кража из магазина.

По городской ходить. См. Ходить по городской.

Подборник, ка, м. Блюш, подобранный для отмычки квартиры, сундуком и т. п. Сравни. Мальчик.

Подзаскинуться, пусть, нешься, путся, пулся. Попасться в каком-нибудь преступлении, быть взятым под арест.

Подначка, ки, ж. Подзадориванье. — «Вы меня подначиваете, а я на подначку не иду».

Подначивать, аю, аешь, ают, ая. Подзадоривать, подзаваривать.

Подсказчик, ка, м. Наводчик.

Подфартить, ит, ило, безл. Появезти, выпасть удаче, сделать удачно.

Поймать, ею, еешь, еют, ея. Познакомиться, завлечь. «Поймела фразера».

По клюкам ходить. См. Ходить по клюкам.

Поруцать, аю, аешь, ают, ая. Воровать.

По мокрой. С убийством.

По мокрой ходить. См. Ходить по мокрой.

Полтнички, ов, и. Глаза.

Польтуган, па, м. Пальто.

Помыть, ою, оешь, оют, оя. Обокрасть, обокрасть.

Понтишк, ка, м. Вор, собирающий толпу скандалом и обкрадывающий любопытных.

По очковой. Кража через окно.

По очковой ходить. См. Ходить по очковой.

Посый, ая, ое. Верный, надежный, несомненный. «Посое дело».

По тихой. Грабить при помощи предварительного оглушения ухом по голове (обычно сзади).

Пофартить, ит, ило, безл. Пощастиливиться, повезти.

Похлестаться, пусть, нешься, путся, пулся. Поболтать, пошлетничать, новозиться.

Продавать, аю, аешь, ают, ая. Выдавать, предавать.

Продать, аю, аешь, ают, ая. Выдать, предать, донести.

Продать клей. Сообщить сведения, необходимые для проведения дела (преступления).

Пролакшнить, аю, аешь, ают, ая. Проиграть. — «И колеса и бобку пролакшил».

Псях, ха, и, ж. Ненормальный, ненормальная, поменянный, странный, чудак.

Пустьить жука. Устроить какую-нибудь жульническую штуку.

Пустьить палево. См. Палево пустьить.

Путаться, аюсь, аешься, аются, аяся. Находиться с кем-нибудь в близких отношениях, сожительствовать.

Путляться, аюсь, аешься, аются, аяся. То же, что — путаться.

Пушка, кп. ж. 1. Обман. 2. Револьвер.

Пшелка, кп. ж. Пуля.

Пырловка, кп. ж. Хитровка.

Пырсууть, лу, нешь, пур, пул. Удариться в бегство, вдруг побезжать, убежать.

Пятишница, пятипка. Срок заключения на 5 лет.

Р

Рабосить, сю, еить, сят, сял. Работать.

Работаты, ж. Великий промысел преступников, проводимое ими дело (нищенство, кражи, взломы и т. п.).

Радио-параша. То же, что — параша.

Разыграть, лю, ешь, ют, ял. Обмануть, пошеяться над кем-либо в компании с друзьями.

Разыгривать. Срази. Разыграть.

Рватка, кп. ж. Инструмент для взламывания неогороемых шкафов.

Решка, кп. ж. Решетка (тюремная).

Рубить, лю, бинь, бйт, бил. Красть, воровать. — «Горюдушники рубят с возов и из складов».

Ружьежя, ср., ед. Карты.

Рыболов, ва, м. Вор чемоданов и кладв с задков экипажей.

Рыжовье, вял, соб. Золото.

Рыжий, ая, ое, прилагат. 1. Золотой. 2. (В знач. сущ.). Золотая монета, червонец.

Рыжик, ка, м. Золотой червонец.

Рыжники, ов, м., мн. Золотые часы.

С

Самара, ры, ж. Проститутка самого последнего разбора.

Сара, ры, ж., ед. Деньги.

Сармак, ка, м., ед. Деньги.

Сармаки, ов, м., мн. Деньги.

Свой, оя, ое. Профессиональный преступник — в противоположность случайному; уголовник — не кавр.

Свой в доску. Рецидивист — профессионал, коренной уголовник.

Свитцы, ов, м., мн. Карты игральные.

Сгореть, рю, ринь, рят, ред. Попасться.

Сгореть с делом. Попасться с полицным, на месте преступления.

С делом. На месте преступления, с полицным.

С делом взять. См. Взять с делом.

Сдрейфить, лю, финь, фят, фиа. Струсить, отказаться.

- Сдрочивать, аю, аешь, ают, ая. Снимать, стаскивать.
 Сено, ва, ср., ед. Табак.
 Серьга, ги, ж. Всякий замок.
 Сидор, ра, м. Мешок.
 Симулировать, ую, ешь, уют, ая. Отказаться от работ; не выполнять работ.
 Симулятор, ра, м. Занюхавшийся козатином.
 Скамейка, ки, ж. Лошадь.
 Скрипуха, хи, ж. Корзина.
 Скуло, ла, ср. Внутренний карман.
 Скуржак, ов, м., мн. Серебряные часы.
 Скуржевый, ая ов. Серебряный.
 Смыть, ою, оешь, уют, ая. Спрятать, убрать, спрятать, украсть.
 Смыться, оюсь, оешься, оетесь, аяся. Скрыться, уйти, убежать, исчезнуть.
 Собачка, ки, ж. Замок, вообще — запор.
 Сорок. Половина.
 Сплавить, влю, вишь, вят, вил. Выдать, предать, подвести.
 Сплетовать, ую, уешь, уют ая. Убежать, сбегать.
 Сплитовать. То же, что — сплетовать.
 Суучиваться, аюсь, аешься, аются, аяся. Изменять, перемещать убеждения, переходить в другой лагерь, продаваться.
 Суучивать, аю, ают, ают, ая. Соблазнять, прельщать, заставлять изменить убеждения.
 Суучиться, чусь, чинься, чатся, чыся. Изменить, продаваться, переместить убеждение.
 Степеньский, ая, ов. Чаще во мн. числе — стекленькие. Червонец, червонцы.
 Стекольник, ка, м. Вор через окно, путем выемки стены.
 Стирка, ки, ж. Карта игральная. Слово употребляется преимущественно во множественном числе.
 Стоять на стреме. Стоять на страже, сторожить, наблюдать, охранять товарищей во время совершения преступления.
 Стоять на цинку. Сторожить, охранять во время дела.
 Стрелок, ка, м. Нищий профессионал.
 Стрелять, аю, аешь, ают, ая. Нищенствовать, просить милостыню.
 Стрема, мы, ж., ед. Служка, наблюдение, сторожа.
 Стремить, аю, аешь, ают, ая. Сторожить, стоять на страже, наблюдать, охранять товарищей во время дела.
 Струм. Три.
 Стукач, ча, м. Доносчик, наушник, ябедник.
 Стукачиха, хи, ж. Доносчица, клеветница, наушница.
 Стукачка, ки, ж. То же, что — стукачиха.

Стукинуть пу.нешь пуг,пул. Довести.

Стучать,чу,чишь,чат,чал. 1. Довосить, наущничать, ябедничать.

2. Заниматься проституцией.

Суржевый,аю,ое Серебряный. Срви. Скуржевый.

Спябать,аю,аешь,ают,ал. Выпрашивать милостыню, получать пода-
яние, нищенствовать на улице.

Сыграть в ящик. Умереть.

Т.

Темная,ой, ж., ед. Избиение за донос или за что-либо подобное, совершаемое обычно ночью. При этом избиваемому накладывают на голову мешок, одеяло или шубу, чтобы он не узнал, кто его бьет.

Тинюшник,ка, м. Живущий на счет женщины, альфонс, сутенер.
Срви. Кот, зухтер.

Тиснуть,тисну,нешь,нут,нул. Рассказывать, сказывать — «Тисни
про Юр».

Тихушник,ка, м. Грабитель при помощи предварительного оглуше-
ния жертвы (обычно сзади).

Товар левый. См. Левый товар.

Тонать,аю,аешь,ают,ал. Ходить.

Тончап,а, м. Деревянный щит на приставных ножках, употреблен-
ный вместо кровати в домах заключения.

Торбовник,ка, м. Мелкий вор, крадущий мешки у крестьян.

Трепаться,лашь,лешься,дуются,ался. Говорить пустяки, вздор, молоть
пустое, врать. «Брось трепаться!».

Треснуть,нешь,нут,нул. Убрасать, утащить.

Трехнуться,пуось,нешься,путся,пулся. Догадаться.

Трешница,ны; трешка,ли. Срок заключения—3 года.

Туфта,ты, ж. Фальшь, подделка, обман.

Тырить,рю,ришь,рят,рил. 1. Прятать, хоронить, скрывать. 2. Искать.

Тямить,млю,мишь,мят,ил. Понимать.

У.

Угол,ла, м. Чемодан, ящик.

Уголовник,ка, м. Высланный в Соловецкий лагерь по ст. У. К.

Урка,кя, м. Самостоятельный вор.

Уркап,на, м. То же, что урка.

Ухрать,юю,аешь,ают,ял. Уйти, убежать.

Училице,ца, ср. Исправдом, тюрьма.

Ф.

- Фарт, та, м., ед. 1. Счастье, удача. 2. Добыча (паворованное).
 Фартить, ят. пло, безлич. Везет, идет счастье, есть удача.
 Фартцер, ра, м. Ласкательное, в смысле — паренек-молодик.
 Фартовец, на, м. Удачливый, оборотистый, умеющий воспользоваться случаем.
 Фартовый, ая, ое. Оборотистый, молодеватый.
 Феши богат. Говорить на воровском языке, на тюремном жаргоне.
 Филон, на, м. Особого рода профессионал-нищий, уличный попрошайка.
 Филонить, ю, ниши, ят. впа. 1. Заниматься попрошайничеством на улице, нищенствовать. 2. Притворяться. То же, что — симулировать.
 Филонствова, ер. Занятие нищенством, профессиональное попрошайничество.
 Фира, ры, ж. Обман, хитрость.
 Фомич, ча, м. Небольшой лом, ломик — орудие гримп.
 Фомка, ки, м. То же, что — фомич.
 Фраер, ра, м. Человек, около которого можно пожить, богатый человек (но не из своих).
 Фрайер, ра, м. То же, что — фраер.
 Фрей. То же, что — фраер.

Х.

- Хазя, за, ж. 1. Воровская квартира. 2. Вообще квартира, помеще-
 ние. «В чужую хазу я забрался».
 Халтурщик, ка, м. Вор из квартир, где покоишь.
 Хана, шы, ж. Смерть.
 Хипее, са, м. Воровство при помощи проститутки.
 Хипесить, сю, сиши, сят, сил. Воровать при помощи проститутки или кога.
 Хипесник, ка, м. Вор, работающий вместе с проституткой.
 Хипесница, цы, ж. Проститутка, работающая совместно с котом.
 Хлестаться, щусь, щепсьоя, щутся, стался. Болтать пустяки, сплет-
 шчать.
 Хмара, ры, ж. Любимая женщина, зазноба, любовница. Срви. Шмара.
 Ходить по возовой. Воровать с возов по базарам.
 Ходить по городской. Воровать из магазинов, лавок и т. под.
 Ходить по клюкам. Обворовывать церкви, воровать по церквям.
 Ходить по мокрой. Не стесняться убийством.
 Ходить по очковой. Воровать через окно.
 Ломка, ки, м. То же, что — фомич.

Ц.

- Цинк, ка, м., ед. Сторожа, охрана. — «Стоять на цинку». Срви. Стреми.

Ч.

Чалку ломать. Итти ви ехатъ по этану.

Чердак,ка, м. Наружный карман на груди.

Черный ворон. Автомобиль, служащий для перевозки заключенных из внутренней тюрьмы в Бутырскую.

Чистоделка,ки, ж. См. Шиваристка.

Чистуха. См. На чистуху.

Чистюля,ли, ж. См. Шиваристка.

Ш.

Шалман,на, м. Воровской притон.

Шило,та, ср. Долото.

Шамать,аю,аеш,ают,ал. Есть, обедать.

Шанор,ра, м. Домик.

Шестнадцатая рога. Владбище, мегина.

Шикаристка,ки, ж. Проститутка высшего разряда. Уличная бокотка, хорошо одетая, дорогая проститутка.

Ширма,мы, ж. Карман, мешок. — «Сунул шило в ширму и пошел».

Ширма,ча, м. Карманный вор, карманник. — «Ширмач благует, а я на стреме».

Ширмачка,ки, ж. Воровка из карманов, карманщица.

Шкары,ар, ж., мн. Нары.

Шкварка,ки, ж. Подруга жизни, любовница.

Шверы,ер, ж. Брюки.

Швет,а, м. Молодой вор, жулик.

Шкварка,ки, ж. См. Взять за шкуру.

Шкинда,цы, ж. Молодая девушка, воровка.

Шмарары, м. Любовница, подруга жизни.

Шнифер,ра, м. То же, что — медвежатник.

Шпана,ны, собирательн. Более оступившаяся часть уголовников, раздетые и разутые.

Шпаненок,ка,ята, м. Отдельный экземпляр шпаны.

Шпанский,ая,ое. Свойственный шпане, принадлежащий к шпане.

Шпалер,ра, м. Револьвер.

Штемп,на, мн. ч. — штемпы. Буржуй, богат, богатый человек.

Шухарь,ри, ж., ед. См. Шухер.

Шухер,ра, м., ед. Тревога, шум, суматоха, скандал. — «Шухер на бану».

Шухерить,рю,ришь,рят,рил. Шуметь, скандалить, поднимать суматоху.

Щ.

Щуналка, кп, ж. Осмотр женщины.

Ю.

Юрра, м., ед. Хитров рынок.

Юсыов, м., мн. Деньги.

Литературное творчество заключенных уголовников.

Борис Глубоковский.

В буржуазных тюрьмах уже много лет культивируется тюремная журналистика. Положение Раухингейна — «сидеть в тюрьме и иметь там газету — это противоречие» — давно опровергнуто пенитенциарной практикой. Уже в 1885 году на пенитенциарном конгрессе в Риме обсуждался вопрос об издании тюремного журнала. Некоторые неудачные легальные попытки к изданию тюремных журналов были сделаны в царской тюрьме. Однако, все эти журналы пропитаны специфически идеалистическим ханжеством, все носят характер сентиментальной проповеди, а потому и не имеют нужного интереса. В СССР творчеству заключенных уделяется максимальное внимание. Бесчисленные тюремные журналы отводят чрезвычайно много места творчеству заключенных. Несомненно, что литературные произведения уголовных преступников являются незаурядным криминологическим материалом.

В Соловецких лагерях творчеству заключенных уделялось не мало места в периодических изданиях УСЛОП. Уклон и интерпретация литературного материала соловецких изданий резко и по существу отличается от весьма солидных журналов западной пенитенциарии.

Чрезвычайно трудно в произведениях заключенных избежать казенного благополучия и некоторого официозного маргаринового пафоса.

Мы в нашем небольшом очерке будем говорить исключительно о литературном творчестве. Журналистскому творчеству уделено место в другой статье этого сборника.

Литературное творчество заключенных не должно в нас возбуждать художественного интереса прежде всего. Мы всячески избегаем дурной симпатии к детективизму: Ваньки Каины, Картуши, корнеты Савины и Ланцовы помещаются далеко за гранью наших наблюдений. Мы останавливаемся на творчестве заурядного вора. Будь то повесть или сти-

хотворение, поэма или рассказ,—в таком произведении мы уловим специфические черты психологии преступного населения.

Представитель «шпаны», прежде всего, представитель непроизводительного класса. Он не принимает и не принимает участия в создании ценностей, он не привык к организованному, а тем более, к коллективному труду. Улица, ночь и кража сделали его инициативу обособленной, сделали из него индивидуалиста. Он не член производственного общества, он умеет лишь разрушать, разлагать.

Функциями общественного развития, как известно, являются первоначальные идеологические надстройки, язык и мышление—надстройки общего и необходимого типа.

Индивидуализм и анархизм вульгарного пошиба, стремление обособиться и разрушать, разлагать—вот черты уголовного, весьма близкие к чертам индивидуалистической божемной идеологии времени упадка, которые характеризуют его мышление.

Его язык таков же, как и его мышление, ибо слово, это—пусток мысли. Как декадент-футурист, ищущий неологизмов в Парнасской обители своих индивидуалистических и аристократических вдохновений,—он ищет столь же магических слов в условном языке-жаргоне, кастовом языке.

Его эмоция, окрашивающая язык и мышление в соответствующий цвет, эмоция поэта и писателя из уголовных,—нездоровые эмоции наркотического порядка, эмоции человека, ищущего оцущений и усложнений оцущений в самом себе.

Таким образом, рассматривая литературное творчество уголовных—«шпаны», мы видим в них те же черты, которые мы наблюдаем в среде разлагающейся литературной божемы. Может быть, поэтому и нетрудно объяснить, почему эта последняя всегда чувствовала идеологическое родство с уголовным миром, пила в его среде вдохновения и сочувствия.

Предлагаемые ниже материалы смогут заинтересовать нас и со стороны их бытовой выразительности.

Заключенный-уголовник описывает быт Соловецких лагерей и изнутри производит типовые зарисовки. Открывается мир «Катей-катушек», «фараонов», «интеллигентов холодной жизни» и проч., и проч. Зарисовки эти—своеобразная хроника и неподдельный человеческий документ. То, что запечатлевает писательский глаз уголовного, имеет двойной интерес: интерес быта, как такового, и быта, отраженного в творчестве данного уголовного. В материале этом можно нащупать те особенности психики уголовников, которые столь ярко проявляются разве лишь в интимной переписке. Интересен и условный язык, свободно вписанный в обиход фразы. Нельзя не оставить без внимания и специфический кликушевый стиль, который небезынтересно проявляется в пер-

вых приводимых нами образцах. Эта романтика бульварного пошиба также весьма характерна для творчества уголовника.

Криминальная дигностика нуждается в самых разнообразных подсобных материалах. Голые схемы, классификации лишь облегчают вынесение необходимых выводов. Мы учитываем свои скромные силы и стараемся привести без особых комментариев выбранный нами наиболее характерный материал. Мы не пытаемся подвергать его какой-либо специальной обработке.

Однако, мы неуклонно констатируем, что литературные материалы, разобранные в плане, веки которого мы весьма слабо и примитивно наметили, несомненно дадут плодотворные результаты.

Изучение языка и, главное, тех словесных отклонений, которые, хотя и не находятся в непосредственной связи с данным сюжетом, но имеют определенную закономерность, сознательный или бессознательный выбор отдельных слов и фраз, количество и характер слов, употребленных для выражения каких-либо идей или эмоций, и, самое существенное, их порядок и расположение, т.-е., коротко говоря, изученный стиль—даст глубокие результаты для психологических выводов.

Рассматривая данные произведения с точки зрения специально-литературной, мы невольно зададимся вопросом: каким литературным наследством владеют эти примечательные литераторы? В другом месте¹⁾ мы уже отмечали признаки весьма дурных литературных традиций в наиболее интеллектуально-развитой части уголовных. Чуждая социальной солидарности с производящим классом «шпана» естественно тяготеет к детективу и романтике уличного свойства и аромата. Песенки и романы, распеваемые уголовными, — дешевые, весьма низкопробные произведения. Небезынтересно отметить, что в романтических песенках о «загубленной молодости» и пр. шпана неизменно сюжетным стержнем избирает неудачную любовь. Общественные мотивы чрезвычайно редки. А если и встречаются, то в весьма искусственном проявлении. Упадочничество и на сей раз налагает свою крепкую печать. В сюжетах татуировки (вызывающей столь различные суждения) несомненно одно, что в чертах и костях, романтических надписях, подумасках и пр., как и в песнях, романах, поговорках и некоторых традициях, есть обязательно общий стиль, характеризующий мышление уголовных.

В приведенных ниже стихотворениях мы нарочито избегали специфических шпанских образов. Мы ими пользовались ранее. Мы выбрали наиболее литературно-обработанные произведения, но, несмотря на

¹⁾ «49». Материалы и впечатления. Изд. Бюро Печати УСООН. Соловки. 1926.

их литературность (впрочем, относительную), шпанская романтика весьма ярко сквозит и в них.

В опытной работе среди уголовных на последнее место занимали у нас и так называемые «самотворческие» опыты. Группе заключенных предлагалось без инструкторского вмешательства написать в любой форме литературное произведение. «Соловки в будущем», это — любопытный скетч, интересный, как известный сдвиг в мировоззрении типичного уголовника.

При индивидуальных занятиях нам удалось проследить тот интерес, какой проявляет «шпана» к современной литературе. Оставаясь холодными к футуристически-формальным экспериментам современной литературы, уголовники с огромным и неподдельным воодушевлением отнеслись к «Москве кабацкой» Сергея Есенина. Следует отметить, что этот интерес проявлялся и был замечен лишь у наиболее развитых и культурных. Основная же масса уголовников, судя по наблюдениям центральной соловецкой библиотеки, проявляет специальный интерес к Хаггарду, Бушеру, Эберсу.

Это тяготение к фантастическому, несовременному, авантюриному чрезвычайно характерно для этих декадентов-уличан.

Предоставим слово самим авторам-уголовникам. Перелистаем страницы литературных опытов.

Очерк — впечатления о «Голгофе», месте заключения женщин-уголовниц, дает небезытересные характеристики обитателей мрачных переулков столичных городов. Автор показывает нам этих воровок и проституток в отрезвляющей обстановку суровой лагерной жизни. Мы извлекаем наиболее яркие места из этой примечательной повести.

Голгофа.

...Что же это за „паразитический элемент“, изолированный от общественной жизни? Какой быт, какие привычки привезли с собой эти пестрые диковинные эмигранты темной Москвы?

Метко и ярко характеризует особоучетников прозвище, присвоенное им повсеместно на Соловках. Прозвище это — „леопарды“. Лучшего они не заслужили даже в лагерном „общественном мнении“...

Уголовники — так называемая „шпана“ — имеют все-таки тесть собственных законов и этики; имеют подобие благородства и совести. Леопард свободен от этого обременительного балласта. Он живет исключительно ради удовлетворения своих животных инстинктов, своей утробы и похоти. Это почти не существо, а растение без сердца и рассудка.

Воровство, зверские драки и мелкий разврат прочно воцарились в их среде... Перед глазами целая выставка уродства — калейдоскоп

мерзких подобий лиц, на которых отпечатались все пороки и болезни человеческие... Эпилептики, существа, разведенные волкой, цынгой, кокаином и опиумом,—кого тут только нет!.. И старый сибирский бродяга с огромной бородой по кличке „Изумруд“, и занюханный ошпанелый интеллигент, и мальчик-татарин, отвечающий на каждый вопрос идиотской улыбкой и нечленораздельным мычанием, и бухарский торговец-еврей, полуслепой онанист, и нищие-профессионалы, симулирующие пляску святого Витта... Какие лица, какие слова!

№ 1. Типы соц. предвзятых („Леопард“).

Все они, как один, отрицают свою профессию и пылливо плутовато заглядывают вам в глаза. Прожорливость, тайная картежная игра—смысл их существования. Часто проигравшиеся, не имея чем платить и зная наверно, что за динаму*) их ждет зверская расправа, рубят свои пальцы, бросаются в сортиры и проделывают мерзости, о которых просто противно рассказывать. Забавы и шутки леопардов бесчеловечны, разговоры полны больной эротикой, педерастия и прочие половые извращения среди них обыденное явление...

Во всей своей многогранной гнусности встали и эти подонки столицы—перед изумленными глазами старого солданина, а „слизки“ с этого гнойника были изумительно красочны. Здесь побывал титулованный потомок могучего рода Остзейских феодалов, хорошо знакомый среди прититутков Тверской под кличкой „шансонетка“ и занимавшийся педерастией, как профессией. Здесь пожилая матерая бандорша, когда-то пропившая невинность единственной дочери: здесь аристократка прошлого, популярная на столичных бульварах, как тонкая специалистка по м...у; здесь бывший капитан гвардии, уличенный в воровстве кур за окраинами Москвы. Здесь внешняя лоск и утонченные манеры, здесь убожество настоящего и декоративные лохмотья былого гонора и самовлюбленности, здесь грань нравственного падения, безвозвратный конец тому, что называется достоинством и самолюбием...

Какие лица, какие костюмы, какие сочетания профессий и положений... Шикарные проститутки с Тверской в каракулевых саках, шелковых чулках и лакированных лодочках спали на одних нарах с полуголыми обитательницами Хитрова рынка, у которых вши клубнями сбились в кишачую шапку волос, вьедаясь в тело вплоть до самой кости. Все перемешалось в один хаос, все слилось в один вальс страданий и недоумений, в одно выражение испуга и загадки грядущего. Огорошенные внезапным арестом и быстрой переброской на север, разбитые этапом, угнетенные резким переходом от уличного разгула к суровому режиму лагеря, несчастные „цветы московских бульваров“ потеряли голову. Никак не могли понять, куда и зачем их гонят.

*) См. словарь.

Вот идут они—эти бледные „дети города“, идут грустной этапной вереницей, и в глазах их, в их лицах можно прочесть всю их жизнь.

Вот пожилая, изглоданная кокаином и венерическими болезнями женщина—нет, не женщина, а вернее, мегера. Двенадцать лет назад она была самой красивой, шикарной проституткой Москвы. Однажды пьяный гость ударил ее бутылкой и изувечил лицо, ныне похрытое многочисленными шрамами, старое и отталкивающее. С горя она отравилась, а выйдя из больницы, стала нюхать. Заработок упал, и, не находя средств для наркотизма, она пыталась воровать, но неудачно.—отсидев два срока, вернулась к прежнему ремеслу, заразилась венерической болезнью, падала все ниже и ниже, пока не дошла до нар Хитрова, а последнее время, не находя фраера, который купил бы ее за пару порошков или кусок хлеба, стала нищенствовать. Нежное имя этого создания—„Марго“ звучит поистине насмешкой над внешностью развалины.

№ 2. Типы соц. вредных. („Льбовард“).

Вот другая—иссохшая, как мумия, с иссиня бледным лицом; слезящиеся глазки и жалкие остатки волос на облыселем черепе. Когда-то она была цирковой наездницей, но тот же кокаин довел ее до развалок Кулакова дома и Рваного переулка.

Вот молодая сильная и красивая, из интеллигентной семьи, бывшая гимназистка. Влюбилась в хулигана, тот бросил, и пошла по рукам вплоть до Цветного бульвара.

Вот благородное лицо, правильный классический профиль, огромные черные глаза. Но что за жуткий отпечаток наложила на него жизнь. Какой взгляд—дерзкий, угрюмый, озлобленный!

Вот полька—знаменитость! Неуловимая хипесница, известная озорством, попойками и драками с фраерами, которых осколками зер-

кала и каблуками туфель избивала и уродовала до полусмерти. Гроза московских милиционеров!

Вот полурбенок—полуженщина, по кличке „Шкица“—„гуляет“ с 12 лет. Наивное личико, но какой голос, какие слова, полное цинизма и забористой, похабной матерщины!

Старческим хриплым голосом она расскажет вам все интимные подробности своей профессии, расскажет, что отец и брат были у нее воры, брата расстреляли, а отец умер от сифилиса, что старшие сестры также проститутки с малых лет, как и она. Говорит, у нее бешенство матки, которую повредил мясник, купив десятилетнюю „скицу“ за плитку шоколада и билет в кинематограф.

Вот бывшая дворянка—полуидиотка со стеклянным глазом, владеет иностранными языками, на воле поражала фраеров „тонным обращением“, в Соловках гадко опустила и погрязла в болезненном попрошайничестве.

Вот представительницы Рваного и Хитрова—курносые, скуластые дегенератки, испещренные разнообразными татуировками, начиная от вензелей и сердечек вплоть до изображения полового акта. Кроме проституции, занимались мелкими кражами, носят громкие клички, вроде: „Катушка“, „Рудь“, „Фигурялка“, „Камбала“, „Валдоха“ и т. д.

А вот так называемая „шикаристка“ или „чистоделца“—скорее кокотка, чем проститутка, Имела квартиру, дачу и выезд. Таких особенно ненавидят и притесняют представительницы Рваного, или, как они себя величают,—„свои“. И, в довершение этой галлерей,—старая жирная бандорша—„хозяйка“ с Хитрова. Когда-то от нее зависели все эти скуластые занюханые девчонки, зависела подчас даже самая их жизнь, а теперь, всеми покинутая, она брзжит и скулит, словно жалкая побитая сука.

Как в уродливом кривом зеркале, отразилась в этих лицах жестокая гримаса города, неизгладимую жуткую печать наложил он на них—печать ночного разгула, пьяного озарства, позорных болезней, недопитых стаканов, невысказанных желаний, невыплаканных слез и недостигнутого счастья.

И вот, когда этот пестрый поток женских тел подкатился к Ребольдовскому перевозу против острова Анзера, и „цать бульваров“ увидели вокруг себя море, ланический животный ужас об'ял их—они вообразили, что их хотят перетопить, стали плакать и прощаться друг с другом. Так низко и беспощадно было убито в них все человеческое.

Только, когда их переправили на остров, они поняли, что это последний этап. Сзади—Москва, слякоть бульваров, угар пизных, ночевки в комиссариатах и похотливые взгляды прохожих. Впереди—пристань Кен'га, избушка и дорога серой лентой—дорога в монастырь, к труду, лишениям и раздумью—на крестную Голгофу.

* * *

Среди моря, лесов и туманов высоко-высоко над островом вросла в небо белая стройная колокольня. С верхней ее площадки можно рассмотреть весь остров до мельчайших подробностей. Рядом с колокольней каменный собор, а до всей горе вплоть до небольших

низко-лежащих озер пестрой толпой раскинулись здания. Широкая ровная дорога винтом прорезала гору, разбив ее на уступы, а внизу у последнего поворота—часовня и монастырское кладбище.

Чуть брезжит серый свет, и сквозь кисейный туман призрачными силуэтами рисуется здание, колокол звонит шесть раз. Это подъем. Через час поверка и развод на работу.

Лагерь просыпается, монастырский двор оживает, а в соборе встают заспанные, озлобленные женщины.

— Нинка, ты что-ж мои портянки взяла?—кричит высокая рябая в растерзанной ситцевой кофте.

— Ведь нам мешок на двоих дали,—отзывается хрупкая брюнетка в меховом пальто из так называемых „чистоделок“ или „шикаросток“. Свесив ноги, запернутые поверх шелковых чулок в мучную мешковину, она отхлебывает кипяток...

— Чего на двоих?—взвизгивает рябая,—ишь ты хаторжная какая! Давно ли вы голос заимели? Расселась, словно ц...а. Здесь не Филлипов—отошло ваше счастье. Сдрючивай, сдрючивай—нечего чужое лапать!

Брюнетка медлит:

— Ладно, отдам после работы.

— Ты что же, стерва, нахально хочешь взять?—наступает рябая и пытается сдернуть портянки с ног.

— Брось, Коблиха,—внезапно эступается стройная блондинка с лучистыми серыми глазами,—оставь ее, ведь у тебя есть.

— А ты что за аблакат выискалась, чего тебе надо?—огрызается „Коблиха“,—за паразиток заступаешься? снюхалась с ними?—и раздражается матерщиной.

— Снюхалась, не снюхалась, тебя не спросила, а ее не тронь!—становится блондинка между „Коблихой“ и „чистоделкой“. Любопытные окружают тесным кольцом. Некоторые возмущаются, а большинство радуются ссоре и „подначивают“: „Задай ей жару, Маруська“.

„Коблиха“ дрожит от злости, матерщина ее становится изысканно-сальной, и с пеной у рта она пытается силой отобрать мешок. Размахивая руками, неосторожно задевает Маруську.

Стальные глаза сверкнули недобрим огнем, щеки густо покраснели, и звонкая оплеуха сбила „Коблиху“ с ног. Толпа заволновалась и загудела. „Коблиха“ вскочила и вне себя бросилась на врага, но вторая увесистая затрещина отрезвила ее. Она села на пол и заревела от боли и досады.

Блондинка окинула вызывающим взглядом затихшую толпу и, схватив чайник, быстро вышла во двор.

...Целый день Маруся провела в лесу. Собирала сучья и спеленные верхушки, подносила березовый трехаршинник и складывала в штабеля. Кричали десятники, ругались и дрались озлобленные женщины, а где-то в низкой прогалине ухало голосами, эхом разносилось по лесу—раз-два дружно, раз-два сильно, раз-два взяли—это валили баланы.

Ночью, когда усталые женщины прекращали перебранку и засыпали, как пьяные, Маруся лежала на жестких нарах в огромном холодном соборе и не могла забыть.

Она без конца задавала себе вопрос: „За что?“. И не находила ответа. Трудно, ах, как трудно после сытой праздной жизни привыкнуть к суровой дисциплине, казенному пайку и тяжелой работе. Руки покрылись мозолями. А спина и плечи ныли и саднили невыносимо. Ей казалось, что это сон—гадкий, кошмарный сон, а не тяжелая будничная действительность. Ей казалось, что сон этот сгинет, рассеется, как прудутренный туман, и все пойдет по старому.

Так она не смыкала глаз, пока не брезжил серый свет, пока не погасал ночник в соборе, пока прохлятый колокол не бил шесть проклятых ударов,—и с тяжелым сердцем и ноющими соками, вся дрожа от стужи, она поднималась, чтобы снова прожить кошмарный день, и серые дни лились один за другим, похожие, как братья-близнецы.

Маруся не родилась проституткой. Жизнь и город ее сделали такой.

№ 3. Типы соц. вредных („Леопард“).

За Крестовской заставой, где широкие пыльные улицы с покосившимися убогими домиками, где в будние дни—тяжелый труд и думы о завтрашнем куске хлеба, а в праздники—пьяное озорство и дикие сцены. Маруся впервые увидела жизнь. Своей иссохшей костлявой рукой благословил ее призраком Столицы на торную дорогу.

Нежеланным гостем явилась Маруся на свет. Лишний рот в многочисленной семье ложился тяжелым бременем на тощий карман. Побой, попреки и недоедание были спутниками раннего детства. Смутно помнилась больная мать и вечно хмурый усталый отец, а из братьев и сестер один только Алексей, на три года старше Маруси, и то потому, что в детстве он, упав с крыши, разбился об острый камень, и на правой лопатке у него навсегда осталось большое темное бурое пятно с двумя глубокими рубцами. Рана напоминала разину-

тую пасть даковинного зверя, и девочка подолгу со страхом рассматривала ее.

Родные были рады сбыть Марусю с рук и, когда ей исполнилось 8 лет, пристроили ее „в услужение“ к знакомой барыне, а когда ей минуло 12, ее изнасиловал лакей в доме, где она служила. Сначала было больно и страшно, а потом понравилось, и Маруся рано стала женщиной.

Потеряв место, она не вернулась к родным, и жизнь закружила девушку на карусели улицы, а Город наложил свою хищную цепкую лапу.

После двух лет скитания она попала на Хитров рынок, и на смену уличных мальчишек и прислуги в доме „барыни“, в роли ее воспитателей выступили хозяйки номеров, пьяные, гуляющие девки и заюханые „коты“.

Тяжелое детство не обезобразило Марусю. Она выросла — крепкая и хорошенькая, как порой вырастает случайно цветок на дне вонючей помойной ямы. Стройная, миловидная, с лучистыми серо-голубыми глазами и волной пушистых белокурых волос, — она была лакомым куском, и скоро ее взял под свою „опеку“ шалопай по кличке „Петька Губа“. Управлял он ею деспотически и тяжелой корявой рукой выбивал всякие попытки к протесту и объявлению самостоятельности.

И Маруся узнала тинистое болото „дна“, узнала его привычки, законы, узнала дикую оудь преступлений, бессмысленное зверство, разврат и падение.

Воры ставили на карту головы, чтобы добытое ценой невероятных усилий, а подчас и ценою крови, промотать в одну ночь в компании золотых проституток. Проститутки, раздетые и голодные, таскали теплые добытые телом рубли прямо от „фраера“ своим „котам“ на порошки. „Коты“ издевались над ними, а хозяева номеров скупали за грош краденое и торговали кокаином такого качества, что нюхавшие его в несколько месяцев превращались в ходячую чахотку, в кретинов с иссохшими мозгами. Всякий стремился быть хищником и эксплуатировать жалких потерявших головы нищих — нищих потому, что на Хитровом ты можешь сегодня иметь большие деньги и будешь окружен раболопностью и сотней друзей, а на завтра, когда из тебя все высосут, всякий равнодушно отвернется, никто не протянет корки хлеба соподному, и, полный отчаяния и решимости, ты снова пойдешь на добычу, чтобы с новым богатством вернуться в этот ад, и никогда не замкнется круг, никогда ты не сбросишь этот кошмар, этот гипноз неизбежности.

А как живут „законодатели“ этого мира? Посмотрите на вора за картами. Какие издевательства, какие унижения изобретает он для такого же вора, случайно попавшего от него в зависимость! Вся его подлая озлобленная душонка, как на ладони. Он с наслаждением кистит за свою исковерканную жизнь, за свое падение и ничтожество. Вчера они вместе ели и пили, вместе ходили на кражу, а сегодня из-за карт готовы вцепиться друг другу в горло, уничтожить, стереть в порошок, издеваться до бесконечности.

Не лучше вор обращается и с своей „бабой“. Он не считает ее человеком и делает рабыней своей прихоти. Та, конечно, не

остается в долгу, и стоит ему „погореть“ с делом и „зачалиться“, — „ссушивается“ и, в свою очередь, издевается над беспомощным. А потом начинается подлая месть, дикое расправы и поножовщина. Трагедия разыгрывается за трагедией. Вор преследует „бабу“, она „плавит“ и „продает“ его, а он сыска коцается в душах обоих, — и в иступленном озлоблении, слепые от боли, идут они среди крови, страданий и зверства к неизбежной гибели, пока, всеми кохнутые, не издохнут в тюремной больнице, либо под нарами ночлежки.

№ 1. Типы соц. предных („Леонард“).

Вот с каким „фундаментом“ отправилась Маруся в жизненный путь. Она прикилась законами и этикой дома Румянцева, а людская низость уже закрепила ее словом „б...“, и „любовь“ стала ее профессией.

Много мужчин обнимало Марусю. Были молодые, красивые и сильные, были грубые, бесцветные и безразличные, были юные почти мальчики, ласковые, как женщины, были дряхлые развалины со слезявым ртом и дрожащими челюстями; были такие, что говорили красивые слова и обещали радость и счастье. И Маруся сначала верила им, ласкала, отдавалась, но, пресыщенные, они быстро уходили, а из тайников ее души поднималось брезгливое разочарование, и, не видя ничего в жизни, кроме обмана и насилия, Маруся рано потеряла веру

в людей.

Три мрачных года она не могла вырваться из цепких лап „Губы“. Наконец, он „засыпался“ крупным делом, и его арестовали, — арестовали надолго, может быть, навсегда. Маруся не интересовалась его судьбой. Она только испытывала бесконечную радость, избавившись от своего мучителя. Снова спали тяжелые оковы, и к ней вернулась свобода.

Скоро она сумела одеться, нашла себе комнату и стала „гулять“ самостоятельно.

Когда столица зажигалась вечерними огнями, когда оживали бульвары, и сквозь кисейный туман площадей резко несло гиканье лихачей, когда мужчины забивали о торговых буднях, а женские глаза улыбались загадочно и зазывно, — Маруся в разухабистой шляпке, кричащем костюме выходила на улицу. С особым „б...ским“ шиком она прогуливалась по панелю, с особым кокетством выставляла элегантною ножку и, по особому заглянув в глаза прохожего, назначала ему „таксу“ — „на время“ и „на ночь“. А затем, „поймев“ фраера и „окалечив“ его, напивалась и „гуляла“. И частенько била морду забравшему ее постовому милиционеру, и частенько ругались сонные извозчики, отвозя пьяную „огольчиху“ „просыпаться“ в комиссарнат.

Улица стала ее стихией. кабаком родным домом, а туго набитый бумажник фраера идеалом благополучия. Ей некогда и незачем было задумываться над сложными вопросами жизни.

Город, город—чудный, великий, таинственный! Город—вечно юный и прекрасный, полный страсти и жутких красочных ощущений! Город—совершенная женщина среди ночного мрака площадей, —разнузданная, как проститутка и мечтательная, как девочка,—у ней васильковая душа и намалеванная харя, карминовыми губами она улыбается нагло и зазывно. Город—дряхлая, как вечность, нищенка, покрытая гнойными струпами,—из темного переулка, узкого, как щель, глядит она воспаленными глазами, хищными и всезнающими,—глядит и издевается. Город, город! Не по твоим ли улицам прошел Иисус, изнемогая под тяжестью креста, не ты ли превратил жизнь в бульвар, где открыто торгуют человеком, не ты ли прокопал нам бирюзовое небо, выпил кровь из наших лиц, желанья из глаз и отчеканил сердца в ходячие монеты!..

Стихи уголовников.

* * *

Революция огненной зубы
Накалили Октябрь докрасна.
Эй, трубите, призывные трубы,
Прозыпается рабство от сна.

Революция сдвинула брови,
Мир, ты мрачен, ты причешься в тень,
Не тебе ль пролетарий готовит
Великого праздника день?

Революции первой идеи
Капитал заставляют дрожать.
Будет день—и весь мир похраснеет,
И начнет день победы справлять.

Революция к равенству рвется,
Она в битвах—разъяренный зверь,
Будет день и весь мир вострепнется,
Над землей—мировой СССР.

Революция огненной зубы
Накалили Октябрь докрасна.
Эй, трубите, призывные трубы,
Прозыпается рабство от сна.

МОЛИТВА ССЫЛЬНОГО.

Там, где волны скачут от норд-оста,
Омывая с шумом маяки,
Я не сам приплыл на этот остров,
Я не сам пришел на Соловки.

Я не сам покинул город шумный—
Разве я столицу не любил?
Правда, в жизни, шарлатан безумный,
Никогда свободы не ценил.

И за это в северном норд-осте
Чую я конец свой роковой,
И, бывая часто на погосте,
Я молюсь крестам заупокой.

Я молюсь за братьев по несчастью—
Тех, кто смерть в борьбе не победил.
Я молюсь и весь сгораю страстью,
Чтоб скорей день вопи приходил.

Я молюсь, чтоб снова шумный город
Мне свои объятья распростер.
Я молюсь, чтоб мне, как можно, скоро
Позабить весь прожитый позор.

П О Ч Е М У ?

Я хотел бы спросить у тебя,
Почему я в тебе сомневаюсь?
Почему, так безумно любя,
За тебя безысходно терзаюсь?

Почему беспричинно, не знаю,
Сердцу тяжело сейчас моему?
Милый друг, я тебя умоляю—
Ну, не мучь и скажи: почему?

Я в глазах твоих правду ловлю,
В диком гневе подобен я зверю.
Я тебя безусловно люблю,
Но тебе почему-то не верю.

Почему? Почему? я не знаю.
Затаив свой душевный испуг,
Я последние дни доживаю
И боюсь за тебя, милый друг.

Почему-то в душе так наивно
Стал недуг мой сердечный глубок.
Что-то чувствую я инстинктивно—
Скоро буду опять одинок.

Почему, по мозгам пробегая,
 Так тревожно волнуется кровь?
 Будто ноет душа, отлевая,
 Хороня дорогую любовь...

20 М Е С Я Ц Е В.

Непогодица злющая бесится,
 Стынут радости чувства в крови,
 Минувало вчера двадцать месяцев
 Нашей милой, желанной любви.

Так бывает всегда в непогодицу,
 В этот миг я за жизнь боюсь.
 В этот миг на свою богородицу
 Я с молитвой святою молюсь.

Перед нею, родною-блаженною,
 На коленях я молча стою
 И молюсь, чтоб лампада нетленная
 Грела сердце и душу мою.

Я молюсь, а погода все бесится..
 Я молюсь, словно музе поэт,
 Я молюсь, чтобы двадцать месяцев
 Превратились в двадцать лет.

* * *

Когда дни мне казались пестрыми
 Вдалеке от родных полей,
 С нею встретился я на острове,
 С ненаглядною дрянью моей.

В разговорах губами зазорными
 Шевелила лениво подчас,
 Из-под кепи кудряшками черными
 Привлекла мой свинцовый глаз.

А потом, позади разговора,
 Стали чувствами мы играть,
 Полюбились с ней очень скоро,
 И никто нас не мог разнять.

Я границу любви не изведаль,
 Ей готов был все отдать,
 Но подвергся случайным бедам,
 Стал, безумный, ее ревновать.

Меня ревность совсем стубила,
 Я унижил себя перед ней—
 И тогда она вовсе остыла,
 Стала больше ко мне холодной.

Я готов был порою повеситься.
 Много с ней у нас спор пронеслась...
 И, прожив с нею двадцать месяцев,
 Я дожил до седых волос.

И теперь, когда хмурые ночи
 Зашумят от гоненья ветрил,
 Я смыкаю свинцовые очи,
 Вспоминая, как я любил.

Соловецкая колония.

(Отрывки из пьесы).

УЧАСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: 1. Степан Алексеевич—40 л., 2. Николай Иванович—30 л., 3. Сергей Михайлович—25 л., 4. Люба—22 л., 5. Анастасия Петровна—38 л., 6. Монах—35 л.

Явление I.

СТЕП. АЛЕКС. (Один). Как хорошо все устроилось. Сегодня придет Настя и мы заживем здесь так же, как и на материке. И много ли времени прошло с тех пор, как забушевала революция, потом обитель эта, бывшее гнездо аристов, монахов, превратилась в концлагерь, а теперь, в наши дни, „цветущая соловецкая колония“.

Явление II.

(Входит прилично одетый бывший надзиратель Николай Иванович)
 С. А. А. Николай Иванович! Спасибо, что пришел, а я здесь сижу и рассуждаю сам с собой про здешний остров, как он, после многих перемен, превратился в нужную здесь колонию. Думаешь так, вспоминаешь, читаешь и как-то невольно берет сомнение: неужели здесь был концлагерь со строгой трудовой дисциплиной, а прежде когда-то был монастырь с монахами? Прямо не верится. Да что же это я балясы развожу? Пришел гость, а я его разговорами угощаю.

НИКОЛ. ИВАНОВ. Не беспокойся, Степан Алексеевич, я сыт и чаю напился, а до прихода парохода „Соловецкая колония“ осталось два часа, это не так много. Вот мы часик посидим, потолкуем, а потом ты сходишь на пристань, встретишь свою супругу. Уж тогда и попируем.

Явление III.

(Входит прилично одетый молодой человек, Сергей Михайлович).

Н. И. А. вот и наш молодожен!

СЕРГ. МИХ. Здравствуйте, товарищи! Что это вы такие оживленные?

Н. И. Это кто? Мы-то! Эх, чудак, да разве тебе одному пользоваться счастьем, живя с молодой женой? А? Ну скажи, чего же ты молчишь? Отвечай! Разве ты один имеешь право на счастье? А?

С. М. Позволь, Коля, я ни черта не понял из всего того, что ты сейчас натрещал. Степан Алексеевич, скажите хоть вы: в чем тут дело?

Н. И. Что? Степан Алексеевичу? У Степана Алексеевича защиты просить? Так я тебе сам расскажу, в чем тут дело: сегодня на пароходе придет со всеми пожитками Анастасия Петровна, супруга Степана Алексеевича.

С. М. Неужели? Степан Алексеевич, правда ли это? Как я рад, если это правда.

С. А. Да, правда, Сергей Михайлович. Сегодня с пароходом жду свою жену с вещами, решил здесь жить все время.

С. М. Так разреши и мне порадоваться твоей радости. И ты молчал так долго, не мог сказать. Сейчас придет моя Люба, так вот будет рада. Она и то говорит: что вот мы теперь двое, а почему же Степан Алексеевич не выпустит жену. Да и тебя. Коля, Люба очень ругает. Говорит, что скоро 30 лет будет — и не женится.

Н. И. Это кто? Я-то? Ах, она, плутовка, а что ей очень беспокоиться обо мне? Или ей хочется, чтобы я поскорее взял на себя обузу покупать на пеленки и подгузки ребятишкам?

С. А. А ты сначала женись, да наживи ребят.

Н. И. Как только вы об этом заговорите, так меня в дрожь бросает. Давайте лучше поговорим пока о нашей колонии, что еще думаем сделать. Вот уже осветили все дороги — как железные, так и грунтовые. А как тебе нравится, совсем другое теперь?

С. А. Ну, товарищи, хоть тема вашего разговора для меня очень интересная, и я не прочь послушать вас и поделиться своим мнением с вами относительно дальнейшего, но время идти встречать Настю. Вы меня извините — я вас оставлю минут на 20. Вот здесь папиросы. (Слышится гудок парохода). Пароход подходит. Надо спешить.

С. М. Иди скорее, Стела, а то слездаешь, а это не хорошо. Ступай, дорогой.

Я в л е н и е IV.

(Входит Люба).

Л. Что это за веселье? С чего это вас так разобрало?

Н. И. А, Любочка, милочка! Дай поскорее поцеловать твою ланку, тьфу, чорт, ручку!

С. М. Это мы, моя радость, вспомнили, когда, еще будучи заключенными, помнишь на кладбище... Помнишь, как на могилу налетел, а Коля, задрал шинель, бежал, как угорелый, с винтовкой.

Н. И. Это кто? Я-то? Да, что же ты врешь?

Л. Правда, правда, Коля! Не спорь, ведь, ты бежал без оглядки.

Н. И. Ну, ваше, ваше! разве двоих переспоришь?

Л. Да, много было приключений! Надолго останутся в памяти эти годы нахождения в концлагере. А как работать приходилось иногда! Вот, ты, Сержик, из интеллигенции, хоть теперь и стал

одинаков со всеми, здесь находящимися колонистами, а все же иногда у тебя нет-нет—да и прор...

Н. И. Тьфу! Люба, как тебя не совестно? Как только задумаешь поговорить о бывшем концлагере, ты обязательно повернешь все вверх дном и начинаешь ругать интеллигенцию. Ведь, и меж них есть разные люди.

Л. Я, Коля, ничуть не оспариваю того, что в каждом классе общества есть разные люди. Но привычки, вкоренившиеся с детства, есть тоже в каждом. И кто-то может обойти эти привычки, а кто-то нет. И никогда аристократия не пойдет рука об руку с пролетарием.

С. М. Чем же ты это докажешь, Люба?

Л. Что—это?

С. М. Ну, вот, хоть то, что никогда они не будут родня нам.

Л. Чем только хочешь. Возьмем работу. Я была заключенной и исполняла всякую работу: и мыла полы, и работала на кирпичном и на торфу, и где я только ни работала, и везде видела одно и тоже: женщины нашей среды работают, как люди, и все исполняют уроки, а эти гнилые аристократки вечно симулируют: или она больна, или стоит, крутит голову какому-нибудь десятнику, или еще что-нибудь.

С. М. Ну, довольно, Люба! А то ты, как начнешь говорить, у тебя, кроме желчи на интеллигенцию, ничего в голове нет. Ты забываешься и иногда говоришь то, в чем сама себе не можешь дать отчета.

Л. Вот, всегда так, как только начнешь что-либо говорить, он сейчас одернет. Ведь, я не виновата, что я не красноречива, но скажу одно, что теперь нашей колонии я радуюсь. Как хорошо стало! И как незаметно прошло все. Вот, я даже жалею, что была прислана сюда так поздно. В конце 24 года. А интересно было бы самой посмотреть: каким был остров, как только его взяли у монахов.

Н. И. Стоп, дорогая! Вот, сейчас расскажу, что я знаю. Я сюда приехал, вернее, меня привезли в 23 году, весной. Имел я 10 лет. Я много расспрашивал про остров всех людей, кто раньше меня был здесь. Спрашивал у оставшихся здесь монахов. Так вот! Здесь было пустынно, мрачно и неоживленно. Не было теперешних дорог, а были от скита до скита такие дорожки, что сами монахи иногда сбивались с них и, застревая в болотах, блуждали по трое суток. А теперь, сами знаете, куда хочешь не иди, а поезжай, да и...

Л. (Смотря в окно, перебивает). Сержики! Коля! Смотрите: наш Степан Алексеевич идет, кажется, с пристани, и с ним какая-то дама, а вон позади на подводе корзина и узлы...

Явление VII и последнее.
(Входит монах с большим завернутым узелком).

МОНАХ. Здравствуйтесь, товарищи!

ВСЕ, кроме Ан. Петр. Как это, товарищи?

МОНАХ. Я пришел поблагодарить вас, Степан Алексеевич, за то, что ты помог мне узнать истину и снять мрачную пелену с глаз, наложенную владыками и игуменами. (Обращаясь к остальным). А вас—просить принять меня в члены вашей коммуны.

Н. И. Стоп! Как же это так, отец Иоанн?

МОНАХ. А вот как: с помощью Степана Алексеевича я прочел много таких книг, от которых раньше отвертывался с презрением и которые теперь люблю. Я узнал многое, чего раньше не знал. Узнал, как надо жить. (К Степ. Ал.) А теперь, Степан Алексеевич, я пришел еще просить книг почитать. А вот прочитанная.

С. А. Это мои книги так бережно у тебя завернуты? Ты, ведь, раньше завертывал так библию и евангелие. Где же они?

МОНАХ. Ни библии, ни евангелия я не возьму больше в руки, а которые у меня были, я их сжег.

Н. И. Так как же величать теперь тебя, отче Иоанне?

МОНАХ. Данилом Максимовичем Рогачевым. И будь прокляты, те, кто постриг меня и из Данила сделал Иоанна, и те, кто пресекал дорогу нам из темноты к просвещению. (Занавес).

Приведенный материал, нами просмотренный, извлечен из огромной груды материалов, собранных криминологической секцией Соловецкого Общества Краеведения. Проверив на литературном материале идеологический обиход уголовного мира, можно констатировать:

1) Уголовные преступники принадлежат к деклассированной группе и носят в себе определенные черты менщевского индивидуализма. 2) Уголовные преступники принадлежат к непроизводящему классу, и находятся в идейном родстве с декадентством в самом его вульгарном анархическом проявлении.

Психические навыки, привитые бытовой обстановкой, суть навыки чрезвычайно глубоко вкоренившиеся психики уголовного и охватывают всю систему его мышления.

Борьба с этими свойствами мышления уголовного может дать благоприятные результаты только в социальной клинике, работающей в плане современной науки.

Соловецкая печать.

П. Шенберг.

Полиграфическое дело на Соловецких островах имеет за собой чрезвычайно интересное прошлое, восходящее к XVII веку. Соловецкая гравюра на меди и литографский лубок явятся темой специального исследования историко-археологической секции. Современная соловецкая печать, которой посвящен настоящий очерк, не связана с этим прошлым ни органической, ни технической преемственностью.

В 1923 году, в ночь с 25 на 26 мая, в бывшем Соловецком монастыре, в то время совхозе Архангельского губземуправления, возник пожар, продолжавшийся трое суток и разрушивший половину монастыря. Вместе с богатой коллекцией икон и утвари, стеной живописью, библиотекой колоссальной ценности и частью архива, огнем была уничтожена и монастырская литография, состоявшая из двух ручных станков и двух литографских камней.

6-го июня 1923 года на пароходе «Печора» в Соловки прибыла первая партия заключенных в 100 человек и комиссия для приема совхоза в ведение Северных Лагерьей.

«При входе в Кремль нам представилась печальная картина, — передает свои впечатления один из членов комиссии, — жалобно смотрели на нас обгоревшие здания с восходящими от окон черными языками... везде, на стенах, на заборах торчали остатки несвалившихся труб, скрипели лепты качаемого ветром и влетающего в воздухе кровельного железа. Чувствовалась жуть».

В таком виде был принят новый лагерь. В течение ближайших нескольких лет по всему острову выросли новые постройки, дебри соловецкого леса перерезала железная дорога, была установлена воздушная связь с материком, расширен морской транспорт, появились театр, несколько обширных библиотек, музей, биологическая станция и т. д. Наконец, экономическая деятельность лагерей перешагнула далеко за пределы Соловецких островов. Соловки стали одним из крупных культурных центров Севера.

Все это, находясь еще в стадии организации, было достаточной предпосылкой для создания своей прессы. В своем органе прессы нуждались для воспитательных целей и Управление лагерями, и ячейка РКП, и политчасть местного красноармейского гарнизона. По мере культурного и экономического роста лагерей, ставших мощной хозяйственной организацией краевого значения, задачи прессы расширились. Наряду с этим, Соловецкое Общество Краеведения, выросшее из маленького кружка любителей природы и впоследствии установившее тесную связь с научными учреждениями центра, нуждалось в фиксации своих работ на страницах печатного издания. Мало изученные производительные силы островов, исключительное по интересу прошлое Соловецкого монастыря с его архивами, наличие на островах исторических памятников материальной культуры—все это до сих пор представляет собой неочятый край для исследователя.

С течением времени выяснилась потребность обслуживать и освещать жизнь не только Соловецких островов, но и близлежащего района Карелии с городом Кемью и рабочим населением предприятий Мурманской ж. д. и лесопильных заводов. Помимо всех этих причин, в силу полугодовой оторванности острова, требовалось организовать на месте полиграфическое производство для хозяйственных и административных нужд лагерей.

Конец лета 1923 года прошел в лихорадочной работе по восстановлению разрушенных пожаром зданий. Привезти до закрытия навигации какое-нибудь оборудование для печатного производства было невозможно. После долгих поисков, продолжавшихся в течение всей зимы 1923-24 года, удалось обнаружить на одном из подвальных складов среди рухляди и обломков пожара небольшой литографский камень, два валика и немного сухой краски в стеклянных колбочках. Это все, что оставалось от монастырской литографии. Эти-то несколько предметов, находящиеся теперь в витрине полиграфического подотдела музея С. О. К., и легли в основу нынешней типо-литографии УСЛОП, оборудованной в настоящее время большой скоростной плоской, стереотипной и другими машинами.

Для того, чтобы приступить к производству при помощи найденных предметов, необходим был в первую очередь литографский станок, который был сконструирован и изготовлен местными средствами. Части его были огляты на чугуно-литейном цехе и весь станок был собран на мехзаводе. Все это делалось в глухую полярную зиму, при отсутствии связи с материком, когда приходилось полагаться лишь на собственную изобретательность и изворотливость. В марте 1924 года литография приступила к работе, начался выпуск бланков и ведомостей для делопроизводства.

Возникновение соловецкой периодической прессы для большей точности следует отнести к более раннему периоду, чем открытие литогра-

фии. Первый толчок к ее созданию был сделан красноармейцами. До нас дошел небольшой пожелтевший листок стенгазеты, рассказывающий в торжественных, неудачно сверстанных заметках о первой зиме Соловецкого лагеря. Это — первая в Соловках стенгазета «Островок», — орган ячейки 95-го дивизиона, — вышедшая 29 октября 1923 года.

«Островок» — родоначальник соловецкой периодической печати. За ним в хронологическом порядке следует ежемесячный журнал «Слон» (сокращенное название Соловецких Лагерея Особого Назначения). К концу навигации 1924 года, с прибытием первой типографской машины — американки и небольшого количества прифтов, последний — декабрьский — номер «Слова» печатается типографским способом. Осенью того же года была сделана неудачная попытка издавать литографированный юмористический журнал «Стукан», который, однако, захирел с первого же номера. С 1925 года «Слон» переименовывается в «Соловецкие Острова». С начала того же года издается еженедельная газета «Новые Соловки» с нерегулярными приложениями — «Соловецкий Безбожник», «Соловецкий Крокодил» и «Радио-Соловки». Тиво-литография пополняется новым техническим инвентарем. В августе 1925 года для выхода на вуть издательской работы организуется Бюро Печати. «Соловецкие Острова» и «Новые Соловки» продолжают издаваться беспрерывно в течение 1925 и 1926 гг. В апреле 1926 года выходит первый выпуск «Материалов» Соловецкого Отделения Архангельского Общества Краеведения (впоследствии Соловецкого Общества Краеведения). Наконец, с января 1927 года журнал «Соловецкие Острова» сливается с издающимся в Ленинграде журналом «Карело-Мурманский Край», а «Новые Соловки» сменяются ежедневным радио-бюлетенем. Центр тяжести издательской работы в Соловках переносится на выпуск «Материалов» Соловецкого Общества Краеведения. Таковы, в хронологическом порядке, этапы соловецкой печати.

Полный титул первого соловецкого журнала, вышедшего 1 марта 1924 года:

«СЛОИ. Политико-общественный и воспитательный журнал. Издание Воспитательно-Трудовой Части Управления Соловецких Лагерея».

Этот заголовок сделан от руки чернилами жирными вычурными буквами на обложке небольшой тетрадки в 29 страниц, отпечатанной через копировальную бумагу на пишущей машине в 12 экземплярах, с вклеенными фотографиями. Второй, апрельский номер печатается уже на литографском камне с «настоящей» обложкой, также отпечатанной на камне. Эта обложка, при постепенном увеличении формата журнала,

сохранялась до конца года и печаталась то в одну — желтую, то в две — желтую и коричневую краски. На поперечной полосе в верхней части обложки, где с одной стороны изображены Соловки, с другой — фабричные корпуса и трубы, через весь рисунок тянется название журнала. Писке — на выделенном в рамку узком продольном рисунке — большой слон на фоне груди книги и восходящего солнца. У подножия слона — сери и молот. Вся эта композиция по своему выполнению далека от какой-либо художественности. Доминирующей на ней слон напоминает обложку преис-курентов сельско-хозяйственных машин. На четвертой странице обложки изображен слон с поднятым хоботом, обрамленный незамкнутым сверху кругом с красной звездой наверху. Выбор этой обложки явился результатом очень любопытного конкурса, в проектах которого слоны фигурируют во всех видах от слона на велосипеде до слона рушащего под погами здание тюрьмы. (Повидимому, по замыслу художника, тюрьма служит слону ступенью, по которой он поднимается к исправлению).

С января 1925 года журнал получает название «Соловецкие Острова», которое охватывает с исчерпывающей полнотой его задачи. Надо все же отдать справедливость, что известное чутье предохранило издателей «Слона» от помещения изображения слона в качестве основной темы обложки.

Назначение журнала видно из следующего объявления, помещенного в первом номере:

«Воспитательно-Трудовой Частью Управления Соловецких Островов издается ежемесячный журнал «Слон», задачей которого является освещение жизни Соловецких островов и их обитателей. Содержание журнала: 1) Обзор печати СССР. 2) Жизнь лагерей: а) воспитательно-трудо-вые задачи, б) производственная работа лагерей, в) хозяйственная жизнь лагерей, г) школа заключенных, д) театр и музыка. 3) Рассказы, фельетоны и стихи. 4) Страничка заключенного. 5) Страничка красноармейца. 6) Сагира, юмор, шарж. 7) Хроника. 8) Официальная часть. 9) Почтовый ящик. Редакционная коллегия надеется, что в журнале примут широкое участие все, располагающие каким-либо материалом. Приглашаем материалом просят не стесняться. Все будет принято с благодарностью».

На Соловецких островах «жизнь забилась ключом. — говорит программная передовая, — жизнь эта растет, создает новые вопросы, разрешает их и мощным движением движется вперед. Она имеет много своеобразного — старого, обновляемого и сменяемого новым, и вновь намечаемого. И вот осветить эту жизнь Соловецких островов, познакомиться с ее создателями и участниками и является целью нашего журнала».

Смог ли журнал на первых же порах справиться с этой широкой и «благодарной» целью?

Отдавая должное значанию огромной культурной важности, которое было сделано основателями журнала, нужно сказать, что для ее проведения у них не было никакого плана, не было никакой системы, в отношении хотя бы технического редактирования материалов. На протяжении почти всего 1924 года журнал шел огульно, выдавая в худшие недостатки тюремной прессы. Такое положение создавалось не одним только отсутствием материала. Конечно, материал командует редакцией, а не наоборот, но дело последней создавало общий тон и направление своего издания, отбрасывая и исправляя все идущее вразрез с ее планом.

Элементарного литературного приличия в журнале «Слово» не было. Он был тем удобрищем, на котором выросла и окрепла соловенская пресса позднейшего времени. Соловешский журнал в начале своего существования был типичным рядовым изданием места заключения, носил в себе все обычные недостатки этих изданий.

Весьма обширная и разросшаяся в последнее время тюремная пресса существует почти во всех местах заключения СССР. Во всех исправдомах и допрах выходят свои периодические издания, и притом, не только в крупных культурных городах, как, например, Харьков, Самара, Туль, Орел и др., но и в незначительных, отдаленных иногда от центра местностях, как, например, Цивильск, Ейск, Чебоксары и другие. В некоторых случаях эти издания имеют форму ежемесячных журналов, в других — еженедельных газет, выпускаемых в печатном виде с определенным тиражем, а иногда, просто, как стенные газеты. Все эти органы, носящие характерные названия — «Голос заключенного» (Одесса, Пенза, Краснодар, Гомель, Иваново-Вознесенск, Цивильск, Алтай), «Всюду жизнь» (Орел, Кострома), «За решеткой» (Архангельск), «Долой преступность» (Харьков) и т. д. — издаются как непосредственно местами заключения, так и различными учреждениями по наблюдению за местами заключения, но в тех и других случаях — силами заключенных.

В основу огромного большинства этих изданий ставится, как самодеятельная цель, самостоятельность и самотворчество заключенных в самых широких размерах, независимо от того, достигаются ли этим положительные или отрицательные результаты. В целях поощрения и привлечения к сотрудничеству как можно большего количества заключенных считается полезным принимать и печатать почти без исправлений решительно все, что поступает в редакцию. При просмотре таких изданий получается впечатление, что ради криминологических экспериментов помещается на материал, принятый для печати, а редакционная корзина. И это не только в ретрографированных изданиях и стенных

газетах, но и в изданиях, печатающихся типографским способом, хорошими шрифтами, на хорошей бумаге, с сравнительно большим тиражом. Не говоря о затрате материальных средств, вряд ли нужно доказывать, что вред, который приносит подобное поощрение безграмотности ни в коей мере не оправдывается достигнутой целью привлечения наибольшего числа заключенных, и что такие издания не могут пользоваться большим авторитетом у самих заключенных. Правда, они достигают некоторой популярности, но популярности очень сомнительной.

Тюремная пресса обычно впадает в две крайности. Прежде всего, это—увлечение вопросами большой политики. Тюремный «спец» по международному обзору любит проехаться с Чичервым из Москвы в Варшаву и из Варшавы в Берлин и высказать кое-какие суждения о тихоокеанской проблеме. Для чего это нужно в современных условиях тюрем, куда свободно проникают газеты с «волн»—совершенно непонятно. В большом фаворе также эссеисты в области криминологии и психологии, в которых чувствуется необычайное стремление показать свою «образованность» и изложить «учеными словами». Другая крайность—это тюремный, так называемый «блатной» жаргон и «блатной» стиль, граничащие с порнографией, излюбленный уголовниками «чайльд-гарольдовский» знак отверженности, визвопоклонство, нездоровый орнический юмор в безграмотных «прохватывающих» стилях. Подлинного отражения быта во всем этом нет. Единственное, в чем, в большинстве случаев, отражается «быт», это—заметки о непочтливой уборной или протекающей канале. Между тем, тематика большинства мест заключения, где заключенные часто работают вне стен тюрьмы, дадеко не так уж бедна. Естественно, что в дефективной среде нельзя поощрять самотворчество ради такового. Его можно поощрять только, как результат известного воспитательного воздействия, в наиболее здоровых самодеятельных и неискусственных проявлениях.

Эти две крайности характеризуют и соловецкий журнал в начале его существования. Первые номера журнала «Слон» поражают анекдотической претенциозностью и безграмотностью.

Вот, например, заметка из области «быта»:

Женская портновская мастерская. Слышится с раннего утра оживленный разговор и ление песен, зачастую революционные. При моем появлении одна из мастериц кричит: «Надя, я сегодня восемь человек одела в новые рубашки». Надя отвечает, что и она тоже от нее не отстала—что и она восемь рубашек сшила, да еще «по блату» гимнастерку починила одному. И так изо дня в день из дамской портновской по полсотни в сутки то руковиц, то рубашек, и прочие выходят для заключенных. Отношение заведывающего к мастерицам—как отца родного. Он всеми уважаемый человек, и никогда плохого слова от него не услышишь. Отчасти на мастериц развращающе дей-

стает старшая мастерица Х, которая завела шашни с П., с которым все время шепчется и обращает на себя внимание других работниц. („Слон" № 1).

Слапавая добильность с примесью подхалимства и... донос.
Вот еще «бытовал» заметка:

Тов. Троицкий когда-то к месту заметил: „Побольше внимания мелочам". А мы до того небрежны в нашем словесном обиходе, что сплошь и рядом ругаемся отборными матерными словами. („Слон" № 4).

Мы выбрали эти две заметки, как образцы чаще всего встречающегося типа.

Стихи, повидимому, особенно заманиваа вещь для начинающих лагерных журналистов.

Потоки мыслей смелых и исривых
В тюрьме гоняются наперебой,
И реки слов могучих и красивых
В размер стиха слагаются сами собой.

(„Слон" № 4).

И вот реки слов льются и слагаются, например, в такие вирши о Соловецком острове, на манер Еришовского «Конька-Горбунка»:

ОСТРОВ ЧУДЕС.

За горами, за лесами
Меж водой и небесами
В Белом море остров есть.
Дивно, братцы, посмотреть...
Люди там живут простые,
Как и мы, точь в точь такие.
Занимаются трудом,
Полеводством и скотом...
Не враждуют меж собою,
А ведут борьбу с нуждой
И порядок там, друзья,
Образцовый навсегда.
Охраняет остров стража,
К ней приставлен старший „раджа"—
С виду строгий человек,
Но добрей его там нет.
Раджа островом всем правит.
Провинившихся карает,
Издает закон в стране
И кодексы о труде.
Всем живется там привольно,
И всего в стране довольно.
Одним словом, та страна
Для блаженства создана.

(„Слон" № 5).

В более индивидуальном творчестве уголовников—в их лирике и романтике все же можно обнаружить и некоторый талант и темперамент. В их журнальном творчестве в гораздо большей степени сказываются ходульность и искусственность. Только как редкие исключения, наряду с убогой бездарностью и блуждающей в глаза неискренностью, встречаются попытки здорового отражения действительности.

Кроме уголовников, резко выраженный отпечаток на журнальную работу накладывает другая прослойка заключенных, не примыкающая ни к «шпана», ни к профессиональной «спеновской» среде, состоящая из лиц, осужденных по различным статьям, с различным социальным прошлым. Это—прослойка людей, называвшихся «верхушек», перешедших к дисциплинированному мышлению, бдительных, по самонадеянно мнению себя руководителей тюремной общественности и бдительными идеологической чистоты в тюремной прессе. Такой тип очень распространен в тюрьмах. Именно ему принадлежат высокопарные статьи по сложным общественным и политическим вопросам, загроможденные «учеными» и непонятными самому автору словами, в дробях которых он окончательно запутывается.

Наибольший курьез из этого материала представляют собой театральные рецензии. Тут особенно раздолье шегельнуть «зрелищней», блеснуть, например, такой фразой, как «мистический идеализм Шпенгера и прочая «спеновщина»». («Слон» № 2) или «Марико принадлежит к народу, проповедующему беспощадную борьбу со злом, с удвоенным усилием «Гимн невинности» (Ф. Лассаль) и возводящему в апофеоз своего Übermenscha презренным к «Мораль рабов» Ф. Ницше» («Слон» № 1. Рецензия на «Огни Ивановой ночи» Зудермана).

Рецензент пьесы «Революционная свадьба», немилосердно переделав автора марсельезы Ружэ де Анли в «Анли де Ружемона», далее пишет: «Была бы хороша и т. Никитина в роли прекрасной графини Де Этуазль, невесты маркиза, если бы хоть немного изобразила мимикой своего лица, те именно чувства, которые обычно выражают, преимущественно девушки, и вообще женщины, когда влюбленные мужчины поют им дифирамбы их красоте» («Слон» № 2).

Рецензенты из «Слон'а» весьма склонны покровительственно похлопать по плечу «покойного» Л. Андреева, «корифея русской литературы» и «великого мистика» Н. В. Гоголя и А. В. Луначарского. О последнем снисходительно говорят следующее автор заметки «Пару слов о «Боролевском братобрее» и А. В. Луначарском» («Слон» № 3):

...Идеология его развивалась зигзагообразно. Вполне понятно, что в образованном, всесторонне развитом трудовом интеллигенте должна была наступить пора революционного бунтарства. Не чисто пролетарского—по выражению идеологии пролетариата, как класса.

Это особенно и отразилось в „Королевском брадобрее“. Революционность пьесы заключается в ее истории-обобщаемости и умелой чрезвычайно меткой критике идеологии абсолютных монархов и феодалов. Пьеса настолько революционна и злободневна, насколько революционны и злободневны пьесы — „Дон-Кихот“ Сервантеса и „Фигаро“ Бомарше.

Паллы такого творчества неизбежны для журнала, начинающего свое существование в только-что сформированном лагере. Сметься над ними — то же, что смеяться над лохмотьями.

Несмотря на все свои недостатки, словесный журнал, даже в худшую пору своего существования представляет интереснейший общественный материал. С первого же номера того же безграмотного и косноязычного «Слона» мы видим попытку пробудить и создать своеобразную лагерную общественность, вынести на суд этой общественности проступки заключенных, согласовать меры административного воздействия с судом общественности. В этом отношении весьма показательна статья в № 1 «Слона» «Злостное злоупотребление доверием», где бичуется и предается широкой огласке недобросовестность группы заключенных, занимавших хозяйственные должности и пользовавшихся своим положением для систематических краж. Эта статья, иллюстрированная вложенной фотографией провинившихся, знаменательна тем, что она дает руководящее направление методам исправительной политики. Направлявшие это, несуконно проводившееся через печать, завершилось в конце 1926 года созданием так называемого Товарищеского Дисциплинарного Суда, на который выносились, в качестве показательных процессов, с участием защитников и обвинителей, наиболее тяжелые проступки заключенных, преимущественно связанные с злоупотреблением доверием. С первых же номеров мы встречаем напыщенные статьи о «воспитательно-трудовых задачах в местах заключения», о «методах воспитательного воздействия на заключенных», вызывающие на протяжении дальнейших номеров продолжительные дискуссии с не менее витиеватыми и сумбуриными ответами, ответами на ответы, с бесконечными «Еще о...» Параллельно с этим появляются статьи, стремящиеся выправить линию журнала в отношении литературной и технической грамотности, так, например, статья в № 3 по поводу ряда безграмотных рецензий. Воздействие, оказываемое этими статьями, первое время очень незначительно. Постепенно увеличивается приток материала, появляются научно-популярные статьи и материалы по экономике лагеря. Этот рост, правда, чрезвычайно медленный, плуцкий зигзагами, все же дал толчок к небольшому расширению журнала и попытке систематизировать работу. На заседании редколлегии 3 июля 1924 года было конкретизировано следующим образом содержание отделов:

1) Социально-политический отдел: а) передовая, б) политическое обозрение (мировая хроника), в) пенитенциарная политика СССР и воспитательно-трудовые задачи лагеря. 2) Лагерная жизнь: а) картинки из быта заключенных, б) профессиональное образование, в) организация труда, г) культ-просветительная работа, д) неправомерный режим, е) спорт, ж) красная и черная доска лагеря. 3) Литературно-художественный отдел (рассказы, стихи, повести, новеллы). 4) Научно-популярный отдел. 5) Юридическая помощь заключенным. 6) Сатира, юмор, шаржи, шарадмы, загадки.

Правда, эта «шпроквецательная» программа издана главным результатом необычайно разбухший отдел «юмора». В этом отделе можно найти, например, печатающийся из номера в номер «юмористический боловецкий энциклопедический словарь» с очень низкоробкими погугами на остроумие. С пятого номера впервые обращается внимание на художественную часть журнала, появляются относительно недурные заставки к заголовкам статей и отделов, но вместе с этим отдел юмора разбухает многочисленными литографированными штриховыми каррикутурами, крайне безобразными по исполнению, поводом к которым служат мелкие лагерные «злобы дня». Заслуживает быть отмеченной, как объединяющая широкую общественную тему для Соловками, каррикутура, помещенная в № 6, с эниграфом: «Радио-паразит: Высшая мера наказания Б. В. Савинкову заменена десятью годами Соловецкого концлагеря». Рисунок изображает двух заключенных, держащих огромный лист бумаги с надписью «Счет Б. В. Савинкову от группы савинковцев». Многочисленность «юмористического» материала, не умещавшегося в «Слове», привела к изданию одного номера специального журнала «Стукан».

В шестом номере журнала появилось первое художественно графичное беллетристическое произведение — рассказ вновь прибывшего на Соловки профессионального литератора Н. К. Литвина «В лесах Михайловских» — отрывок из романа «Генеральский грех». Этот рассказ был первой ласточкой широко развернувшегося в последующие годы литературно-художественного отдела.

Выход союзеского журнала на большую дорожку печатного издания, следует считать с № 9—10 1924 года, первого номера, отпечатанного в типографии. Но интересно отметить, что качественный рост журнала совершался самопроизвольно. Если состав редакции обогатился профессиональными литературными силами, если, в связи с притоком нового богатого материала, перед журналом открылась широкое возможности, то в области объединяющей и связующей редакционной работы пользование остается без перемен. Новые возможности долгое время встречаются с опаской и даже с некоторой враждебностью. Об этом говорят следу-

ющие характерные строки из статьи в юбилейном мартовском номере 1925 года о первой годовщине журнала:

...Даже литературный блок в редакции намечался наших литераторов по регистрационным карточкам. Литературность весьма им к лицу приглянулась. И вот стали они судить да рядить, как бы литературную автономию приобрести... Кое-чего добились. Каморку свою завели, роли распределили: ответственный выпускающий, ответственный корректор и всяких других ответственных назначили. И возымели литераторы наши страстное желание растворить журнал «Слон» в литературной безыдейной жижице.

В этих строчках скрывается длинная история борьбы между двумя течениями, которая представляет собой чрезвычайно любопытный и богатый опыт в области тюремной общественности и прессы. Эта борьба развертывалась, главным образом, вне страниц прессы, но была неразрывно связана с развитием и направлением последней. Сущность ее заключалась в том, что воспитательные органы лагеря пытались насадить самостоятельность и общественность, сделали ставку на уголовников, как на пролетарскую массу лагеря. Был организован так называемый коллектив «своих», куда входили, как показывает его название, преимущественно «сорочковитинки», вернее, наиболее активные верхи этой массы. Создание коллектива имело целью вовлечь уголовников в клубно-театральную и иную работу с предоставлением им большой самостоятельности. Опыт целого года показал нецелесообразность такого подхода. Прежде всего, уголовников, представляющих собой типичный деклассированный элемент, ошибочно было рассматривать, как представителей пролетарского класса. Кроме того, объединение заключенных по признаку совершенного преступления в коллектив с нарочито подчеркнутым названием «своих», имело явно вредные последствия. «Слон», продолжая вращаться в среде, общение с которой привело их на Соловки, не только не забывали прежних привычек, жаргона, этики, но продолжали культивировать их, перенося в театральную и клубную работу и отчасти в прессу. Будучи наиболее активным и сплоченным ядром среди общей массы заключенных, стоявших вдалеке от всякой общественной работы, «свои» выделяли кадр лагерных корреспондентов, которые снабжали материалом газету «Новые Соловки» в течение 1925 года. Их работа в прессе могла иметь положительное значение лишь тогда, когда она направлялась в должное русло, когда материал, дававшийся ими, был меньше всего связан с кастовыми тенденциями корпорации «своих», когда лейт-мотивом этого материала не было казенное благополучие и низкопоклонство. К вопросу о лагерях и о работе с ними мы вернемся ниже.

Все лучшее, что дал коллектив, это — ряд отдельных талантливых представителей-самоучек, работа которых ваячески поощрялась, вне за-

впевности от принадлежности их к коллективу. Вредность существования коллектива, как единицы, была признана этими лучшими его представителями. Весной 1926 года на бурном диспуте о деятельности коллектива, организованным Воспитательным Отделом, решено было коллектив упразднить.

В начале существования коллектива «своих» создавалась другая организация аналогичного порядка. При отсутствии твердого плана равномерного использования в области воспитательной работы всех культурных сил лагеря, группа заключенных из числа работников пера и пера также организовала на основах «самодельности» свой коллектив под названием «Хлам» (расшифровывается: художники, литераторы, артисты, музыканты). Их работа заключалась, главным образом, в театральных постановках, но вместе с тем в «Хламе» сконцентрировались лучшие литературные силы, налившие в то время работать в журнале. С этим обстоятельством, повидимому, и связана цитированная выдержка о «литературном блоке» и «литературной автономии». «Хлам» существовал недолго и распался по внутренним причинам, оставившись одной из красочных в бытовом отношении страниц периода организации новой жизни на приполярном острове. Эта бытовая сторона находит отражение в очерках И. К. Литвина о глухой зиме, когда «плачется морд» и «жизнь течет по кругам, отмеренным светом кремлевских ламп», когда «в полярной соловещьей ночи были свои звезды, свои цветные огоньки...» «Хлам» выручал нас той зимой. — пишет автор, — он спасал нас от самодельства и помогал оберегать во льдах горячим нашим сердцем... («Зима во льдах», «Соловецкие Острова», №№ 1, 2-3, 4, 1926 г.).

Кроме «Хлама» и коллектива «своих», существовали еще коллективы «самосправляющихся», «украинцев», «белоруссов». Кружковая работа распыляла культурные силы лагеря, разделяла их на группы, совершенно чуждые друг другу и поэтому подозрительно косившиеся друг на друга. Создавалось нездоровое оживление, разгорались страсти. Двойственность, отсутствие твердой ориентации ощущались во всей работе. Все это было неизбежно в период исканий и опытов, когда воспитательная работа находилась в стадии организации, и ее пути намечались ощупью.

Эта двойственность, отсутствие твердо намеченной линии, характеризует и редакционную работу на протяжении того же периода — почти всего 1925 года. Много копий ломалось по вопросам о направлении и тематике журнала. Эти вопросы долго оставались нерешенными. Если взглянуть в изменения, происходившие в содержании и характере соловещьей прессы, станет ясным, что спор имел в своей основе два течения, которые никогда, правда, не были точно осознаны и сформулированы и не были с достаточной определенностью выражены.

Одно течение заключалось в том, чтобы, несмотря на все недостатки, свойственные тюремной прессе, сохранить за соловецкими изданиями именно характер этой прессы, сделать содержание ее близким и участие в ней доступным наименее культурным слоям лагеря, опускаясь до них вместо того, чтобы поднимать их до себя. Другое течение стремилось придать этим изданиям характер и форму обычных нетюремных литературных изданий, имея основной тематикой освещение жизни Соловков, как лагеря и как населенного пункта, во всех ее многообразных проявлениях.

Какая из этих двух тенденций более правильна в условиях места заключения — вопрос этот остается открытым до сих пор. Вопрос о том, какой должна быть тюремная пресса, не разрешает и проф. Гернет в своих очерках «В тюрьме». Первое течение можно формулировать, как имеющее своим конечным стремлением создать прессу в тюрьме и только для тюрьмы, второе — прессу о тюрьме, но не для тюрьмы. Нам кажется, что и то и другое стремление является в одинаковой степени крайними и неправильными. Нужно найти какую-то среднюю линию, но сделать это чрезвычайно трудно. Эту среднюю линию стремилась все время найти и соловецкая пресса, но те особые условия, в которых она находилась, заставляли ее тяготеть к типу обычной прессы. Обслуживание, наряду с лагерем, местной партийной жизни, красноармейской жизни, экономики и краеведения — все это являлось достаточными предпосылками к тому, чтобы в соловецкой прессе взяло верх второе течение. Но это не значит, что она уклонялась от своих прямых задач общественного и воспитательного значения. Наоборот, эти задачи ставились на первый план. Соловецкая пресса была в полном смысле слова летописью новой соловецкой жизни, летописью, в которой фиксировались, в форме ли художественных произведений или в форме хроник, мысль, будничная работа, и быт новых Соловков. В литературных произведениях, как общее правило, не имели места эстетство, интеллигентская расслабленность и литературничанье. Публицистический материал, излюбленной формой которого был литературный тираж и фельетон, имел немаловажное воспитательное и общественное значение, бичуя темные и нездоровые явления лагерного быта, завоевывая прессе авторитет и первенствующее значение в лагерной общественности.

Если 1924 год в истории соловецкой прессы может быть охарактеризован, как период «удобрения», 1925 год, как период роста и исцеления, то 1926 год является периодом твердой системы и плана.

Цели соловецких изданий этого периода так перечисляются во вступительной статье журнала № 1 1926 г.: «Неправильно-трудовая политика Соллагерей, воспитательно-просветительная работа, как метод

этой политики, вопросы местной экономики и промышленности, изучение края, опыты ведения культурного сельского хозяйства на Севере, пути, приведшие в Соловки их невольных обитателей, их надежды, думы, чаяния и желания — вот содержание, определяющее вместе с тем цели и задачи журнала. Попутно журнал наш выполняет и «служебное» назначение: он является «окном в Европу», той связью с материком, которая, преодолевая полугодовые льды и приполярную изолированность от внешнего мира, приближает нас к творческой жизни страны.

Значительно расширилось число отделов. Кроме беллетристического материала, не составляющего специального отдела и печатающегося в начале номера, встречаем отделы «Второй фронт», «Экономика Крайнего Севера», «Краеведение», «Соловецкая старина», «Северная ссылка».

Из крупных литературных работ, печатавшихся в 1925 и 1926 гг. нужно отметить следующие: Н. Алтушина — «Летопись соловецкая» (художественно-популярное изложение истории Соловецкого монастыря), «Путем невольным» (повествование о приезде на Соловки и первых впечатлениях «принудитовца»), «По островам Соловецким» (очерки о жизни отдаленных уголков лагеря), «Полковник Комов» (рассказ о помещавшемся белогвардейском полковнике, бредящем на койке соловецкого лазарета воспоминаниями о гражданской войне); Б. Глубоковского — «Петька» (рассказ о «шпаненке», попавшем из московских пивных и ночлежек в Соловки), «Соловецкая Пеша» (о проститутке, ставшей артисткой соловецкого театра), «Путешествие из Москвы в Соловки» (печатавшаяся на протяжении почти года повесть о герое «внутренней эмиграции», пришедшем на Соловки через многочисленные этапы божьего разложения и контр-революции); Б. Ширяева — «Сыр» и «1237 строк об Октябрьской яри, палевой Руси и многом другом» — рассказы, насыщенные фантазмагорией, чрезвычайно сильные по замыслу и художественной форме. В каждом номере печатался богатый стихотворный материал. В качестве иллюстраций помещались воспроизведенные с автолитографии виды Соловков работы академика О. Браза, многочисленные фотографии, чертежи, схемы и т. д.

Для примера приводим содержание одного из номеров (№ 5—6):

Б. Ширяев — «Сыр» (из книги «Волчья тропы»). Б. Емельянов — «Из памяти преступлений». Б. Емельянов, Б. Радо, Б. Евреинов, Г. Русаков — стихи. И. Зайцев — «Из недавно пережитого». (Воспоминания бывшего начальника штаба атамана Дутова). Б. Ширяев — «Туркестанские стихи». Б. Глубоковский — «Путешествие из Москвы в Соловки».

Экономика крайнего севера: 1) Монастырь — приполярный промышленник. 2) Торф Соловецкого острова. 3) Лесное хозяйство Карелии.

Второй фронт: 1) Политпросветработа на Соловках. 2) Культурно-бытовой комиссии.

Краеведение: 1) Карельский музей. 2) Характеристика сосновых насаждений на Соловецком острове. 3) Климатические и почвенные факторы Соловецкого острова в связи с сельско-хозяйственным производством. 4) Соловецкие лекарственные растения. 5) Соловецкий лес. 6) Отчет о деятельности кружка любителей природы и краеведения при СОАОБ. 7) Хроника естественно-научной деятельности СОАОБ.

Старина: 1) Поверья и легенды Карелии. 2) Соловецкие рукописи. 3) Хроника историко-археологической работы СОАОБ.

Соверная ссылка: 1) Соловецкие узники. 2) Чайковская тюрьма. Соловки за два месяца (хроника). Библиография: 1) Соловецкие издания. 2) Материк о Соловках.

Обложка журнала неоднократно менялась в течение 1925 года. В первых двух номерах обложка серого цвета с видом Соловков в узкой горизонтальной полоске наверху. Под этим рисунком, через всю обложку из нижнего левого в правый верхний угол тянется название журнала, которое делит пополам свободную от рисунка часть обложки. В верхней половине значится: «Политико-общественный, литературный и воспитательный журнал» и номер. В нижней половине месяц и год и «Орган Управления Соловецкими Лагерями Особого Назначения ОГПУ».

Обложка №№ с 3-го по 7-ой — белая. Над датой и номером, помещенными узкой полоской внизу, очень неудачный вид соловецкого кремля, без рамки, занимающий всю ширину обложки и очень незначительную часть в высоту. Из-за стен и зданий кремля поднимается огромная рука, держащая факел, занимающая всю обложку в высоту и пересеченная в середине названием журнала. Рука, факел и название — густо-кирпичного красного цвета. Из всех обложек, когда-либо бывших в журнале, это — наиболее аляповатая. В №№ 8 — 12 обложка, также белая, с названием журнала наверху и датой внизу. Посредине — окаймленный двойной черно-красной рамкой небольшой, но чрезвычайно нагроможденный рисунок, изображающий ворота соловецкого кремля с выходящими из них рабочими ртами. Из-за стены гигант-рабочий указывает путь к восходящему солнцу на горизонте моря, где плывет пароход. На первом плане — мчащийся по рельсам паровоз и доменная печь с работающим около нее кокагаром.

С № 1 1926 года устанавливается простая художественная обложка работы художника Н. Качалина. В основу ее легло символическое изображение крепостной башни соловецкого кремля, окруженной поларным сиянием и являющейся фоном для названия журнала, сделанного стильным шрифтом. Цвет башни менялся в зависимости от цвета обложки: лиловый на синей бумаге, голубой — на белой и оранжевый — на серой. Изображение башни было взято также мотивом издательской марки. Название журнала на титульном листе сделано шрифтом, в ос-

пову которого взяты узорные мотивы соловецкой скорориси XVIII века.

Тираж журнала с 12 экземпляров № 1 «Слона» повысился к концу 1924 года до 200 экземпляров и оставался на этом уровне до середины 1925 года. С июньского номера он поднимается до 500 экземпляров, затем до 560 (сентябрь), 600 (октябрь-ноябрь), 650 (декабрь), 700 (февраль-март 1926 года) и устанавливается, наконец, на 900 экз. (апрель 1926 года). Размер отдельного номера в среднем 150 страниц, набранных на 8 типографских квадратов в ширину и 11½ в высоту.

Если журнал «Соловецкие Острова» неуклонно тяготел к типу издания краевого и экономического значения, что впоследствии привело его к слиянию с ленинградским журналом «Барело-Мурманский Край», то газета, как издание, по своей природе менее громоздкое, более гибкое, освещало будничную жизнь лагеря с большей интенсивностью. Несмотря на разнородность ее задач, которые выводили ее, так же как и журнал, за пределы лагерных рамок, несмотря даже на то, что газета являлась органом соловецкого коллектива ВКП(б), а не заключенных, она фактически выполняла функции газеты заключенных и пользовалась среди них широкой популярностью.

Газета «Новые Соловки» начала издаваться с начала 1925 года, когда издательская деятельность лагеря имела за собой опыт годичной работы, имела более или менее намеченные пути и возможности.

Первой задачей газеты было не иметь в лагере с его многочисленными предприятиями, ротами и командировками ни одного уголка, жизнь которого не была бы освещена на ее страницах. Это достигалось с большим трудом. Прежде всего, нужно было создать среди широких слоев лагеря сеть лагерных корреспондентов, обеспечив им поддержку и защиту. Если рабселькоровское движение в стране постоянно наталкивается на враждебность местных элементов, то ясно, насколько трудно организовать и поддерживать аналогичное движение в условиях места заключения с его дефективным населением. Вполне естественно, что заключенные в огромном большинстве случаев боятся писать в газету, стараются быть «от греха подальше», и если пишут в нее, то боятся высказываться с достаточной смелостью. В виду трудности насадить в тюремной прессе подлинную общественность, в виду поощрения, которое приходится оказывать из-за недостатка живого общественного материала всем пишущим, — в тюремные газеты в особенно большом количестве поступает «лейный» материал, проинфильтрованный казенным благополучием. Чаще всего такой материал дается вследствие возмущения или пожелания писать иначе. При общей пассивности, недоверии и боязни тюремных масс редакции приходится в виде поощрения отводить

место всякому материалу от тех, кто проявляет хотя бы малейшую охоту к писанию. Менее честные корреспонденты, не решаясь затрагивать сколько-нибудь крупные вопросы, пользуясь в то же время приглашением редакции «отмечать недостатки», ограничиваются мелкими личными доводами.

При соловяшской газете неоднократно устраивались литературно-газетные кружки, в программу которых входило изложение элементарных принципов газетного дела и практическая работа в виде собственной степной газеты, участия в лагерной прессе, организации уголков печати, вечеров самотворчества и т. д. Лагкеры вербовались периодически. Кампании по оживлению лагкоровского движения проводились с энергией и настойчивостью, в достаточной мере себя оправдавшими. Устраивались оживленные общие собрания лагкоров, на которых выступали представители редакции, разъясняя задачи лагерной прессы. На общем собрании лагкоров, состоявшемся в сентябре 1925 года, для организации лагкоровской сети было выделено «исполнительное бюро лагкоров» в составе 6 мужчин и 3 женщины. Один представитель бюро откомандировывался в редакцию для связи и постоянных работ. Каждый из остальных членов получал свой «район», состоявший из нескольких рог или предприятий, с лагкорами которых он должен держать постоянную связь. Каждую неделю перед выходом газеты собиравлись заседания «исполнительного бюро» под руководством секретаря редакции. На эти заседания приносилась обильная «жатва», набранная «в районах». Этот материал зачитывался и совместно обсуждался. После прочтения каждой заметки принималось решение: принять, передать в степгазету, отвергнуть совсем, сократить или переделать. Эти заседания носили характер занятий газетного кружка. Весь материал приносился в сыром виде на клочках и обрывках бумаги, написанных неухожими каракулями. Огромную работу представляла собою редакционная правка, имевшая целью в каждой заметке подчеркнуть и выделить на первый план наиболее ценное и самообытное, придать ей выпуклость и живой газетный характер. Весь этот материал представлялся затем на заседании редакционной коллегии, которая, в свою очередь, производила окончательный отбор. Лагкоровский материал занимал некоторое время целую страницу газеты.

«Исполнительное бюро лагкоров», как и большинство наиболее деятельных лагкоров, состояло из членов коллектива «своих». В силу внутренней спайки и дисциплины среди уголовников, коллектив представлял собой мощную организацию, имевшую возможность влиять на лагерные низы, побуждая их участвовать в газете. Отрицательной стороной этого явления было то, что когда со стороны воспитательных органов на коллектив производился какой-нибудь нажим, «исполнитель-

ное бюро» в виде протеста саботировало, давая минимальное количество материала, стараясь, таким образом, держать в руках редакцию. Кроме того, для некоторых из лагерей наибольшей приманкой добровольной работы в газете была возможность иметь «влияние», возможность «похвалить» или «ругнуть», и, когда редакция беспощадно вытравляла из заметок всякие личные мотивы, это охлаждало авторов.

С упразднением коллектива «своих» распалось и «исполнительное бюро» и лагеревский материал стал поступать в общем порядке, наряду с материалом от других нерегулярных сотрудников. Наибольшим замком этого случайного материала предвещало оставаться слащавое официальное благополучие и тенденция показывать только положительные стороны лагерной жизни. Интересной иллюстрацией того, как боролась газета с этим явлением, может служить приводимый ниже фельетон, который очень любопытен сам по себе, характеризуя один из приемов соловецкой публицистики. Мы переносим его полностью.

Соловецкий фельетон.

ГАЗЕТНЫЙ ПИСЬМОВНИК.

(Руководство для начинающих лагерников).

Закл. Новокодексов решил написать в газету „Новые Соловки“ фельетон. Он долго раздумывал, до мозоли натер пальцем лоб и, наконец, почувствовав в себе прилив писательской бодрости приблизительно в 300 лошадиных сил, уселся за стол, разложил узкие листы бумаги.

Новокодексов знал отлично: нужно писать о быте. Что такое быт, он определял недостаточно точно, но „было бы предложено, а от убытка бог избавит“.

И он, поспешив чернильный с маркой „Космос“ карандаш, смело, как в холодную воду, бросился в море бумаги.

Карандаш Новокодексова выводил:

«Исключительно труд искупляет вину».

(Бытовой рассказ).

Яркое, ясное, соловецкое солнышко сияло в безбрежном, синем, сероватом отливе неба, когда сладкая, как пайковый сахар, музыка гудка возвестила заключенным о начале работ. Радостно, точно на праздник, шли заключенные на работу. На их ясных, как солнце, лицах можно было невооруженным глазом ясно читать великие спасительные слова:

— Через труд — к свободе.

Вот они входят в уютное здание кожзавода, дружно загудели колеса, заходили приводные ремни и раздалась веселая трудовая песнь. Группа заключенных толпилась около ясного заводского окошка.

— Эх, братцы!— воскликнул молодой шпаненок с блеском исправительно-трудового кодекса в беспорочных глазах.— Эх, братцы, вот весна придет и уехать придется—ведь, это ужасно. Что я теперь буду делать без Соловков!

И слезы огорчения показались на его лице.

— Не говори.— с рыданием в голосе подтвердил пожилой субъект— и не напоминай. Уж очень тяжело слушать. Только и просидеть-то удалось пять лет! И за что только меня освобождают этой весной.

Он громко зарыдал. Молодой шпаненок Легкоисправимов курил из цигарки махорку № 8 (цена в розмаге 7 коп. пачка) и начал успокаивать пожилого субъекта:

— Ничего, товарищ Сорокдевятников.—ничего! Может сжалится, кривавят срок.

— Неужели это может быть?— радостно воскликнул Сорокдевятников, и он, расцеловав Легкоисправимова, кинулся к станкам.

Звонкий жаворонок серебристым голосом запел, несмотря на 20 град. мороза в ясном утре. Что это? Это женбарак шел на прачешную. Было приятно смотреть в их исправившиеся, здоровые лица и слышать их стройное девичье хорозво (без регента) пение.

— Смело, товарищи, в ногу!—крикнул через окошко женщинам закл. 13 роты Легкоисправимов. Но женщины, все, как один, знали распоряжение Адмчасти о нелетальных свиданиях и, даже не оглянувшись, шествовали мыть трудовое белье.

В углу мрачно стоял заключенный Злостный, его лицо было свярепо, пара зверских глаз глядела с ненавистью вокруг.

— Ну что, товарищ?— подошел к нему заключенный Легкоисправимов.

— Пошел ты к..... И тут Злостный, несмотря на всяческие запрещения и постановления, (невероятно, но факт!) выругался по-матерному.

— Ах, как не хорошо!— покачал головой Легкоисправимов.— Но я исправлю вас, дорогой товарищ.

— Чем?—огрызнулся Злостный.

— А вот чем,—строго ответил Легкоисправимов и протянул Злостному билет в культ.

Мрачно взял билет Злостный и трудно было предположить по его лицу, что он исправится.

Вечером они встретились в культе. После второго акта „Графа Ликсембурга“ Легкоисправимов глянул в лицо Злостного и не узнал его. Оно кривилось в какой-то гримасе, а на глазах были слезы. Видно было, что Злостный переживает тяжелую операцию.

— Что с вами?—спросил с замиранием сердца Легкоисправимов.

— Тише,—прошептал Злостный,—тише, не трогайте меня. Я исправляюсь...

И слезы радости брызнули, как майская гроза, из глаз Легкоисправимова.

Новокодексов остановился. С непривычки его рука устала. На силу он зывел подпись:

Заключенный Новокодексов.

А когда узнал от черного секретаря редакции, что рассказ не пойдет, он удивился.

— Почему это? Ведь, я все хвалебное Соловкам пишу.

Секретарь пояснил:

— Нужно писать не хвалебное, а правду.

— Правду?—вскрикнул Новокодексов.—Правду? Ну, уж извините, этого я не умею.

И он гордо вышел из редакции, хлопнув дверью. («Нов. Сол.» № 58).

Больное оживление вносили в газету всякого рода предложения и дискуссии, но и тут необходимо было сдерживающее начало, чтобы не давать разгула чрезмерному «пржекетерству». Так как всякий проект влек за собой наводнение ответов и споров, то итоги дискуссии иногда приходилось подводить редакционному архивариусу. В редакцию поступали самые разнообразные проекты, вплоть до проекта разведения на Соловках маралов для эксплуатации маральего рога. Появлялись даже узко-специальные дискуссии, правда, в довольно живой и популярной форме и в то же время чрезвычайно ожесточенные,— между соловецкими историками, например, о том, был ли соловецкий узник царь Симеон Бекбулатович казанским царем Едигер-Махметом или племянником второй жены Грозного, Марии Черкасской. Некоторые дальние предложения, возбуждавшиеся на страницах газеты, впоследствии находили свое осуществление, как, например, проект создания профтехникума. Самое широкое место было отведено дискуссии по вопросу о закрытии коллектива «своих».

Осенью 1926 г. в газете открывалась страница Кемги. Среди жителей Кемской окраины, не имевшей своей прессы и связанной с Соловками в экономическом отношении, соловецкая газета пользовалась большой популярностью, и они естественно тяготели к ней. О том, как относились к газете читатели-крестьяне северных деревень, можно судить по следующей заметке одного красноармейца-комсомольца, помещенной в день первой годовщины газеты 11 января 1926 года:

За год газета «Новые Соловки» прилекла внимание не только обитателей Соловецких островов и гор. Кемги, но и деревенского мужичка-крестьянина.

Мой отец пишет тысячу спасибо лишь за то, что я ему выпи-сал эту газету.

Крестьяне собираются со всей деревни и читают ее не потому, что она хорошо пишет, а потому, что у нее есть ряд особенностей, что в этом соловецком зеркале целиком и полностью вложена жизнь красноармейцев, вольнонаемных обывателей и заключенных.

Из газеты крестьянин ясно видит, какой стала при Советской власти Соловецкая тюрьма, какой она была раньше.

Крестьянин с удивлением видит, что Соловки покрыты не мраком темноты и пошлости, а что и там, на Соловках, живут люди, имеющие возможность получить знание.

Счастливого пути! остается пожелать газете.

Еще большего распространения среди широких масс во 2-ю годовщину своего существования!

Это лучший отзыв, которого могла ожидать соловецкая газета от читателей материка, и этим отзывом она вправе гордиться, быть может, больше чем хвалебными статьями, появившимися впоследствии в больших центральных и провинциальных городах, начиная от «Известий» и «Правды» до далекой «Советской Сибири».

Северная окраина бедна прессой. Если не считать «Красной Карелии», издававшейся в центре Карелии—Петрозаводске и Архангельской «Волны», «Новые Соловки» были единственной более или менее серьезной и популярной газетой на Севере. Из других северных газет издававшаяся в столице далекой Печоры, в селе Усть-Цильме, небольшая еженедельная газета «Печорская Правда» имела всего 182 подписчика и тираж 250 экземпляров, несмотря на то, что она единственная в обширном и довольно населенном районе. О Мурманской «Полярной Правде» корреспондент, недавно посетивший Мурманск, пишет: «Как ни странно, но в Мурманске ее никто не читает и, повидимому, никто не продает». Никаких других газет, кроме перечисленных, на всем огромном протяжении северной окраины нет.

Связь с Кемью поддерживалась соловецкой газетой при помощи постоянных или случайных корреспондентов из местных жителей. Раборцы и селькоры имелись в Кемь, в Калдалакше, Сороке и во многих селах Кемского уезда. В Кемь также периодически посылались специальные корреспонденты. В Кемском отделе освещались вопросы быта и истории края, северной деревни, кооперации, профсоюзной и школьной работы. По мере распространения хозяйственной деятельности лагерей на другие, более отдаленные места побережья, в газете помещалась информация о жизни Севера вообще, правда, не носившая регулярного характера.

Все это делало содержание газеты чрезвычайно пестрым и разнообразным. Приводим для примера содержание одного из номеров (№ 14 66 от 4 апреля 1926 г.).

- 1) Передовая об итогах неправительственно-трудовой политики лагеря.
- 2) К установлению воздушных сообщений на северных окраинах СССР.
- 3) Гидроплан прибыл (эфф. заметка).
- 4) Что такое Соловки? (заметка по поводу злоупотреблений местными терминами, непонятными для читателей на материке).
- 5) Газеты неправдомов.
- 6) Партвоспитание (о задачах местного партколлегиума).
- 7) Стальная птица (фельетонный очерк о прибытии гидроплана).
- 8) Соловецкий фельетон: «1 апреля».
- 9) Отдел «Партизаны»: а) К переизбору президиумов ячеек. б) Что пишут бывшие красноармейцы? в) Работа среди женщин.
- 10) Отдел «В нашем полку» (6 военкоровских заметок).
- 11) Клубная работа культбытком.

12) Электрификация Севера.—Белый уголь Карелии. 13) Отдел «Соловецкое хозяйство»: а) Еще возможность (по поводу предположения о постройке швейцарского завода). б) Профобучение. в) На производствах (хроника). г) Новая центрокухня. д) Моторная—сценка с натуры. е) Уголок кожзавода. 14) Совхозы и соловецкий сельхоз («подвальная» статья). 15) Отдел «Старина». 16) Отдел «Краеведение». 17) К любителям природы (о фенологических наблюдениях). 18) Соловецкие рифмы (стихотворный фельетон). 19) Лэро-фельетон. 20) В больничном халате (бытовой очерк). 21) Привет Биосаду (к годовщине существования). 22) Престол и келья.—Сквозь щель в соловецкое прошлое («подвальный» фельетон). 23) Отдел «Лагерный быт»: а) Магия слов. б) «Сорвалось». в) После номера. 24) Отдел «Окно о прошлое». 25) Похождения соловецкого репортера («подвальный» фельетон). 26) Отдел «Стена и экран». 27) Метеорологический бюллетень. 28) Почтовый ящик.

Радио-информация печаталась в газете только зимой 1924-25 года. В следующую зиму издавался в виде нерегулярного приложения к газете бюллетень «Радио-Соловки». Зимой 1927 г. он издавался ежедневно вплоть до весны, когда с открытием навигации и регулярным получением газет с материка, печатание бюллетеня теряет смысл.

Размер газеты—4, иногда 6 страниц, формат которых в первых номерах колеблется между 34x46 см. и 34x50 см. Первые 6 номеров печатались в три колонки, затем в четыре колонки. Начиная с № 43 от 25 октября 1926 г., газета печатается на полулистах бумаги королевского формата (72x108 см.), т. е. форматом страницы 36x54 см., при чем число

НОВЫЕ СОЛОВКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Заголовок газеты «Новые Соловки» (1926 г.).

колонок было увеличено до пяти. Заголовок печатался вначале деревянным клише, начиная с № 31 — металлическим клише, обычным афишным шрифтом. С начала 1926 года вводится заголовок того же шрифта, что и титульный лист журнала «Соловецкие Острова». С этого же времени газета быстро стала улучшаться технически. Большое внимание обращалось на верстку и заголовки. Последние давались, по преимуществу, однообразными, отчетливыми жирными шрифтами. В верстке соблюдался, по возможности, принцип параллельности и симметричности. Живости и удобочитаемости газеты способствовало также пропорциональное распределение материала по содержанию. Вся газета набиралась корпусом-медиавалем, и только фельетон первой страницы и клубно-театральная хроника — петитом. В большом количестве помещались фотопортреты, заменившие вырезанные на дереве или линолеуме угриховые иллюстрации первого года издания. Тираж газеты в первый же год вырос с 300 до 1200 экземпляров. Число постоянных подписчиков доходило до $\frac{2}{3}$ тиража, остальная часть распространялась путем розничной продажи в Соловках и на материке.

Издававшийся в виде приложения к газете в 1925 году листок «Соловецкий Безбожник» выходил нерегулярно. Это была крошечная газетка в 2 или 4 странички, размером 27x35 см., с рисунками, стихами, фельетонами и научно-популярными заметками. Темой их служили, главным образом, соловецкие монастырские анекдоты, предания, чудеса и т. д. Самый факт издания такого листка на месте бывшего могущественного монастыря имел большое агитационное значение. В том же году была сделана попытка издавать юмористический листок «Соловецкий Крокодил» того же формата, но это издание ограничилось одним номером в силу нездорового уклона, который имеет тюремный юмор.

С прекращением периодических изданий, издательская работа в Соловках сосредоточилась на печатании «Материалов» Соловецкого Общества Краеведения, которые выходят ежемесячно в количестве от одного до трех выпусков, содержащих от 40 до 350 страниц. Печатание «Материалов» явилось результатом выхода местной краеведческой работы на строго планированный путь*). Выпуск I «Материалов», первое издание которого разошлось полностью, вышел весной 1926 года в ознаменование первой годовщины Соловецкого Отделения Архангельского Общества Краеведения. В него вошел ряд статей, напечатанных ранее в журнале «Соловецкие Острова». Незадолго до этого вышла отдельным изданием брошюра Б. Глубоковского «49», в которой собраны бытовые наблюдения над уголовниками. Регулярный выпуск «Материалов» начался с 1927 года. Тираж большинства выпусков, в виду их узко-

*) См. «Соловецкая пресса на службе краеведения», Мат. СОАОК, вып. I, Изд. II.

специального характера — 250 экз. Все выпуски совершенно однообразны по формату и обложке.

Кроме «Материалов» СОК и радио-бюллетеня, в 1927 году была выпущена однодневная газета «Соловецкая печать», посвященная делу рабочей печати 5-го мая. Помимо этого, снабжается статьями экономического и краеведческого характера журнал «Карело-Мурманский Край», издаваемый в Ленинграде Совнаркомом Карелии и Правлением Мурманской ж. д.

Настоящий очерк будет далеко не полон, если в нем не будет отведено достаточное место одной из самых интересных областей лагерной печати — стенной печати. Стенные газеты издавались и издаются в каждом сколько-нибудь населенном пункте Соловецких лагерей — на островах Анзер, Болде, Муксольме, Заяшском, на лесозаготовках и на отдельных заводах. Их характерные названия: «Трудовой Кооп», «Красный Анзер», «Муравей» (Бремль), «Кустарь» (Муксольма), «Муксольмец», «Первые шаги» (женкорпус), «Наш труд» (лесозаготовки), «Красный кирпич» (кирпичный завод), «Галиция» (кожевенный завод), «На пересылке» (Кемский пересыльный пункт), «Наша жизнь» и т. д., и т. д.

Иногда занимая трехаршинные полотна, иногда уместаясь на копеечном листе писчей бумаги, они поражают нестротой и многочисленностью расцвеченных яркими красками самодельных рисунков — каррикатур и шаржей. Будучи сами по себе подлинным жизненным шаржем, явлением, нарушающим все грани между шаржем и действительностью, они дают богатейший этнологический материал, значение которого, может быть, недостаточно оценивается исследователями тюремного быта и психологии.

Стенгазеты — это не летопись лагерной жизни, но это подлинные человеческие документы, на страницах которых жизнь бьет ключом. И в этом отношении наибольший интерес представляют не гектографированные и печатные стенные газеты, а те, которые разрисовываются и пишутся руками самих заключенных. Здесь особенный разгул для своеобразного тюремного юмора, разгул тем больший, что по отношению к стенгазетам вообще ослабляются административные и редакционные требования.

Самое ценное и яркое качество стенгазет, это их экспрессивность. Каждая стенгазета имеет свою индивидуальность, свой особый характер. Одна с величавым спокойствием трактует где-нибудь на Болде о вопросах большой политики, видимо, нехотя отвлекаясь от них, чтобы снизить к местным жизненным мелочам. Другие — и таких боль-

шинство — представляют собой сыплющую вакханалию острот, стихов, карикатур, поводами для которых служат местные сплетни и малейшие происшествия вплоть до драки.

Состязанье в виде бокса
Было за кремлем.
Подрались еврей и Бобса,
Дело было в том...

Событие излагается во всех подробностях. Четверостишия перемежены раскрашенными рисунками, фиксирующими все этапы драки.

Но самую главную пиццу для юмора этого рода дают происшествия и анекдоты, связанные с половыми моментами. Повидимому, интерес к такому материалу приобретает особенную остроту в условиях мест заключения. Любопытные похождения, пикетчи, флирт — все это жадно подхватывается и высмеивается, иногда в форме безобидной шутки, иногда в форме доноса.

Одна из газет, например, занята следующей злобой дня: «Для женщин на всех спектаклях и кино отведены специальные скамейки». На рисунке с этим эпиграфом изображены мужчина и женщина на скамьях перед могильным крестом с надписью: «Здесь покоятся мыльные часы, проведенные Маней и Ваней в театре и кино рядышком». Рисунок в другой стенгазете изображает местных женщин с такой надписью: «Не будут утром чай пить, пока не покрасятся». Газета женкорпуса «Первые шаги» рассказывает с особым увлечением о зимнем катке, о неудавшихся свиданиях. Во всем этом чувствуется потенциальная жажда жизни.

Когда просматриваем эти заботливо раскрашенные листы, поневоле задаешься вопросом, не слишком ли много смеха и юмора.

Но важно и другое. Важно то, что в самых отдаленных медвежьих уголках Соловецких островов, всюду, где соберешься хотя бы небольшие контингенты заключенных, стенгазеты доказывают тягу к известной общественности. Как наглядная иллюстрация этого, перед нами крошечная стенгазета «Красный Амур», пропитанная терпким запахом многолюдных камер, написанная от руки на простой линованной бумаге, размером всего 71x48 см. Это — самая убогая и самая маленькая из соловецких стенгазет. Ее чрезвычайно характерное содержание может быть перечислено в нескольких словах: вслед за телеграммами о том, что делается в Италии, Румынии и прочих страдах, идет заметка «Лагерная жизнь»: «К сведению зав. сельхозом. Нам сообщают, что тов. С. величает некоторых своих сотрудников пауками. Так как он, по видимому, не знает отличительных признаков этой расы, то приводим описание из географии и помещаем две фотографии (наклеено два рисунка вырезанные, по видимому из учебника географии)... Мы надеемся,

заву ясно теперь стало, что его сотрудники ничего общего с паузасами не имеют». Далее идут три карикатуры, смысл двух из которых ясен, повидимому, только знающим местную жизнь. Третья, с надписью «Анзерские феи на прогулке», изображает местных женщин. Затем статья «Долой сквернословие» о том, что «за последнее время процветание матерщины у нас на Анзере идет усиленным темпом». Статья заканчивается словами: «Долой сквернословие! Да здравствуют исправляющиеся заключенные, ведущие борьбу с этим злом!». Это — все содержание стенгазеты.

Лучшие и наиболее здоровые по содержанию стенгазеты издавались на отдельных производственных предприятиях. Общественным началом в них является профессиональная спайка рабочих-заключенных предприятия. Среди соловецких стенгазет образцовой как по технике, так и по подбору содержания, следует признать газету кожевниного завода «Рапшиль». Она прекрасно сверстана на шесть колонок, оживлена разнообразными заголовками, рисунками, заставками и концовками, вырезками из печатных газет, преимущественно, из отдела «Новости науки». Все это без построты и крикливости. Скромный черный заголовок. Текст написан от руки печатными знаками. Единственный технический недостаток газеты — чрезмерно узкий формат: 72 см. в ширину при 132 см. в высоту. Содержание: производственная хроника предприятия, стихи и фельетоны на тему о недочетах местного розничного магазина, отдел «О чем пишут газеты», содержащий наиболее интересные выдержки из газетной хроники, хорошо сделанные карикатуры, несколько заметок на местные темы. Газета заканчивается полумстативным обращением от редакции: «Хотя редакция «Рапшиль» и читает, но, может быть, она проглядела. Может быть, у нас не хватает какого-нибудь полезного отдела. Может быть, у нас слишком много политики, может быть, ее слишком мало. Может быть, нет художественной критики или чего иного. Не слабоваты ли иллюстрации?.. Пишите, будируйте, объясняйтесь».

Трехлетний опыт периодической печати в таком разнородном по человеческому составу месте заключения, как Соловецкие лагеря, дает право сделать ряд выводов, которые, быть может, во многом расходятся с общепринятым взглядом большинства тюремных редакций.

Вряд ли нужно доказывать, что такая важная отрасль воспитательного воздействия, как печать, не может быть отдала без твердого и продуманного руководства в руки самих объектов этого воздействия. Абсурдность такого положения достаточно ясна.

Между тем, воспитательные органы большинства мест заключения, вместо того, чтобы давать направление своей печати, предоставляют

ей идти по естественному руслу, ограничиваясь общим наблюдением, относясь со снисходительным добродушием к ее недостаткам и считая воспитательную цель достигнутой одним лишь фактом существования печатного органа, в котором пишут заключенные.

Методы тюремной печати принято устанавливать, исходя из аналогии с рабкоровской и селькоровской прессой, тогда как задачи общественного воспитания дефективной среды тюремных обитателей требуют совершенно другого, тщательно продуманного подхода, всецело основанного на твердом и раз навсегда установленном плане.

Вопросы тюремной печати пока еще не разработаны пенитенциарной наукой, так же как не разрешен и не разработан другой основной вопрос, с которым они неразрывно связаны,—вопрос о тюремной общественности.

Тюремное воспитание—прежде всего, воспитание приудительное. Исходя из этого, нужно точно установить, что следует подразумевать под тюремной общественностью, какими формами она должна быть ограничена. Только в зависимости от этих форм может быть правильно поставлен вопрос о тюремной печати.

Разрешить его в этой плоскости—одна из ближайших задач современной советской пенитенциарии.

Мы надеемся, что соловецкая пресса приблизила этот вопрос к разрешению, и что ее опыт явится полезным вкладом в историю тюремной печати.

Соловецкая школа.

К. И. Троицкий и П. С. Калинин.

Настоящий очерк недолгой работы соловецкой школы для педагога дает очень мало.

Интерес очерка лежит в совершенно другой плоскости. Соловецкая школа — школа особенная. Здесь и учащие, и учащиеся, и сама администрация школы — все сами же заключенные. Вследствие этого очерк имеет почти исключительно криминологический интерес. С этой точки зрения он и должен рассматриваться.

На территории лагеря всего насчитывается 8 школ. Но наиболее типичной, наиболее широко поставившей свое дело, накопившей наибольший опыт, является школа кремлевская. Поэтому в дальнейшем изложении, чтобы не усложнять статью излишними подробностями, принят во внимание материал по работе исключительно только кремлевской школы.

Соловецкая кремлевская школа начала функционировать 2 января 1925 года. В первую очередь в нее вошли лишь неграмотные. В обучению малограмотных перешли несколько позже. Для них устроены были общеобразовательные курсы, с разделением учащихся на три группы. К группе «А» отнесены были нуждающиеся в укреплении навыков чтения и письма. К группе «Б» — более читающие и пишущие, но не знающие орфографии. К группе «В» — подготовленные к усвоению грамматики.

Кроме того, наряду со школьной работой, для неграмотных и малограмотных организован был ряд кружков высшего типа, в которых велись занятия по отдельным отраслям знания — по литературе, естественным наукам, сельск. хозяйству, математике, иностранным языкам и пр.

Не забыто было и профессиональное техническое образование. При школе были открыты курсы для рабочих различных предприятий, в целях повышения их общего развития и специальных навыков в области труда.

Приводимая здесь таблица дает представление о количестве и составе первого контингента учащихся кремлевской школы.

Таблица № 1.

Виды школьной работы.	Общее количество обучавшихся.		Социальный состав.		
	Мужчины	Женщины	Рабочие	Крестьяне	Прочие
1. Школа неграмотных	68	21	23	69	—
2. Общеобразовательные курсы (школа малограмотных)	74	7	26	47	8
3. Кружковая работа	219	—	60	130	29
4. Технические курсы	28	—	28	—	—
Всего	389	31	137	246	37

Из приведенной таблицы ясно видно, что с первых же шагов своего существования школа охватывает по преимуществу слои рабочих и крестьян.

Классы в школе были небольшие. Вмещали всего лишь по 18 человек. Поэтому в день приходилось пропускать по 3—4 группы. Учение начиналось с 17 часов и продолжалось за полночь. При таких внешних условиях успешные занятия возможны были лишь при безукоризненной точности учащихся. Только в этом случае каждая группа могла заниматься свои два часа.

Вследствии этого борьба с опозданиями среди неграмотных, как обязательно обучающихся, и с непосещениями малограмотных ведется с первого же дня. Предварительно применялись меры педагогического воздействия; лишь в крайних случаях, при явно зловещем манкировании, прибегали к дисциплинарным взысканиям.

Для проверки и учета посещений школы учащимися введены были контрольные книжки—сначала только для неграмотных, а затем ими же были снабжены и все малограмотные.

В целях воспринятия и облегчения учебы учащиеся пользовались некоторыми льготами: улучшенным довольствием, переводом на жительство в более удобное помещение и т. п. Администрация лагерей охотно в этих случаях шла навстречу. Официальные приказы неоднократно останавливают свое внимание на школьной работе, подчеркивая ее серьезность, ответственность и важность. Льготы, предоставляемые учащимся, отчасти и способствовали бесперебойной посещаемости ими школы.

Школьные отчеты свидетельствуют, что посещаемость выражалась в среднем в 85% во всех группах и классах. В некоторых группах посещаемость достигала почти полных 100%.

Для иллюстрации мы приводим таблицу посещаемости кремлевской школы за четыре месяца первого учебного года.

Таблица № 2. (В процентах).

Месяцы	Подгруппы неграмотн.					Классы малограмотн.					Средн. посещаем.	
	Женск. подгр.	I.	II.	III.	Средн. посещ. неграм.	Класс. а.	Класс. б ^а осн.	Класс. б ^б парал.	Класс. п.	Средн. посещ. малогра.	Неграм. за весь период обуч.	Малогра. за весь период обуч.
Январь	75	80	83	82	80	85	84	86	81	84	81	86
Февраль	81	84	86	84	83	85	85	90	83	86		
Март	82	84	86	85	84	86	85	90	84	85		
Апрель	82	86	88	90	86	90	86	88	87	87		

Цифры отчета школы за 1924-25 учебный год отмечают следующие причины непосещаемости: в неграмотных группах мужчины — задержка на работах 5%, заболевания — 3%, вызовы в разные учреждения во время занятий — 8%, по условиям независящим — 8%, отсутствие одежды — 2%, познание о начале и времени занятий — 5%, усталость — 5%, нежелание учиться — 4%. В двух женских группах — болезни 3%, задержки на работах — 9%, по условиям независящим — 3%, вызовы в разные учреждения — 4%, нежелание учиться — 1%.

№ 1. Татьяна учащихся.

Приведенные цифры показывают наглядно, что причины непосещения школы были, за немногими исключениями, уважительные.

Для занятий с неграмотными было отведено 6 часов в неделю, а всего, следовательно, за весь курс — 96 учебных часов. Распределение часов по предметам было следующее:

1. Русская грамота — 3 часа в неделю в течение первых 12 недель и 4 часа в неделю в течение последних четырех, а всего 52 часа.

2. Математическая грамота — 2 часа в неделю в течение первых 8 недель и 1 час в неделю в течение остальной половины учебного периода, а всего 24 часа.

3. Естествознание—1 час в неделю в течение первых 12 недель.

4. Обществоведение—1 час в неделю в течение последних 8 недель.

Указанное распределение предметных часов в течение всего курса исходило от требований, предъявляемых учащимся при проверке их знаний.

По русской грамоте нужно было уметь читать отчетливо текст любой книги; в письме—сплести с доски разборчиво написанную несложную фразу, записать под диктовку несколько коротких фраз и ответить на какой-либо простой вопрос письменно. По счислению—изображение и чтение многозначных чисел и, по возможности, ознакомление с четырьмя действиями, по крайней мере, с первыми двумя; метрические меры длины, веса и жидкостей. Знания по естествоведению, географии и обществоведению не проверялись, так как программы их рассчитывались не на основательное изучение, а на самое простейшее ознакомление с общими элементарными понятиями этих наук.

При обучении грамоте был принят за основу американский метод. Но в чистом виде его применение имело место лишь в одной группе. В выборе методических приемов преподавательский персонал руководствовался составом своего класса, его общим развитием и способностями. Трудные условия ликвидации неграмотности в местах заключения при обучении русской грамоте почти неизбежно заставляют прибегать к передаче каждой буквы, как изолированного звука. Поэтому в соловенской школьной практике американский метод не нашел широкого применения, подвергаясь изменению путем соединения с звуко-слагательными приемами.

В 1924-25 учебном году школа охватила 70% общего количества неграмотных и немного меньше—малограмотных.

Общеобразовательные курсы, именно три основных класса с параллельными отделениями, вели занятия во вторую смену. Во всех классах практиковалась предметная система.

Программа курсов была приспособлена к желанию большинства слушателей получить элементарные сведения по русскому языку и арифметике. Поэтому преподавание и сосредоточивалось преимущественно на этих уроках. Популяризация знаний по полниграмоте успешно проводилась специально назначаемыми преподавателями.

Необходимо отметить, что успешному выполнению намеченных программ в значительной степени мешала добровольная запись на курсы, чрезвычайно увеличивавшая непрерывную текучесть состава учащихся.

Период, в течение которого слушатели общеобразовательных курсов заканчивали программу, определялся в 6 месяцев. После этого устраивались поверочные испытания в знании русского языка и арифметики.

После окончания учебного года, 1 мая, произведен был первый выпуск из школы ликбеза наиболее преуспевающих учащихся. Для проверки знаний была создана особая комиссия. Экзаменовалось 30 мужчин и 12 женщин.

Первую пробу школа выдержала блестяще и вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Представленные к экзамену учащиеся в пределах проработанного учебного материала в большинстве дали весьма удовлетворительные результаты.

№ 2. Типы учащихся.

И в дальнейшем школа не оставляла своими заботами закончивших начальное обучение, учитывая, что, предоставленные самим себе, они быстро возвратятся к прежнему состоянию. За краткое пребывание в школе они смогли лишь немного выучиться медленному чтению отпечатанного текста и весьма слабому умению писать. Прерывать занятия при такой, слишком элементарной грамотности, конечно, нельзя. Вот почему только-что ликвидировавшие неграмотность привлекались по инициативе школы к продолжению учебных занятий путем перевода их на общеобразовательные курсы. Здесь в средние годы произведены были репетиции, в результате которых было установлено, что большинство учащихся основательно усвоили русский язык и математику, а, следовательно, могли быть переведены в соответствующие высшие классы.

В летнее время 1925 года школа продолжала работать обычным порядком, имея в виду не только тех, кто оставался еще в школе, но и новичков, прибывших с открытием навигации.

К началу нового учебного года кремлевская школа пополнилась новым кадром педагогических сил, значительным количеством учебников, учебных пособий и методических руководств.

Одним из серьезных препятствий, возникших с самого начала учебного сезона, явилась теснота помещений. Итоги распределения, поступивших в школу показали, что только из одних неграмотных образуется 6 подгрупп. Всего же с общеобразовательными курсами насчитывалось их до 10. Отказывать кому-либо в приеме школа считала безусловно неудобным по чисто педагогическим соображениям.

Разрешение вопроса было найдено скоро. Женские группы были выделены, образовав свою школу, и в августе месяце перешли за кремль — в женкорпус. Но контроль над занятиями и общее наблюдение остались в руках зав. кремлевской школой. Освободившееся место было занято мужскими подгруппами. Школа была нагружена до отказа. Но все же обслужить все население кремля, насчитывавшее одних неграмотных, по данным на 1 августа 1925 года, свыше 400 человек обоого пола, школа не могла.

К предстоящему учебному году школа позаботилась составлением учебного и ориентировочного планов, указывавших в подробностях распределение времени, про-

№ 3. Типы учащихся.

граммного материала и проч.

Возобновившиеся занятия протекали нормально. Внешние условия для этого сложились довольно благоприятно.

Социальный состав нового приема оказался преимущественно крестьянским с пониженным и отсталым общим умственным развитием. По национальным же признакам масса учащихся являлась далеко не однородной: русские, сравнительно в небольшом количестве, сливались с татарами и различными народностями Кавказа.

Наличие инородцев заставило подумать о выделении их в особую школу надзем. Провести в жизнь это начинание, за отсутствием специалиста-преподавателя, не представлялось возможным. Но мысль об организации школы подобного типа не была оставлена, с предположением осуществления ее в ближайшем будущем.

Преподавательская школьная работа в 1925-26 учебном году отличалась большей нагрузкой сравнительно с предыдущим: на руководителя группы, в среднем, приходилось 20 учебных часов в неделю, из них—до 15 часов с группами неграмотных.

Занятия с неграмотными заключенными производились 4 раза в неделю—в будни от 17 до 19 часов, а по воскресным дням от 19 до 21 часа; занятия же с малограмотными 3 раза в неделю—от 19 до 21 часа.

Все неграмотные заключенные были прикреплены в отделениях, в которых они находились и, без крайней необходимости, до окончания курса не перебрасывались из одного населенного пункта в другой.

№№ 4, 5. Тины учащихся.

Занятия с неграмотными и теми малограмотными, которым угрожал рецидив безграмотности, велось в обязательном порядке, непосещающих школу привлекали к ответственности.

Как неграмотные, так и малограмотные, обучающиеся в школах, не назначались на работы, совпадающие с часами их школьных занятий или следующие за окончанием последних без перерыва хотя бы в два часа.

Неграмотные заключенные в дни их школьных занятий не задерживались на работах позже 15 часов. Тех из них, которые работали на расстоянии одного километра от места их жительства, освобождали от работ с 14 часов.

Как неграмотных, так и малограмотных снабдили контрольными книжками для учета их посещаемости. Выработаны были также особые правила для более точного учета посещаемости.

Само собою разумеется, что школьная администрация в исключительных случаях, при упорном и злом отказе от посещения школы, прибегала и к суровым способам воздействия. Но всякий раз, когда приходилось предпринимать карательные меры, педагогическое совещание тщательно разбиралось и в личности учащегося и в причинах, побудивших его нарушить школьный порядок. Прежде всего совещание действовала гуманными мерами. Когда же другого выхода не находилось, виновный подвергался административному взысканию. Чрезвычайно редкие случаи применения дисциплинарного взыскания вносили сенсацию в спокойное течение школьной жизни, подвергались широкой огласке и заносились в приказы, читавшиеся во всех подразделениях лагерей.

Помещенные ниже таблицы характеризуют работу соловецкой школы. Приведены цифровые данные не только по кремлевской школе, но и по всем остальным.

Таблица № 3.

РАБОТА ШКОЛ ЛИКВЕЗА.

	Отделения						Всего
	I	II	III	IV	V	КПШ	
А. Число учащихся	15	6	1	2	4	2	30
Число учебных дней	152	17	32	40	68	56	371
Число учебных часов	670	31	76	80	136	112	1108
Число преподавателей отд. предметов	3	2	2	2	2	2	—
В. Успевающ. учен. (в проц.)	85	89	86	76	82	80	Сред. 83
Не успевающ. учен. (в проц.)	15	11	14	24	18	20	17
В. Окончившие школу	17	—	18	—	—	16	51
Выбывшие и откомандированные в др. Отд. (в проц.)	35	45	30	35	40	54	—
Г. Среди посещаемость (в проц.)	75	89	78	80	72	75	—

Таблица № 4.

СОСТАВ ШКОЛ ЛИКВЕЗА.

	Число учащихся по отд.						Всего
	I	II-IV	III	V	VI	КШП.	
К 1 декабря 1925 г.	133	81	22	30	17	20	312
К 1 января 1926 г.	131	100	21	26	84	24	392
К 1 февраля 1926 г.	165	—	21	—	83	25	294
К 1 марта 1926 г.	21	—	—	12	10	20	63
С 1 апреля по 30 сент.	63	—	—	—	—	—	63

Таблица № 5.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ.

	Число учащихся по отд.						Всего
	I	II-IV	III	V	VI	КШП.	
К 1 декабря 1925 г.	78	79	14	45	—	20	236
К 1 января 1926 г.	95	100	17	19	—	22	262
К 1 февраля 1926 г.	14	—	13	—	—	—	27
К 1 марта 1926 г.	12	—	—	—	—	—	12
С 1 апреля по 30 сент.	12	—	—	—	—	—	12

Таблица № 6.

РАБОТА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КУРСОВ.

	О т д е л е н и я						Всего
	I	II-IV	III	V	VI	КШП.	
А. Число учащихся	13	6	1	2	—	1	23
Число учебных дней	82	17	36	21	—	23	182
Число учебных часов	202	31	72	48	—	46	492
Число преподавателей отдельных предметов	3	2	2	2	—	2	—
Б. Число успевающих учеников (в проц.)	81	76	78	65	—	80	Средн. 63,5
Не успевающ. учив. (в проц.)	19	24	22	35	—	20	36,5
В. Окончивших школу	—	—	—	—	—	—	—
Выбывших и откоман. в др. отдел. (в проц.)	48	45	32	27	—	59	—
Г. Средняя посещаем. (в проц.)	76	64	92	71	—	81	—

Заметное уменьшение учащихся к февралю и марту месяцам объясняется перерывом занятий, с одной стороны, и переводом заключенных на лесозаготовительные работы, совпавшие с периодом обучения, — с другой.

Статистические данные о количестве неграмотных и малограмотных на 1-ое февраля 1926 года по отделениям лесозаготовок рисуются в следующем виде:

Таблица № 7.

Название командировок	Неграмотн.	Малограмотн.	Всего	Из них:	
				Крестьян	Рабочих
„Искрово“	0	18	27	26	1
„Валдай-Красное“	24	35	59	50	9
„Новая Сосновая, Овсянка“	24	28	52	45	6
Итого	57	81	138	122	16

Из приведенных статистических данных видно, что школа к третьему году своего существования значительно выросла. Она не только вместила в себя все возможное, но испытывала и значительную перегруженность. Во всяком случае она приобрела полностью права гражданства во всех уголках Соловецких Лагерьей, и пребывание заключенных без школы, где бы то ни было, стало немислимым.

Второй выпуск кремлевской школы (в феврале 1927 года), малый по количеству, но великолепно подготовленный, сопровождался особо торжественной обстановкой. Акт был устроен в зрительном зале кремлевского театра. С этого момента все праздничные выступления школы уже выносятся за пределы ее стен, становясь достоянием всего соловецкого населения.

Но, как уже сказано выше, не история школы, не объем программы, а самый объект воздействия — масса учащихся — является центром внимания настоящей статьи. В виду нестрогого состава учащихся и научной важности вопроса, наряду с обучением все время ведется изучение преступной массы путем наблюдения, опросов, ответов и анкет. Дальнейшее изложение дает сводку полученного опытного материала.

Только в Соловках наблюдается такое удивительное разнообразие учащихся. В одной и той же группе обучаются люди различные по на-

циональности, возрасту, условиям предыдущей жизни и т. н. По различным признакам так распределяются учащиеся:

ШКОЛА НЕГРАМОТНЫХ.

По ст. ст. У. К.

По 49 ст.	47,3 %
„ 75	10,5 „
„ 184	10,5 „
Соц. вредных	12,0 „
По 85	7,0 „
„ 97	5,0 „
По к.-р. ст. ст.	3,1 „
(4,3% по 66 ст.)	
По проч. ст. ст.	2,6 „

По возрасту

37 лет и старше	13,9 %
27—37 л.	32,2 „
20—27 „	40,0 „
20 л. и ниже	13,9 „

По социальному положению

Крестьян	79% „
Горожан	15 „
Рабочих	6 „
Жителей деревни	46 „
„ города	54 „

По национальности

Великоруссов	58% „
Кавказцев	8 „
Татар	7 „
Белоруссов	5 „
Украинцев	3 „
Цыган	3 „
Ингушей	2 „
Карел	2 „
Финнов	2 „
Проч.	10 „

При всем разнообразии индивидуальных особенностей каждого из учащихся той или иной группировки, всегда наблюдается определенная типичность в отношении к школьным занятиям.

Возрастные особенности. Старшие отличаются усидчивостью, кропотливостью, добросовестным отношением к делу, но меньшей одаренностью, меньшей быстротой сообразительности (моторные и сенсорные реакции замедлены), более слабой памятью, но зато меньшей утомляемостью и отвлекаемостью внимания.

Национальные особенности. Восточные народности (кавказцы, татары, ингуши) дисциплинированы, вежливы, чрезвычайно уворны в достижении цели, учатся с большим интересом. Но плохое знание языка и некоторая ограниченность, по сравнению с русскими, делает их малоуспевающими. Западные народности (поляки, финны и др.) справляются с обучением легче.

Особенности, определяющиеся статьей наказания. Осужденные по ст. 49 УК быстры, страстны, смекалисты, но не уворны, не систематичны, от занятий уклоняются. Занятия школьные им кажутся скучными, они предпочитают театральную, работу — эффектную, яркую. Читать любят книги богатые фабулой, авантурные; политические, хозяйственные и т. п. книги ненавидят.

По статьям 85, 76, 184 и 97 — в большинстве крестьяне из деревни. Практичны и трудолюбивы. В ученье прежде всего ищут практическую цель, любят сельско-хозяйственную литературу, охотно посещают школу, внимательны, хорошо успевают. Лучшие питаются, так как получают поддержку из дому.

Социально вредные. В большинстве дегенеративны, очень мало усешны.

Согласно анкетам, подавляющее большинство из учащихся — крестьяне и в то же время жители города больше. Это — крестьяне, порвавшие связь с деревней. Осужденные по 49 ст. УК, почти все — городские жители, хотя и крестьяне по социальному положению.

В общем, жители города более развиты, более экзальцивны (49 ст. УК).

Жители деревни внимательны, сосредоточены, уворны и ставят школе неграмотных узкую задачу: научиться читать и писать. Для них очень важно научиться самим писать письма.

Осужденные по 49 ст. посещают школу только потому, что их заставляют делать это, или от нечего делать. Но есть некоторая часть из них, которая учится всерьез, это — как бы очнувшиеся, отрезвившиеся. Эти весьма хорошо успевают и обещают выйти на путь труда, где они увидели свет и спасение.

В школе ликбеза обучаются три группы. Первая — инородцы, которые учатся по русски, вторая — не научившиеся грамоте по причине отсталости, третья — не научившиеся грамоте случайно.

Первая группа уворно и с трудом одолевает русский язык и усваивает элементы грамотности.

Вторая — безнадежно тупа, обещает дать рецидив. Учиться не желает.

Третья — с интересом, торопливо заверстывает упущенное. Усердны, аккуратны, хорошо посещают школу и успевают.

Школа малограмотных. Состав ее, применительно к статьям УЕ.

По 49 ст.	28,5%
Соц. вредн.	29
По 85 ст.	13
" 184	13
" 97	13
" 76	2,2
Проч. статьи	1

Школа малограмотных посещается добровольно. Здесь обучаются более одаренные, сознательные, устойчивые, ищущие знания и развития. Учащиеся в школах малограмотных ставят себе более широкие цели при обучении: интересуются математикой, естествознанием, политграфией, географией. Среди малограмотных производились массовые психологические испытания основных душевных способностей.

Вот результаты, выраженные в процентном отношении.

П а м я т ь:

На числа—36%, на конкретные представления—39% запоминаемости после одного раза чтения 12 слов или 12 чисел.

В о с п р и я т и е:

60% верного восприятия фигур после 10 секунд фиксации.

С у ж д е н и е:

64% правильного произведения противоположных понятий от 10 данных слов.

А с с о ц и а ц и я:

4 слова, поставленных в связь с данным (пример—погода).

В п и м а н и е:

92% безошибочно, без пропусков зачеркнутых букв в печатном тексте. Было дано: зачеркнуть «т» и «о».

Выводы: молодежь обладает лучшей памятью и восприятием. Более старший возраст—суждением и вниманием.

По сравнению с данными экспериментальной психологии, учащиеся школ малограмотных стоят ниже средних норм по памяти и выше по восприятию.

Характерными особенностями учащихся как школ неграмотных, так и малограмотных, являются: дисциплинированность во время урока, тишина, спокойствие, вежливое отношение к учителям—как положительные качества. Застенчивость, несмелость, флегматичность, инертность мысли—как отрицательные явления.

Вопросов задается учащимися мало. Несогласие с преподавателем и, тем более, оспаривание тех или иных выводов или положений почти не встречается. Оживленность—редкое явление. Смеха не наблюдается на уроке вовсе.

Соловецкий театр.

Борис Глубоковский.

Порядок в старых тюрьмах запрещал всякого рода игры и развлечения.

Порядок мертвых домов был режимом мертвецов.

Тщетно такой порядок устанавливался тюремной администрацией. Сила жизни была сильнее режима смерти. Но эта сила жизни являлась в уродливом, искаженном виде. Звериные забавы — «беласинная охота», «бега», «жук», «доктор» и тысяча других каторжных развлечений — вот, чем отвечала тюрьма на запрещение жить, на запрещение «хохота, разговора, брани и тому подобных поступков» и «вообще, всякого рода резвости». Только прекрасные тюремные песни — единственное здоровое выражение внутренних тяготений обитателей тюрьмы — были крепким отчаянием, приобретшим эстетическую форму.

Тюремный театр, — это звучит ныне далеко не так неожиданно, как десяток — другой лет назад. Всем памяты слова умиления, которыми рассказывает Достоевский о театре в «Мертвом доме», об изумительной шпессе «Кедрила обжора» и «Фялатва и Миропка — соверники», об актерах, которые «отпускали по театральному», об этих незабвенных Сироткине и Баклушине — первых тюремных актерах, имена которых остались в истории тюремного театра.

«И утвердительно скажу, что театр и благодарность за то, что его позволили, были причиной, что на праздниках не было ни одного серьезного беспорядка в остроге, ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства». В таких простых выражениях отмечает Достоевский великое воспитательное значение тюремного театра. («Записки из Мертвого дома»).

Мы имеем ныне в местах заключения оборудованные сцены, репертуар столичных «настоящих» театров, электрическое освещение и все административные предпосылки для того, чтобы театр развивался и рос.

Театр вытесняет из арестантского обихода звериные забавы прошлого, приобретая все большее и большее значение в воспитательно-просветительной деятельности наших мест заключения.

1927 год—год десятилетия советского театра.

Советский театр рожден революцией.

Мы наблюдали новый театр на подмостках новых академических театров, на скромных, наскоро сколоченных сценах прифронтовых красноармейских клубов, в суровых зданиях фабричных корпусов, в площадной суетне, мы присутствовали при рождении этого театра, прекрасного в своем невиданном многообразии и ослепительного в дерзновенном новаторстве.

Радостно сейчас оглянуться назад—сколько яркоюцветными переживаниями расцветивался в призме театра луч революции.

В этом году много прекрасных строк будет посвящено советскому театру.

Но не забудут ли «театр за решеткой», тюремный советский театр—примечательный факт, полный огромного значения?

И если забудут, то не потому ли, что «о тюрьме, как о бордавке, ничего хорошего не скажешь»? (М. Горький). Мы много писали о советской тюрьме.

Эти страдания мы уделяем одному из тюремных театров.

Можно ли говорить о соловецком театре, как об эстетическом факте, и интересно ли говорить об этом? Можно ли рецензировать соловецкий театр, как рецензируют столбичные или губериские театры.

Суть не в том, плох или хорош соловецкий театр. Суть не в том, хороши или плохи в нем актеры и режиссеры, не в том, стильны ли декорации или уместны конструкции. Суть в другом.

Соловецкий театр—театр островной, не только в прямом, но и в переносном смысле. Это театр, выросший в гуще совершенно особенных людей, в совершенно особенной обстановке. В соловецком театре нельзя говорить о труппе, как о чем-то сформированно-законченном, о направлении, диктуемом специальным художественным назначением. Но в нем можно увидеть нити крепкой социальной связи меж рамной и залом. А там, где есть социальная связь, где есть зритель, там есть и театр, где есть особенный зритель, там есть и особенный театр. И об этом особенном театре следует говорить не языком художественного критика, а языком общественника и социолога. Быть может, ни в одном театре изучение зрителя не даст таких значительных результатов, как изучение соловецкого зрителя.

Соловецкий зритель видит на сцене своеобразных актеров. Это не бритые важности, «попы от искусства» провинциальных центров и столичных «храмов искусства»—это те же проститутки и воры, растрат-

чки и контрабандисты, бандиты и контр-революционеры, которые плотную кучей уплотнились в зрительном зале. Они увлекаются игрой соловецких «Писки» из прачешных и соловецких «Плотней» из сапожной мастерской, они улыбаются Добчинскому—бордановнику с Рязанского вокзала, рукоплещут ширмачу в «благородной» роли графа и совсем в восторге от контр-революционера в роли героя революции а-ля «Сарду».

Соловецким зрителям люб контрреволюционный героизм и поэзия прилавка бульварных мелодрам, они любят пустозвонный смех салонных комедий, но они сдержанно-величаво переносят свой восторг. И они идут в театр отнюдь не за порцией добродетели. Отдаленность от городов, от столичного шума создает особый психический строй у этих урбанистически мыслящих людей. Их тяготит соловецкое однообразие. Их уши и глаза, мысли и чувствования изнывают от островной односторонности. И театр, создавая воображаемую жизнь, множа воображаемое чувствование, влечет их не как ценителей, оценивающих качество формы и воплощения, а влечет тем театральным инстинктом, вернее той волей к театру, которая, несомненно, одна обуславливает существование театра вообще.

Сущность театра, загадочная сущность театра обнажена в соловецком театре. Ибо он не прикрывается тогово мод, течений и школ. Он может быть слишком примитивен для этого. И в этой примитивности его значимость и несомненный интерес.

И уже сказал, соловецкий зритель идет в театр не с эстетическими, а с театральными запросами. Это может показаться тавтологией, и я попытаюсь изъясниться подробнее.

Театр—игра, театр—зрелище, театр—сотворчество. Вот, в чем пафос соловецкого театра. Соловецкий зритель—искушенный зритель, но в искусственности своей он полнее наивностью театрального дикаря. Он умеет театрализовать. Он видит «Кречинского», с которым стоял рядышком на поверке, а «Марья Антоновна» накануне спектакля, вчера еще мыла полы в канцелярии, и нужды нет, что они изо всех сил изображают «Марий Антоновн» и «Кречинских», и зрителю любя их сегодняшняя несамоделанность, праздничность, театральность. Вместе с актерами он, зритель, переживает их театральный образ. Воля к театру, театр—игра, театр в чистом виде явлен в спектаклях соловецкого театра. И это, несмотря на профессиональный вид, несмотря на продуманный репертуар. И бы сказал: вопреки всему этому. Да и какой интерес представила бы соловецкий театр, если бы он имел профессиональное губо-обличие?—крохотная цифра в огромном театральном плане СССР.

Посему не о качестве, а о характере соловецкого театра следует говорить, посему история соловецкого театра, это—история культурной жизни совсем особенных людей, посему кулисы соловецкого театра столь

же примечательны, как и зрительный зал, поему первые строки истории соловецкого театра мы начали с первоначальной характеристики его зала и кулис.

Соловецкий театр возник в 1923 году. Соловецкий беллетрист так описывает этот знаменательный факт.

«В этой опустошенной ризнице Преображенского собора в 1923 году ударил топор плотника. В храме, где незримо колыхались седины Зосимы и Савватия, внезапно выросли театральные подмостки. И 23 сентября 1923 года сотня угрюмых принудиловцев, перенормивших открывшийся театр, вивались в повеенкий лапавес с напштоу на пем смблемой будущей нашей весны — белой соловецкой чайкой».

Здание театра было еще неприветливо и угрюмо. Простые грубые скамейки стояли в зрительном зале. Зал театра насчитывал 250 мест. Особенно же переполнен он был в памятный день 23 сентября, на представлении пьесы «Сокровище» Мясникова. А после открытия вошли «Поруганный» Неважина и бессмертная «Лешиник подвел», «Зарево» Карпова и «Дядя Ваня» Чехова. Первой серьезной постановкой следует считать «Королевского брадобрея» Луначарского. Для этой постановки добросовестно писались декорации, шились костюмы из парчи и шелка соловецких блаженных.

Первые руководители театра были упорны, упрямы и горячи, но сил их хватало лишь настолько, чтобы положить фундамент соловецкому театру. Построить надежное театральное здание им было бы не по силам. При отсутствии актеров спектакли сводились со сверхчеловеческой энергией. И если в пьесе «На дне» изощрявшаяся режиссер за наименьшим исполнителем вымарал роль Алешки, то не поставим ему этого в вину.

Нельзя не отметить, что, несмотря на эти трудные условия, делались попытки перенести на соловецкие подмостки эксперименты Мейерхольда, Гапрова, да и, пожалуй, театрального Лефа вообще. К несчастью эти попытки не дали обязательных результатов, оставившие теми благими порывами, которым редко удается свершиться.

10-го августа в роли неварачного Расплюева в комедии Сухова-Кобылина «Свадьба Крепшеника», на соловецкой сцене впервые выступил профессиональный актер Борни. С этого момента соловецкий театр обрел тот стержень, тот твердый костяк, которого не хватало ему в первые дни его существования.

Театральная жизнь на Соловках начала принимать вполне организованную форму. Репертуар выполняется по определенному продуманному плану. При беглом взгляде на репертуар, легко увидеть, что ре-

пергуарный путь не был четок и достаточно определен. Приходилось сбиваться в грязню Рышковщины и Брыловщины, приходилось входить до фарса. Это объясняется отчасти тиготением к испытанному репертуару провинциальных театров, отчасти тем, что соловецкая театральная библиотека была очень бедна, и каталог ее случаен и нестр. У «корифеев» соловецкого театра был общий актерский недуг «сыграть» в выгодной пьесе, «блеснуть», поразить и сорвать хлопки, обнаруживая порой большую любовь к себе, чем к театру. Но эти обычные кулисные гримасы лишь изредка кривили лик соловецкого театра.

В 1925 году в соловецкий театр приехали новые профессиональные актеры. Один привез «дерзание» Камерного театра, тавровскую выучку, другой гибкое тело акробата, танцора и астраника. Были сделаны постановки, в которых осуществлялись до того времени не осуществленные в Соловках задания нового советского театра: «Поджигатели» Дунаевского, «Париж» Прокофьева (по Золя), концертные вечера с импровизированным джаз-бэндом. Новым веянием повеяло в театре. Руководители театра так «декларировали» о своей работе в одной из отчетных статей, помещенной в журнале «Соловецкие острова».

«Что должен делать Соловецкий театр, какие пьесы ставить, как ставить? Мы остановились на здоровой мелодраме, на бытовых пьесах, сатирических комедиях с оттенком общественной, на революционных пьесах и на новинках советского репертуара. Перечисленные ниже пьесы избавляют нас от необходимости говорить конкретнее. Теперь об интерпретации. Мы понимаем, что беспощадное экспериментаторство — не удел Соловецкого театра, и мы взяли в основу проверенные опытом реалистические методы современного театра, не забывая в ряде постановок и новейшие достижения театральной техники.

Таким образом, мы знакомим зрителя с современными пьесами, пьесами классическими, с новым и старым бытом и с эволюцией современных театральных форм.

Мы полагаем, что наш путь правильный, мы считаем, что эстетское болото не для соловецкого театра. Соловецкий театр должен быть на страже общественности. Его роль в этом аспекте еще значительней, еще знаменательней, еще серьезней в конц-лагере, чем в нормальных условиях».

Необходимо подчеркнуть одно очень важное обстоятельство в развитии соловецкого театра. В первоначальный период его существования актеры собирались для репетиций в вечерние часы, в свободное от других работ время. В сентябре месяце 1925 года из наиболее способных сценических работников была скомплектована театральная артель, члены которой несли обязательную работу исключительно в театре. Так был организован постоянный состав актеров и техперсонала. Театр

превратился в живую и деятельную студию. В театре стало возможно вести профобучение. Все это значительно повысило качество спектаклей и укрепило творческую работу театра.

Проглянем цифровые итоги этой работы:

С 1-го августа 1924 г. по 1-е мая 1926 г. дано:

Спектаклей—191, концертных вечеров—67, лекций—7, диспутов—6, кино-сеансов—19, карнавал—1.

Репертуар: классики—28, комедии старого репертуара—43, революционные пьесы, сатира, антирелигиозные и новый быт—69, спектакли миниатюр—49, украинские—12.

В числе спектаклей: «Свадьба Кречинского» (3*), «Весна без солнца» (2), «Не все коту масленица» (2); «Трагедия по неволе» (4), «Бедность не порок» (2), «Марат» (1), «Пегаш и Перламутр» (4), «Гибель надежды» (1), «На бойком месте» (2), «Губернатор» («Былое») (2), «Ревизор» (3), «Стенька Разин» (3), «Без вины виноватые» (2), «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем» (3), «Чужая» (2), «Две соперницы» (1), «Великий коммунар» (2), «Безбожник» (1), «Борис Годунов» (3), «Казенная квартира» (3), «Дети Ванюшина» (3), «Гроза» (4), «Подруги» (2), «Губернатор в подполье» (3), «На дне» (3), «Пробуждение» (3), «За далеким океаном» (4), «Сын четырех отцов» (2), «Рабочая слободка» (3), «Змейка» (3), «Трильби» (3), «Ольга» (1), «1881 год» (3), «Анна Кристи» (3), «Лес» (1), «Париж» (5), «Пеиша» (2), «Поджигатели» (3), «Землетрясение» (2), «Женитьба» (3), «Суд над Октябрьской революцией» (3), «Волчица души» (2), «Хорошо сшитый фрак» (2), «Идиот» (3), «Под звон колоколов» (2), «Новообращенный» (3), «Декабристы» (3), «Сатана» (2), «Три вора» (1), «Осиное гнездо» (1). Советские водевили: «Имениница», «Наложение», «Агитация» (4). Миниатюры: «Хамелеон», «Канитель», «Без ключа», «Ведьма», «Тихая пристань», «Диффамация», «Белая и черная кость», «Старики», «Пегая красавица», «Медведь», «Голодный Дон-жуан», «Неудача», «Школа этуалей» и др. Украинские спектакли: «Наталка Полтавка» (2), «Пазар Стодоля» (3), «Запорожский клад» (2), «Москаль чаривник» (2), «Майская ночь» (1), «Бувалящина» (3). Спектакли труппы полка: «Чертовщина» (2), «Красный Орленок» (3), «Сивольская комедия» (2), «Казнь коммунара» (1). Спектакли—вечера памяти В. И. Ленина (4), И. С. Никитина (1), Т. Г. Шевченко (1), Л. Н. Толстого (1). Спектакли коллективов «Хлам» и «Слоух».

Репетиций: спектакльных—476, концертных—270.

* Цифрами в скобках обозначено количество спектаклей.

Всего было выступлений—321, число посетителей (по 350 ч.)—112.350 ч.

В 1-му августа 1924 г. на территории Соллагерей было 3 сцены: 1) Кремль, 2) Конд-остров, и 3) Савватиево.

К 1-му мая 1926 г. имеется 9 сцен: 1) Кремль, 2) Полк, 3) Кирпичный завод, 4) Муксолма^{*)}, 5) Савватиево^{**)}, 6) Исаково^{**)}, 7) Сосновая толя^{**) (летняя), 8) Авзер^{*)} и 9) Конд-остров^{*)}.}

За 21 м—и труппа сделала 14 выездов из гастроль: в Савватиево—7 поездок, Муксолму—2, Сосновую толю—4, и Исаково—1.

В 1926 году, после нескольких месяцев перерыва, соловецкий театр переехал в новое прекрасно оборудованное здание с зрительным залом в 500 мест и большой вместительной сценой.

Ко дню открытия (27 июня 1926 г.) на сцене нового театра были только сукна, декорации из старого театра не подходили по размерам к новой сцене. Одной из первых постановок была оперетта «Граф Люксембург», первая оперетта на соловецкой сцене, с симфоническим оркестром и в новых декорациях упрощенного типа (комбинация сукон и вставок).

После этой постановки спорадически шли спектакли случайного любительского ансамбля, а затем театр закрылся, чтобы с вновь организованной театральной артелью открыться для планомерной работы. Открытие состоялось 3-го октября пьесой «Мандат», Эрмана.

С 1-го октября 1926 года по 1-ое сентября 1927 года дано: спектаклей—126, концертов—28, спорт-вечеров—2. Репетиций, спектакльных проведено 345 и репетиций концертов—95.

В числе спектаклей: «Без вины виноватые» (3), «Брат Наркома» (4), «В глухое царствование» (3), «Георгий Гапон» (3), «Два подростка» (4), «Доля» (3), «Доспехи славы» (3), «Когда заговорит сердце» (4), «Конец Романовых» (2), «Людмила Соболева» (4), «Маленькая шоколадница» (4), «Мандат» (3), «Мой солдатик» (4), «Мораль пани Дульской» (4), «На дне» (3), «Начало карьеры» (4), «Невинно осужденный» (5), «Недомеров» (4), «Недоросль» (3), «Нужная бумажка» (3), «Парижские вши» (4), «Повесть своей печали» (3), «Сто процентов» (3), «Суд над Октябрьской революцией» (2), «Таинная гарема» (5), «Темное пятно» (8), «Три вора» (1), «У моря» (3), «Учитель Бубус» (3), «Царевич Алексей» (2), «Черные вороны» (1), «Чужая» (2), «Штиль» (2), «История» (6), «Ид» (2), «Крестьяне» (1), «Питерский жених» (1), Украинские спектакли: «Назар Стодоля» (3), «Наймичка» (3).

*) Острова Соловецкого Архипелага.

**) Бывшие скиты на Большом Соловецком острове.

Всего 42 пьесы. Из них—классического репертуара—4, современных—15, комедий и мелодрам—20, украинских—2 и одна оперетка.

Всего выступлений—156, число посетителей—85800 человек (по 550 ч.). Платных спектаклей—87, бесплатных—69.

Постановки велись, главным образом, в реалистическом плане. Лишь в «Малдате» была попытка разработать буффонаду в плане современного балагана. В «100 процентах» было дано конструктивное оформление с движущимися лифтами и световыми рекламными. Пьеса «Доспехи славы» была сделана в манере Камерного театра с цветной сценической площадкой, разработанной в весьма упрощенном плане.

В этот «сезон» 1926-27 года театр работал совсем на профессиональный лад. Премьеры давались еженедельно. В театре шла усиленная студийная работа. Молодым актерам преподается грим, читаются лекции по истории и теории театра. Группа актеров в 15 человек достаточно сыгралась и являет собой крепко сплоченный коллектив. Очищается речь от дикционной грязи, приобретает уверенность в движениях. Некоторые актеры почти акробатически владеют своим телом.

За последние месяцы соловецкий театр перешел на систему платных спектаклей. Это может показаться странным в условиях концлагеря. Однако, строгий хозяйрасчет ко многому обязывает. Да и социальный состав лагерного населения облегчает хозяйрасчетную задачу. Лагерная «буржуазия» легко оплачивает театральные расходы (цены местам от 15 коп. до 1 рубля), лагерный «пролетариат» посещает спектакли бесплатно. Билеты распределяются по предприятиям, которые или премируют рабочих. Однако, на всех платных спектаклях существует так называемая «рабочая полоса». Билеты этой «полосы» распределяются среди заключенных бесплатно. На средства, получаемые от сборов, содержится семь «провинциальных» сцен, разбросанных по разным уголкам Соловецких островов.

В период 1926—27 года в театре народилась некоторая театральная культура. Театр окреп не только материально, но и технически. Театр вырос, как органическая культурная величина.

Жизнь в театре умирает на немногие часы ночного перерыва. Репетиции идут регулярно с 11 час. утра до 3 час. дня и с 8 час. веч. до 12 часов ночи, если нет особой «ударной нагрузки».

Не следует, разумеется, думать, что в соловецком театре, благодаря его необыкновенным условиям, не нужна никакая-то профессиональная дисциплина. Здесь нет союза, поэтому авторитет рабиса не имеет силы, но мы строим театр на своей лагерной, достаточно суровой дисциплине, ибо руководители театра твердо убеждены, что идеальная сцена,

№ 1. Типы соловецких актеров. (Роль «Квантри» в «На дне».)

№ 2. Типы соловецких актеров. (Роль «Настя» в «На дне»).

это — циферблат со всей его прекрасной, четкой и всепобеждающей точностью. Сколь бы ни были мы далеки от идеальной сцены, сколь скромно мы ни ценим себя, мы все же полагаем, что первоначальные принципы театра обязательны для всех театров без исключения.

Кулисы соловецкие различны от кулис профессиональных театров. Тут «актер» в ковычках, но эти ковычки отнюдь не укор. Что это за актеры? Какова их биография?

Они брошены в театр в условиях принудительного труда. Театр — их «каторжный труд». Над ними творится священное пасьянсе, приобщающее их к культурной жизни. Инженю — проститутка с Хитрова. В ее глазах блещет перочного беспокойства. У нее страшный жизненный путь, вехи которого — не лавры и венки, не пальмы и бубеты, а бутылки, кабацкие столики и комнатунки публичных домов.

Комическая старуха — почтенная генеральша. У нее в прошлом блеск фестивалей и заветы блестящих эпох. Она, согбенная, часами просиживает над истрепанной ролью, она учится в театре новой для нее трудовой жизни.

Любовник, не забывший черных дней, воровских удач и неудач, герой — спекулянт с московской Ильинки, негодяющий галантерейными манерами захудалого бульвардье, комик с рыночной грустью в беспорочных мануфактурных глазах. Что это за липедей, что за исполнители репертуара наместничьих театров, что это за дераатели, говорящие о Меерхольде, Таирове, осуждающие Станиславского, апологизирующие новый советский театр или печалившиеся о старом, Рышковско-Крыловском житье-бытье?

Один из соловецких актеров, привычный обитатель неправдомов, в своих весьма любопытных «театральных воспоминаниях» так описывает учебные часы своей театральной деятельности:

Я счастлив; я имею роль в пьесе „Бедность не порок“. Целыми днями я лежу на крыше помойки и учу свою роль. Проклятые мухи облепляют меня с ног до головок, но я на них не сержусь, потому что никто не мешает из заключенных. Зловоние помойки, кроме мух, никого не подлускает даже близко. Но мне это даже приятно, ведь я учу роль и скоро буду ее исполнять со сцены. Прости, читатель, я ее не исполнял, мои гастроли гонят меня в уездный город, Каргополь Вологодской губернии. Я заключенный и должен подчиняться администрации, не оценившей моего желания быть участником сцены Вологодского исправдома.

Эта помойка, эти мухи и прекрасная радость — сколько в этом трогательной любви к театру. Здесь незабвенные Сироткин и Балудкин протягивают руку современному шланенку Чекмазе. Этот своеобраз-

ный культурный деятель современной тюрьмы—весьма цельная и выпуклая личность. Вор и пьяница на «воде», человек, впитавший в себя все прелести уголовной этики, попав в тюрьму, начинает жить активной культурной жизнью. Он и драматург и режиссер. Небезынтересно познакомиться с его драматическим творчеством. Лучшее всего он это делает сам:

От начальника исправдома я узнаю, что и здесь есть театр. Я попросил посмотреть, и меня провели на второй этаж. Бывшая церковь служит театром, алтарь за сцену. Это хорошо.—выразил я начальнику. Да,—ответил он,—я очень доволен, что с прибытием московичей наш театр оживет. Работу театра наладили быстро. Поставили „Хирургию“, „Канитель“ Чехова, „Шемякин суд“. Начальник оказался виртуоз-балалаечник, и работа закипела в маленьком исправдоме при наличии 60 заключенных. Клич помощи голодающих Поволжья долетел до слуха нашего исправдома, и мы откликнулись на него. Мы поставили одноактовую пьесу в стихах, написанную мной для вольной публики за плату. Вот характер пьесы. Она сильна и призывна. Деревенская хата. В хламье на постели лежит 10-ти летний мальчик. За столом сидит мать ребенка. Отец одевается, собирается уходить. Жена его уговаривает не ходить. Я приведу частицу отрывков:

Куда ты пойдешь голодный, усталый?

Одну оставляешь меня.

Ты не пойдешь. С кем останется малый?

И ничуть не жалеешь себя.

Он говорит, что идет в помгол. За его отсутствием приходит сосед. Он поясняет соседке о страхе голодной смерти его семьи. Хозяин дома возвращается ни с чем. Уткнув голову в ноги ребенка, он, рыдая, ругает себя за участь ребенка. Сосед, хватаясь за горло, хрипло прося хлеба, умирает. Хозяин дома подходит к нему и в публику читает:

Здесь ему будет и гроб и могила,

Слезь никто не прольет.

Смерть и на нас свою косу точила

И скоро за нами придет...

Его обрывает выкрик жены. Умер ребенок. Он подбегает к постели, приподымает ребенка, смотрит в его окаменелые глаза. Жена в истерике. Он, долго не приходя в себя, сидит, за столом, потом встает и читает в публику:

Люди взгляните на мертвые трупы

Смертью голодной почивших,

На неимущих засушного хлеба,

Страшные муки влачивших.

И заканчивает словами:

Хлеба, спасители, хлеба!

Тяжесть мучений поймите!

Именем братьев, именем неба

Поволжье спасти помогите!

Как автор, роль хозяина исполнял я. Сбор с билетов вышел значителен, но когда я увидел, что публика наполнена полнейшего сочувствия инсценировке, я, не долго думая, вышел из-за занавеса и с шапкой обошел по зрителям. Получился колоссальный сбор, который целиком был сдан в местный помгол.

В Соловецком театре Чекмаза ведет рядовую актерскую работу.

Отметим и другого соловецкого актера Бедрута. Этот уголовник не из «беспризорных» с Хитрова, а из «приличной гостиной», весьма «приличной» адвокатской семьи. В уголовный мир его толкнула жажда приключений и оцуплений. Бедрут — блестящий продукт дешевого эстетства и довоенного вульгарно-декадентского пошиба. Он лосит свой профиль, словно весь он из сакса, он позер до мозга своих костей. В нем есть известная культурная нагрузка, обульваренная пошлою прожитой жизнью. Актер жизненной лозы — играющий роль шпаненка на декадентских дрожжах. Он ходулен, чопорен и фальшив. Ему далеко до чекмазовской весьма червоточной непосредственности. В типологической классификации он занимает совсем особенное место. Н. Н. Евреинов с его теорией «театр для себя» нашел бы тут благодарный материал.

Не обойдешь молчанием одну из женщин труппы соловецкого театра. До тюрьмы — матерая проститутка, обитательница Хитровки, кокаинистка. Малограмотна. Не полных 30 лет. Начала она с выхода в толпе. А через два года она играла «Настьку» в «Мандате» и «Ефросинью» в «Царевиче Алексее». Что сказать об остальных? Эти актеры — экземпляры криминологических лабораторий, образцы разнообразных бытовых оттенков. Кто знает, что возьмут они из соловецких кулис? Профессиональные навыки, закаленность в сценической дисциплине или новые психические навыки, новые культурные запросы, что куда значительнее и важнее. Только длительная анкетная разработка, изучение истории развития тюремного советского театра, сможет достаточно убедительно показать значение и роль театра в нашей пенитенциарной политике.

Соловецкого зрителя можно разделить на 3 группы:

1) Контр-революционеры всех оттенков. Люди с прошлым. В прошлом — блестящие залы Мариинского или Большого театра, петербургские премьеры, визиты за кулисы, цветы и подношения примадоннам и дивам, если не столичного, то, во всяком случае, губернского обаяния. Им знакомы уютные спектакли «Музыкальной драмы», они «участвовали» в «классических» любительских спектаклях Б. Р. на мотив «Цари Иудейского», они меценатствовали и кормили актеров и актрис ужинами, по ночам подпевали *disques* из варьете и, конечно, не забыли прелести Монмартра. Культурен ли этот зритель? Да, если культура намеряется

чистотой манер и добротачественностью довоенных дипломов. Что нужно этому зрителю в соловецком театре? Он идет туда, «зная штучку», но держась черни», но прекрасному выражению Третьяковского. Нет нужды, что он высокомерен, неискренен и чопорен. Лагерь для него слишком суровая школа. На этот раз он «держится черни» вопреки своим привычкам. Он морщится от трескучести революционных пьес, он кривит безразличную гримасу при виде советской комедии («знает штучку»). Он хочет «старого доброго» репертуара. Формула «назад к Островскому» приобретает в его устах специфический и яркий смысл. Он реагирует на слезливую мелодраму французских буржуа с их добродетельною чепухой и поправным пороком. В театре он хочет забыться, во что бы то ни стало. Театр — парвоз, ларец воспоминаний, «творимая легенда», пусть лживо и грубо подымаемая, пусть нескладно сказанная, но легенда. И такой театр люб этому зрителю в годы сурового лагерного житья.

2) Группа советских изначей. Они увлечены распрекрасней пуганциальной, они в восторге от фарса, они жаждут живот раздражающей комедии. Их любовь — вульгарная оперетка, их страсть — эстрада ресторанов и кабаков, это они потребители шнеерзонных мотивов и поэзии салонных куплетов самого последнего выпуска. Этот зритель примитивен и груб. Он в театре привык развлекаться, и отучаться от своих привычек он совсем не хочет в соловецком театре. Он приходит в театр со своими определенными требованиями, он высккивает в тексте пьес потребные ему словечки и двухсмыслия, он перекраивает по своему драматическое действие и, если видит на сцене желанное, гогочет довольным смехом. Он доволен. Он развлекается.

3) Соловецкая шпана, обожательница чечеток под цыганскую венгерку, с ума сходящая от злободневных куплетов, очень близкая ко второй группе, столь же невзыскательная, но уж не с ресторанным, а с шивным ароматом. На этой группе мы остановимся подробнее, когда будем говорить о коллективе так называемых «своих».

В заключение о группе зрителей, которые, хотя и принадлежат, формально, к какой-нибудь из перечисленных групп, но чужды им по вкусам, стремлениям и всему своему психическому облику. Это — здоровая театральная группа, которая крепко связана с театром социальной связью, которая борется в зрительном зале с подавляющей силой менеджмента, которая нередко переносит рампу для участия в спектаклях. В эту группу вливаются те, на которых сказывается работа соловецкого театра.

Необходимо сказать несколько слов об одной из незаметных заслуг лагерного театра, которая недоступна невооруженному глазу, почему ее не замечают и недооценивают.

Соловецкая администрация отмечает один весьма интересный факт. В зимние месяцы, когда заключенные варятся в собственном соку мелких противоречивых желаний, узко-захолустных чувств, в это зимнее время в среде заключенных рождается скука.

Люди начинают ненавидеть друг друга за однообразие бытия. Труд недостаточно отвлекает их от этого систематического обмелчивания. Проясняя графику «сключных дел», констатируем повышение количества таковых в период закрытия театра¹⁾. Проверено путем опросов и наблюдений, некоторого психологического изучения «сключных дел», что театр играет немаловажную роль, отвлекая заключенных в новое культурное русло. О влиянии театра на досужие занятия арестантов говорить не приходится. Досужая соловецкая скука значительно вреднее обычной арестантской скуки неправдомов. Физическая и духовная оторванность от материка сильно подчеркнута. Почва для картежа, покатоша, гауирования и прочих арестантских игр и забав—прекрасная. Театр незаметно, но мощно втягивает арестантов в круг культурных интересов.

Но вернемся к зрителю.

В этой постагитической тоске, осложненной северной психической нагрузкой прошлого, в этой безысходности, месячное сердце стремится бежать от «сеи необходимой скорби», они бежали от этой скорби в туман вина и в тягостную радость кокаина. Здесь они хотят бежать от настоящего в прошлое, а в прошлом—к лучшему, и кто виноват, что прошлое крепко ограничено «соп-паца» или «цыганской венгеркой», личницей Рышкова или мармеладом Ростана²⁾.

Театральная жизнь соловецкая не только в зрительном зале, кулисах и фойе. Она гнездится в камерах-комнатушках, где неистовые соловецкие новаторы обсуждают горячо и страстно громоздкие, громозвучные театральные проекты, будоражат заслуживших обывателей. От страстных прений, невероятных дискуссий, дебатов рождается вне театра театральная группа. Со своей декларацией, со своим уставом.

Трудолюбивый и скромный соловецкий театр объявляется „Аком“, образуется „левый фронт“, толкуют о гибели драмы и о торжестве нового вида театрального искусства. Образуется коллектив не в театре, а около театра.

¹⁾ Сравн.—„Мертвый Дом“—в действии театра на арестантов. Стр. 179.

²⁾ В главе о зрителях, по весьма понятной причине, автор не коснулся зрителей—красноармейцев местного гарнизона, коих также обмелчивает сол. театр—средняя месячная посещаемость: 1950.

Название „новаторы“ выдумали для коллектива не новое: „Хлам“ (художники, литераторы, артисты, музыканты). Состав пестрый. Тут и каэр—преподаватель высшей школы, и чешкет с балломонтовской лирикой в глазах и „громовыпящим кубком“ Северянина в кармане потертого френча, и книжно-лирический поэт—белый офицер в прошлом, совкапцедарист в настоящем, и ленинградский проходимец. Все любители муз, не все любимцы муз.

Я опять обращаюсь к соловецкому беллетристу—эротическому лирику Н. Литвину:

„Узнали в лагере о том, что рядом с почтенными сединами „большого“ соловецкого театра появилось какое-то таинственное облако в штанах, которое по вечерам меж озадаченных булис рассыпается на репетициях смехом веселых песен и дробью соловецких каламбуров“.

Это было в зиму 1925 года. „Хлам“ был первым создателем соловецкого репертуара. „Хлам“ первый с соловецкой сцены бросил в зрительный зал блестящую соловецкую сатиру, уменки злобы дня.

Песенки «Хлама», его сатирические куплеты, распевались с увлечением в ротах Соловецких лагерей:

Занесет нас зимою мятель
И запрячет на полгода в щель,
И не знают совсем Соловки
Ни забот, ни тревог, ни тоски.

Припев:

Хорошо из дали соловецкой
В мир глядеть с улыбкою нам детской,
И куда ты ни помотришь там и тут
Песенки веселые поют.

От метелей морозных и вьюг
Мы, как чайки, вернемся на юг,
И сверкнут позади огоньки—
Соловки, Соловки, Соловки.

(Припев).

И когда-нибудь тихой зимой
Мы сберемся веселой толпой,
И беззлобно начнут старики
Вспоминать Соловки, Соловки.

(Припев).

„Хламовский“ репертуар, это — злободневная сатира и лирика совсем недурного театра миниатюр. Конечно, репертуар этот не образец калхли-либо творческих дерзаний, конечно, творческая форма „Хлама“—это, самое большое, „Летучая мысль“ Башневского толка и довоенного княжеского размаха, но все же свежестью молодого задора, неувыдающей жизнью ведало в островном соловецком театре от хора заключенных, дружно подтягивающих частушечный, папев.

То не радио-параша
И не грамофон,
То поет, ловяши кашу,
Наш веселый „Слон“.

Самые кушеты нет нужды цитировать. В них микроскопические фактики давно убежавшей лагерной злобы дня. Но вместе с тем, в них сквозит жизнь, незамороженная полярными льдами; здесь зачатки общности, здесь не апатизм, а великодушная в тюремных условиях живучесть.

Разыгрывались и пьески, крохотные соловецкие revues, с соловецкими горестями, с гримасами и «маленькими недостатками механизма». В этих revues фигурируют и классический Ивалов Павел, и ударник, и врач, и три монаха, и дневальная, и три матроса с арестантского парохода, и 49 статья. Незабвенный, незаменимый гость театров миниатюр, „хор братьев Зайцевых“ здесь распевал знаменитую „маму“ на соловецкий лад.

На море океане
Течет чудная речка.
Скажу я вам по благу,
Что до Москвы далечко.
Есть остров в океане,
На нем бы жить нам с вами,
И остров этот самый
Зовется Соловками.

Коллектив «Хлам» скользнул по соловецкой рампе и растворился бесследно в быстро текущей пестрой соловецкой толпе. Он стихийно создавался, работал несистематически и распылялся очень скоро. Хлам ничем не помог делу создания соловецкого театра, но Хлам всколыхнул соловецких театралов, и в этом его несомненная заслуга. Почину Хлама позавидовали. Всколыхнулись доселе невиданные театралы. Они захотели явить соловецкому миру свои лица, захотели самоутвердиться и однажды вышли на соловецкую сцену и заняли сотней ртов:

Мы Хламу не уважим
И вот ему докажем.

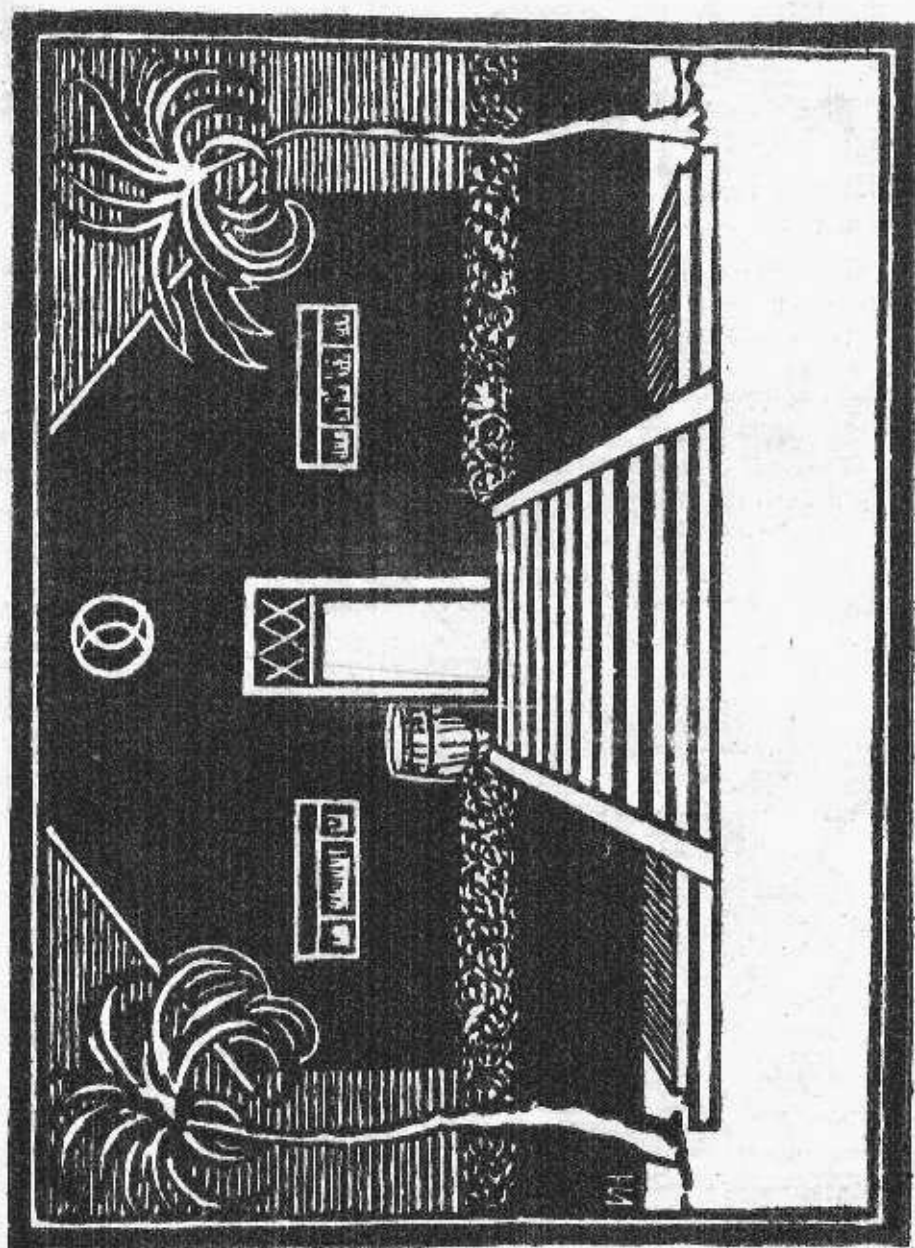
И стали доказывать.

«1925 г. 22 февраля из уголовных организованся коллектив «Своих». Был дан первый вечер тюремных песен, и некоторые из песен были инсценированы». Что это было за новое театральное объединение? Соловецкая общность восторженно приняла этот коллектив, членами которого принимались лица с беспорочным уголовным прошлым. Некоторые зарвавшиеся общественники провозгласили коллектив... пролетарским. Коллектив начал свою деятельность. Застукала безудержная чечетка, запыла беспардонная дыганская венгерка, зазвучала сатира Своих. Меньше чем

на международном положении не могли помириться эти разудалые „ширмачи“, „берданчики“ и „тихунишки“. В первой программе (6-го июня 1925 г.) значилось: международное положение, внутреннее положение, инсценировка, посвященная МОПР, — „У ворот творческих“, дуэты, куплеты и т. д.

Стоит ли оценивать эти театральные выступления? Конечно, от „Кедрилы-обжары“ Мертвого Дома они ушли на большую дистанцию, но эти куплетники, приведенные вместе с дымом-дешевых, ходких ванн-роэ из душистых волющих пивных, этот однообразно-деревянный, вульгарно-четкий, как нуль пьяницы, ритм чечетки и цыганского пляса, этот пошловатый смехок лямадрипы, эта словесная каша никому не нужного смехопыхательства и издевки — об этом ли рассказывать, это ли рецензировать? Здесь ли подбирать критерии? Конечно, Мельпомена Своих создана по их образу и подобию. Своя Мельпомена преобразилась. Таинственный заков мимикрии обязательен и для этой богини. И Мельпомена Своих — не расфранченная богиня, а живая девка с задором расущих уст. Эта Мельпомена — примечательное явление и заслуживает сугубого внимания. Темными зимними вечерами в соловецком театре собирались странные люди. Они горлачили песни, выкрикивали куплеты, сочиняли шесмы, режиссировали, линедействовали, театральничали. Это собиралась уголовная, мелкая соловецкая инана с твердым и дерзостным желанием создать собственный театр. Они напряженно, настойчиво работали над „своею собственною“ программой. Когда я глядел в эту пеструю толпу необыкновенных соловецких театралов, я запомнил немногих, отмеченных печатью оригинальности. Мне вспоминается куплетист Папин, любящий соловецкого райка. Он с трогательным рабством копирует всамодельных куплетистов, он подражает расхлябанной развязности и разухабистости этих служителей пивной музы. Что делать! Судьба держала Папина в ежовых рукавицах. Если б годы, проведенные в притонах и неправдомах, он потратил бы на более достойное времяпровождение, быть может, из него бы вышел толк. А кто знает — может быть, и выйдет. Папин — яркий представитель коллектива Своих и яркий образец, живой человеческий документ того, как инанский быт затаптыгает и калечит молодые жизни и дарования. В неизменном, непременно красном галетуке и лихо заломленной кепи, он выходит под громкие браво на соловецкие подмостки и выпевает свои куплеты по измятой бумажке — плоды соловецкого вдохновения. Быт, отраженный в сатире Своих — быт концлагеря — быт, не блещущий разнообразием. Протагивают одногласно зявов, заюв и начей. Поднимают на смех перастронного товарища, понавистерся в каком нибудь простушке, хлестанут по ценам розмагазина.

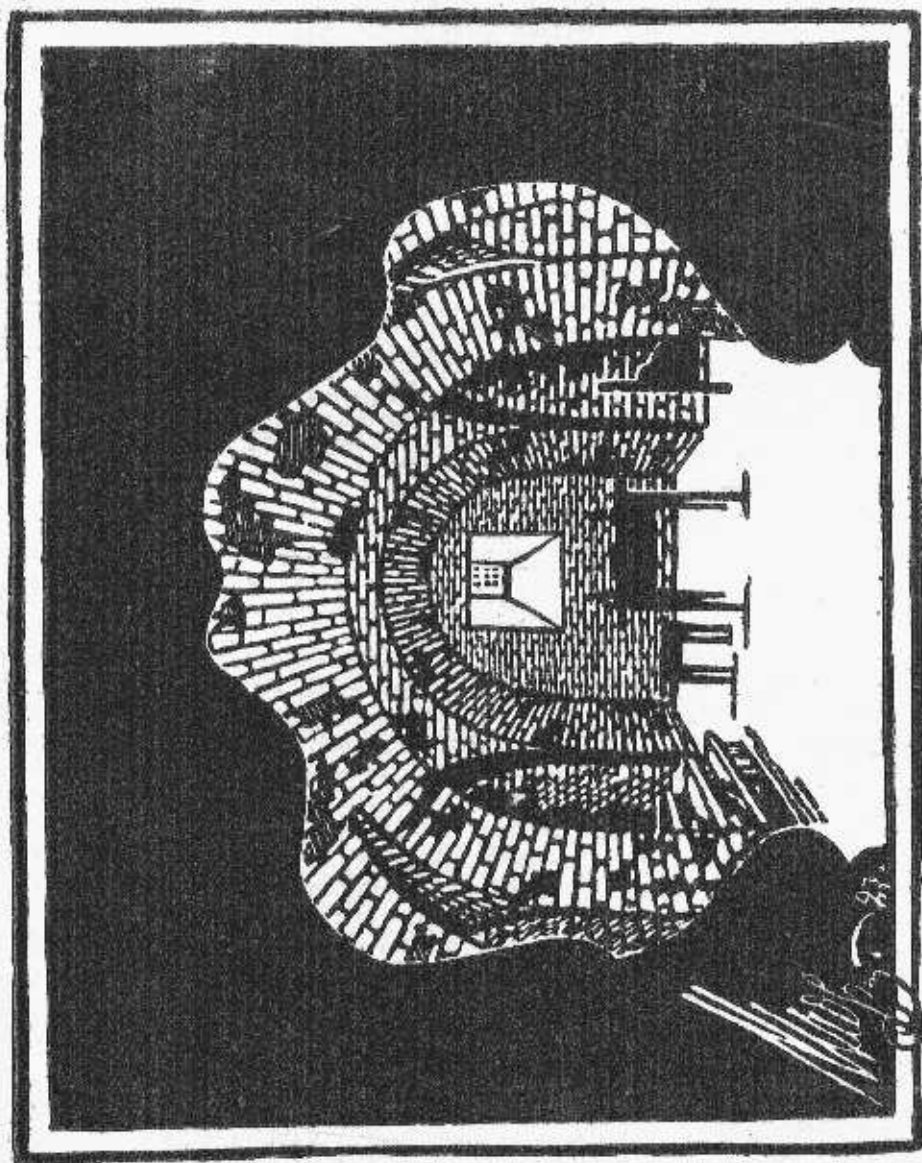
Среди Своих есть и драматурги. Они шатаются в драматической

Ж 3. Поезд, Деспелли селения Ю. Юрьева.

№ 4. «Царевич Алексей» Д. С. Мерзляковского. Бартица 2-я.

№ 5. «Царевич Алексей» Д. С. Морозовского. Барт. 7-я. (Рисован.)

форме поведать о своих злоключениях и бедствиях и всюду, везде кокетничают романтическими дохмотьями Хитрова рынка.

За что все зора презирают,
 Что он толкнут своей судьбой
 На путь позора преступленья,—
 Выпадает человек не сопадает с собой.
 И часто с распростертыми руками
 Стоял, кого-то он просил
 В то время, как все люди веселились,
 А он бедняга слезы лил.
 Просил он не о том,
 Чтоб быть ему богатым,
 Просил он не о том,
 Чтоб жил он во дворцах.
 Хотел сойти с дороги этой грязной
 И этого просил он во слезах.
 И часто он по улице холодной,
 Он шел работы отыскать.
 Ответ ему один лишь был на это:
 Ведь ты судим, не сможем тебя взять.

Эти „прокиновенные слова“, произнесенные со старомодным пафосом, трагуют до слез, и автора-куплетиста награждают громкими аплодисментами. Его сменяет лирический певец, исполняющий песенку о Маргарите, в которой певец рассказывает нам о „разнесчастной“ любви своей и рисует нам образ «прекрасной дамы» шансового образца.

Поллюбил всей душой Маргариту,
 Все капризы ее исполнял.
 А она распевала романсы.
 Ими душу свою заполнял.
 Покупал я ей все, что ни спросит,
 Если это не сверх моих сил:
 С бриллиантами кольца, браслеты,
 В честь любви это ей приносил.
 Вот однажды она попросила
 Что-то вроде волшебственных грез,
 Чтоб кулил для нее диадему
 Из алмаза и жемчуга слез.
 Хотя стоит она крупных денег,
 Маргарите не мог отказать.
 У отца просил денег, он не дал
 И решился идти воровать.
 Теперь каждый меня презирает,
 Как и раньше меня всяк любил—
 За девицу-красу Маргариту
 Свою юность в тюрьме загубил.

На театре Свои очень любит драматизироваться в плащ неудачной любви. Их пьесы, куплеты, лирические песенки прокинуты этой „трагедией“ любви, совратившей автора с пути честной жизни.

Передо мною тетрадь начинающего драматурга. Вот что он пишет „в виде предисловия“ к одному из своих произведений:

Действие происходит в 1918—20 г.г. в провинции, в пригородной деревушке. Герой пьесы—молодой, красивый, лет 17—18 человек. Богатырски сложенный, работающий на заводе слесарем, имеющий на своем иждивении мать и сестру. Отец на фронте. Работая на заводе и дома, он старался, чтоб семья не голодала, он ни о чем (худом, вероятно, Б. Г.) не думал, был ярким врагом кулаков и поклонником нового строя Соввласти. Но увлечение красивой и богатой девушкой и случайное влияние неизвестных товарищей вовлекло его в разные темные дела, результатом которых был обыск и арест за кражу.

Герой инвасной романтики новой формации налицо. Тут и Маргарита, и все мотивы, все погудки на тот же лад.

Однако через чад этой дурной романтики звучат здоровые слова:

За культом школы, лекции и клуба
Музей, читальни, ремесла ученье,
Общественностью увлеченье,
Грызут науку наши зубы,
Нас жизни путь само-исправление.

Это об „острове трудолюбия“, об острове Соловецком.

И не останавливаю внимания читателя на этих специально соловецких агитках. Это агитки, как агитки. В них спокойное самодовольство, обычный ура-патриотизм. Они, конечно, не скрывают истинной души, интеллигентского театра, и нужно быть очень осторожным, вступиваясь в их наиболее вышние уверения.

Но вот кончают петь куплетисты, убрали декорации агитков и лубков—на сцене пестрая толпа соловецкого сброда и звучит арестантская заунывная песнь—прекрасная, неподдельно красочная тюремная мелодия.

Между толких болот пробирались
Три удалых лихих молодца,
Они силою всей туда рвались,
Где их ждали родные сердца...

Кончилась песня. Зататарился раешник.

Здорово, соловецкая публика, особая слонячья республика, здорово. Зосимы и Саватии, вся долгогривая братия, наци, завы, комы, замы, зам-завы и помы, нарядчики, комроты, благодетели мой и глоты, бывшие чекисты, шпионы, контрабандисты, монархисты, анархисты, эс-деки, эс-ары, невысказанные казры, гости почетные, особо учетные. Все сорокадевятники, медвежатники, мокрятники, голубятники, возушники, городушники, тихушники, домушники, аферисты, шантажисты, рецидивисты, специалисты, фармазоны, ширмачи и прочие ловкачи. Девичьи дамы, вдовушки-мамы, пудренные и непудренные, на фасоне облахуренные, фартовые франтихи, поварахи, портнихи, буфетчицы, кухарки, маши-

ниетки, санитарки, пранки, поломойки, со стойкой и без стойки, с подходом, без подходу, с доходом, без доходу, с блатом, без блату, с матом, без мату, битые, не битые, голодные, сытые, красивые, корявые, каторжные, пягавые, свои в доску и фраерши в полоску. Всем, всем шлю прилет и даю совет, когда темы нет, на сцену не лезть и раешник не плесть.

Представление окончено. Артисты разбрелись по ротам, чтобы завтра с ранним гудком отправиться на работу в мастерские, на железную дорогу, в лес. И глядя на их подчас наивное и грубое творчество, прощаясь их неподдельным жарким порывом, забываешь безграмотный текет неуклюжих пьес, прощаешь все сценические негрешности этих прекрасных театралов. Театр для них — великодушный праздник. Театр для них — настоящая радость. театр они любят той первобытной любовью, которая притупилась у утонченных, просвещенных театралов академических столиц.

Вышеописанными группами исчерпывается жизнь „около“ соловенского театра. Театр старался и старается впитать в себя все театральные начинания, поставить их на деловые рельсы, театр борется с той стихией кустарничества, которая обращает сцену в место веселого ремесла и легкомысленной забавы и является несомненно крупным, болезненным недостатком в театральной работе лагеря.

Музыкальная жизнь соловенского театра всегда находилась в зависимости от наличия тех сил, кои имелись в определенный момент в его распоряжении. Поэтому мы наблюдаем значительные колебания — от примитивного любительства в границах цыганских романсов, эстрадных песенок и куплетов, до скромных, но серьезных потуг, давших в свое время возможность устроить симфонический концерт, в котором были исполнены симфония Шуберга, сюита Пер-Гюнт Грига, Scène de Ballet Верди с аккомпаниментом оркестра и т. д.

Первой серьезной музыкальной единицей оказался, в 1925 году, духовой оркестр в составе 30 человек. Администрация лагеря озаботилась приобретением инструментов, и осенью 1925 года на соловенской пристани приехавших красноармейцев-новобранцев встречал незатейливый марш только-что организованного духового оркестра. Неустанно и беспрерывно работая, оркестр сделал очень большие успехи и в настоящий момент он справляется с серьезным и трудным репертуаром: понурри из оперетты „Граф Люксембург“ муз. Легара, вальс „Золотой дождь“ муз. Вальдтедфель, „В лунную ночь у замка Шашфел“ муз. Сгурского, „Ночь“ муз. Рубинштейна, „Интермеццо“ из оп. „Кармен“ муз. Биза, сюита из оп. „Сильва“ муз. Кальман, сюита из оп. „Риголетто“ муз. Верди, сюита из оп. „Фауст“ муз. Гуно, увертюра „Легкая кавалерия“ муз.

Зуше, сюиты из оперы „Веселая вдова“ муз. Легара, „Тайны гарема“ муз. Валентинова, увертюра из „Царицы лесов“ муз. Лейсена, вальс „Фантазия“ муз. Глинки, увертюра „Поэт и крестьянин“ муз. Зуше, турецкий марш из сонаты Моцарта, сюита из балета „Лебединое озеро“ муз. Чайковского, сюита из оп. „Пиковая дама“ муз. Чайковского, сюита из оп. „Евгений Онегин“ муз. Чайковского, фантазия из оп. „Тангейзер“ муз. Вагнера.

Оркестр играет в антрактах, во время представлений драм-труппы, а также на специальных концертных выступлениях.

Несколько позднее организации духового оркестра, в декабре 1925 года, когда подобралось некоторое количество музыкантов на смычковых инструментах, возникла мысль создать небольшой симфонический оркестр, который до начала зимы 1926-27 года неоднократно выступал в концертах и сопровождал летом 1926 года оперетту „Граф Люксембург“. Участниками его был организован струнный квартет, успевший за недолгое время своего существования выступить публично с двумя квартетами Бетховена, квартетом Чайковского и другими мелкими пьесами.

При театре имеется хор, обслуживающий постановки и выступающий в концертах. По началу репертуар его состоял из великорусских и украинских народных песен, а затем уже стал обнимать более серьезную, сложную музыку. Солистов в Соловках чрезвычайно мало, при чем большее число их — певцы.

Аудитория соловецких концертов — в громадном большинстве — местная толща, которая реагирует лишь на злободневный куплет, танцевальную венгерку, все, что еще сохранила память из дешевых и вульгарных ресторанов. Театр считался всегда с этим чрезвычайно низким уровнем музыкального развития публики, но в то же время считал своей непреклонной обязанностью не угождать ее дешевым вкусам, постепенно приучая слушателя к несложной серьезной музыке. С течением времени, в программах концертов сокращались, мало по малу, выступления привычных для посетителей пивных «любимцев». Некоторая доля успеха в этом отношении все же наблюдается: певец, исполняющий оперную арию или романс из серьезной литературы, начинает завоевывать ныне внимание публики, которая с нетерпением ждет знакомых вульгарных мотивов, лямпя-дриц и чететок.

Так, несмотря на стихию дурного вкуса, крепнет и развивается музыкальная жизнь на Соловках, крепнет и ширится воспитательное значение подлинной музыки.

В соловецком театре имеется ряд необходимых мастерских: декоративная, поделочная, парикмахерская, бутафорская, костюмерная. В театре работают художники, по эскизам которых декоративная мастер-

ская делает декорации. Полагая, что монтаж пьесы обуславливается не школой режиссера, а стилем пьесы.— соловецкий театр не сделался выразителем какого-либо определенного направления. Руководители учили и то, что соловецкому театру необходимо знакомить зрителя со всем разнообразием современных форм монтажа. Далекие от увлечения „революциями“ монтажа, мы отвели ему достаточно скромное место. Мы знали скромный свой бюджет и мы стремились с наименьшей затратой материалов произвести большее впечатление. Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на отдельные, более или менее удачные монтажные достижения, соловецкий театр далеко не сделал всего возможного. В будущем театр полагает выработать единую, прочную монтировку (основной скелет сцены) с возможной, но соловецким масштабам, механизацией сцены.

Подсобная мастерская выделяется также—необходимую для театра мебель. В костюмерной театра готовятся необходимые костюмы. Имеется свыше 100 костюмов. Тут и бодрские костюмы из парчи, тут и французские костюмы XVIII и XVIII веков, тут и современное партикулярное платье. За последнее время театр начал шить, по эскизам художников, костюмы из холста и окрашивать их клеевой краской (Костюмы «Мандата», „100 процентов“, „Царевича Алексея“).

Бутафорская мастерская работает над несложной бутафорией театра. Однако, несложность работы—только видимость, ибо отсутствие материала приходится пополнять выдумкой и спорной. В ряде постановок соловецкий театр выделял стильную бутафорию, упростив предметы и сократив количество до минимума. Так, в «Мандате», например, на сцене не было никакого реквизита. Этот пробел заполнялся специально расплавленной сценической площадкой. Для таких постановок, однако, как „Три вора“ и «Царевич Алексей», которые трактовались в реалистической форме, мы любовно и возможно точно выделяли предметы. Мебель для „Царевича Алексея“ делалась по эскизам и выдержанном стиле Петровской эпохи. Но мы решительно избегаем натурализма. К этому нас обязывает не только театральное убеждение, но и объективные условия острова, где отсутствие универмага сильно бы обескрылило ретивого режиссера ультра-натуралистического толка.

Театральные мастерские выделяют парики и варят собственный грим как для театра центрального, так и для «районных театров» Соловецкого острова.

Отсутствие материалов приходится дополнять изобретательством.

Освещение сцены: рампа состоит из 33 лампочек по 25 свечей; 6 софитов,—в каждом из них по 33 лампочки по 25 свечей; каждый софит разделен на три группы цветов (также и рампа)—белый, зеле-

ный, красный. Имеются два боковых, переносных сфига с 6 лампами по 100 свечей, дающих 1200 свечей в отдельности. Имеется дуговой фонарь в 4000 свечей. На постановку «100 процентов» был сделан специальный световой монтаж: движущаяся реклама, вертящиеся пропеллеры с мигающими лампочками и переменный цвет, освещенные транспаранты, движущиеся лифты. При постановке «Шторма» была сделана световая реклама на декорации, посредством дугового фонаря. Для постановки «Поджигателей» применялась комбинация рампового освещения с освещением кино.

В штате театра состоят: режиссеров—2, актеров—7, актрис—5, суфлер—1, помреж—1, машинист сцены—1, гример—1, художник-декоратор—1, бутафор—1, электротехник—1, рабочих сцены—3. Всего—24 человека.

Проглядывая технические достижения соловецкого театра, следует не забывать, что соловецкий театр выполняет не то, что он должен выполнить, но то, что он может.

Театральную жизнь на Соловках отражала весьма ярко театральная пресса. На страницах газеты „Новые Соловки“ мы прочтем горячие статьи, изовитые рецензии и обстоятельную хронику. Тут полемические выходы против „Хлама“, тут дискуссии о театре „Своих“, тут призывы к строительству нового театра.

Был ли соловецкий рецензент зрителем? Нет. Он был участником спектакля. Он ненавидел „Своих“ и неответствовал на репетициях „Хлама“ или ненавидел „Хлам“ и апологировал коллектив „Своих“. Он никогда не был наблюдателем. Поэтому соловецкая театральная пресса, это—пресса отдельных театральных группировок, влиявавших, то одна, то другая, на поверхность нашей соловецкой „театрополитики“. И по склонению преувеличивать объективность театальной критики вообще, но и при самом скептическом отношении к „объективной критике“—соловецкая театральная критика заслуживает всяческих оговорок. Дело, конечно, не в том, кому симпатизирует соловецкая критика. Примечателен тот факт, что в критических статьях этих апологировались новые театральные формы, осуждалось репертуарное старье, теоретические статьи громыхали новой театральной терминологией и, если иногда было много шума из ничего, то, да простят меня столичные рецензенты: кто из них без греха. И не только в печатных боях ломались боевые копья. Соловецкие старожилы запомнят словесные бои—диспуты о коллективе „Своих“, где представители уголовного мира с прекрасной уверенностью отстаивали право иметь свой театр—театр „Своих“. Часть этих слов, обезжележенных метранпажем, мы прочтем на страницах соловецкой прессы.

В нашем очерке мы пытались вскрыть потаенную, а не случайную суть соловецкого театра.

Театр соловецкий возник стихийно. Он был обусловлен непреклонной волей к театру. Ибо соловецкому зрителю нужен театр, ибо театр — культурная отдушина, живой и подвижный мир. Соловецкого зрителя гонит в театр примитивный театральный инстинкт. Сначала он идет развлекаться или забыться. Затем театр вовлекает его в русло определенных культурных привычек. Воспитательное воздействие соловецкого театра придает ему особое значение. Соловецкий театр удовлетворяет неготовые художественные запросы. Он эти запросы формулет, культивирует, и отучает от кабацких деклассантских привычек.

В соловецком театре замечательные актеры, творящие волю театра, без умения и технической подготовки. В соловецких кулисах своеобразный колорит.

Пути соловецкого театра, это — непротоштанные карельские тропинки. Были блуждания, были срывы, были ошибки. Чего же следует ждать в будущем?

Репертуар лагерного театра, это — не обычный список пьес губернских или уездных театров. Нужно взвесить пьесы под углом их специально воспитательного значения. Нужны особые пьесы, отвечающие нуждам дефективного населения. Я не знаю, интересовался ли, работал ли «Кабинет по изучению преступника» над ролью и значением тюремного театра. Мне мнится, что на театре очень плодотворно можно работать над изучением коллективной психологии преступников. Только в этом году нам удалось организовать наблюдение за зрительным залом и начать запись восприятий спектакля. Мне кажется, что эти материалы должны заинтересовать больше криминолога, чем театроведа.

Итак, — репертуар. Сложная, громоздкая задача пересмотреть репертуар театра, чтобы взять из него пьесы, нужные тюремному театру. Будет ли лишним объявить конкурс драматургам на лучшую пьесу специально тюремного репертуара?

Стоит проглядеть беглым оком культурно-просветительную деятельность наших мест заключения, чтобы убедиться в быстром и мощном росте тюремного театра. В «Основах пенитенциарной науки» профессор Познышев пишет:

«Несомненно, что школьная и внешкольная культурно-просветительная работа должна дополняться различными образовательными развлечениями, к подготовке и участию в которых в возможно широкой мере должны привлекаться сами заключенные. Такими развлечениями могут быть спектакли, концерты и т. п. При хорошей и правильной организации

они могут иметь серьезное образовательное и воспитательное влияние, заставляя и исполнителей, и зрителей переживать известные облагораживающие альтруистические эволюции и давая мысленно толчок в известном направлении».

„Положение об общих местах заключения“ гласит: „Кроме лекций и бесед в общих местах заключения могут быть устраиваемы концерты, спектакли и иные образовательные развлечения“ (§ 155). И дальше: „К подготовительным работам по устройству означенных в предшествующем параграфе развлечений и к участию в этих развлечениях, в возможно широкой мере, должны привлекаться сами заключенные“ (§156).

Такие возможности, которые открывало Положение об общих местах заключения, не могли не дать ощутительных результатов.

В воспоминаниях старой тюрьмы мы почти ничего не читали о тюремном театре.

Страшница Достоевского памятна, как праздник на фоне безнадежных серых будней. Знакомясь с деятельностью советской тюрьмы, мы имеем дело не с лирикой, а с документами, и по этим документам мы видим, как растет и ширится деятельность тюремного театра.

В Отчете Главного Управления Местами Заключения НКВД — «Пенитенциарное дело в 1922 году» мы читаем:

„В тех местах заключения, которые уже представляли отчеты о культурно-просветительной работе, и которые составляют $\frac{2}{3}$ всего тюремного населения, прочитано было в течение отчетного периода (январь — октябрь 1922 года) на разные темы 8764 лекций и поставлено 3650 воспитательных развлечений“.

На 1923 г. мы имеем уже более значительные цифры. Позышев в «Основах пенитенциарной науки» (стр. 243) сообщает: «В течение 8 месяцев 1923 года в местах заключения Республики было прочитано 9996 лекций на общественно-политические и популярно-научные темы и поставлено 6639 спектаклей. В местах заключения насчитывалось около 950 кружков (драматических, марксистских, музыкальных и т. д.). В кружках ежемесячно занималось 3500 заключенных».

Так, наугад, взяв произвольно известный период, мы наблюдаем широкий рост тюремного театра. Он действительно вошел в нашу воспитательную деятельность. Он стал одним из рычагов нашей пенитенциарной политики. Проф. М. Н. Гернет в книге «В тюрьме» пишет:

«Мы приводили выше весьма значительные цифры состоявшихся в течение года спектаклей и концертов в различных местах заключения. Конечно, распределение их по различным исправительным домам не отличается равномерностью и оставляет желать лучшего».

И дальше:

«Поскольку сцена, музыка, песни служат средством воспитания и пропаганды, нельзя исключать какие бы то ни было категории заключенных от возможности воздействия на них этим средством. Иначе, и вместе с тем ошибочно, думает лишь тот, кто видит в допущении музыки и симфаклей в тюрьму больше средств развлечения нежели воспитания».

Так декларируется деятелями пенитенциарной науки большое, необходимое воспитательное значение тюремного театра.

«Мне пришлось быть на тюремном спектакле в одном из московских исправительно-трудовых домов, — рассказывает проф. Гернет, — и ознакомиться с результатами произведенной анкеты о впечатлениях заключенных. Во время спектакля-концерта мне невольно припомнились те страницы записок Достоевского из «Мертвого дома», которые я отмечал читателем выше. Затянутое дыхание нескольких сот заключенных всех социальных положений, осужденных за самые разнообразные преступления, дружный, здоровый, раскатистый смех тюрьмы, бурные аплодисменты исполнителям, — все говорило, как и в описании Достоевского, что в эти минуты тюрьма перестает быть тюрьмой, а заключенные на короткое время переставали быть «преступниками» и «арестантами».

Автору этого очерка несколько лет пришлось быть свидетелем этих звонких аплодисментов, этого раскатистого арестантского хохота и этой теплой незабвенной арестантской благодарности за изображенную лучшую жизнь.

Половые аномалии и наркомания среди преступников.

Данные анкетного обследования среди заключенных Соловецких лагерей.

П. Иоголевич.

Криминологическая Секция Соловецкого Общества Краеведения произвела среди заключенных Соловецких лагерей обследование по приведенной ниже анкете, давшее в результате весьма интересные материалы для характеристики населения, которое сконцентрировано в Соловках.

Нашу анкету можно разбить на две части: 1) общая часть — характеризующая личность автора анкеты, и 2) специальная часть — посвященная ознакомлению с вопросами половой жизни, наркомании и алкоголизма у заключенных (вопросы 15—27).

Приводим содержание анкеты:

1. Сколько Вам лет?
2. Где Вы проживали до 10 лет?
3. Где Вы проживали после 10 лет до последнего ареста?
4. В каком возрасте приехали в Москву или Ленинград?
5. С какого возраста не живете в семье?
6. Почему ушли из семьи?
7. Чем Вы занимались с момента приезда в Москву или Ленинград, или другой город до первого ареста?
8. В каком возрасте были арестованы в первый раз?
9. Женаты ли Вы? Сколько детей?
10. Имели ли (в Москве или Ленинграде, или др. городе) квартиру, койку, угол, были ли без всякого приюта?
11. Какое имеете образование: грамотный, малограмотный, неграмотный, среднее?
12. Были ли на военной службе?
13. Какие болезни перенесли — туберкулез, (чахотку), тиф, понос с ушибами головы, контузию, душевные болезни («псих»), когда и где лечились?

Авторы анкет.

14. Какими венерическими болезнями болели?
15. С каких лет стали жить половой жизнью?
16. В каком возрасте начали заниматься огаанизмом и сколько времени занимались?
17. Были ли в семье сумасшедшие — отец, мать, дед? Или ли? Запоем? Умеренно? Были ли припадочные?
18. Жили ли Вы до ареста нормально с женщиной или имели склонность к односторонней любви (педерастия)?
19. С какого возраста начали нюхать кокаин?
20. Употребляли ли морфий, опиум, гашиш?
21. Почему начали нюхать кокаин?
22. Как на Вас действует кокаин, морфий?
23. Как обходитесь без наркотика?
24. Будете ли нюхать на воле?
25. С каких лет Вы пьете водку (самогон)?
26. Совершали ли преступления под влиянием кокаина, морфия, водки?
27. Как переносите отсутствие полового сношения?
28. Как переносите заключение?
29. Что Вы еще хотите дополнить к этим вопросам?

Обследованном было охвачено весьма большое число заключенных как мужчины, так и женщины.

Все цифры в таблицах даны в процентных отношениях.

Настоящая статья является попыткой структурировать 1000 анкет и только в общих чертах наметить пути дальнейшей проработки полученных результатов. Многоценность охваченных обследованием лиц, придает полученному материалу чрезвычайно большой интерес. Собранные данные могут лечь в основу новых и более пространных исследований.

Необходимо отметить, что анкета была анонимной, что дало возможность получить весьма полные и правдивые ответы у большинства обследуемых. Среди анкет имеются некоторые весьма интересные человеческие документы, являющиеся подчас бесповоротно отвечающего на вопросы и дающие основание полагать, что подробный анализ этих ответов позволит сделать выводы и по ряду моментов, несколько расширяющих задания обследования. Но об этом мы поговорим в следующей раз, когда мы снова вернемся к анализу материалов обследования в различных его частях.

К сожалению, главным недостатком анкеты является то, что она не дает материала о составе правонарушителей по видам совершенных преступлений. Кроме того, из полученных результатов видно, что число

откликнувшихся на анкету представителей различных прослоек соловецкого населения несколько не соответствует пропорциональному соотношению этих прослоек.

Перейдем к ознакомлению с результатами обследования, при чем в первую очередь ознакомимся с вопросами воспитания, семейной обстановки, наследственности и другими вопросами общего порядка, а уже потом перейдем к рассмотрению вопросов специальной части анкеты.

По отдельным возрастным группам все обследованные заключенные распределяются следующим образом:

	Мужчин.	Женщин.
До 16 лет	нет	нет
От 16 до 19 лет	8,7%	5,0%
„ 20 „ 24 „	23,3 „	28,0 „
„ 25 „ 29 „	23,8 „	34,0 „
„ 30 „ 34 „	16,3 „	14,0 „
„ 35 „ 39 „	10,2 „	10,0 „
„ 40 „ 44 „	7,3 „	4,0 „
„ 45 „ 49 „	4,1 „	4,0 „
„ 50 „ 54 „	3,9 „	1,0 „
„ 55 „ 59 „	1,5 „	—
„ 60 и выше „	0,9 „	—
В с е г о	100%	100%

При чем на 100 мужчин в среднем приходится около 16,2 женщин.

Из этой таблицы видно, что на более молодые группы населения от 16 до 30 лет, приходится 56,8% мужчин и 69% женщин. Эти цифры характерны не только для соловецких лагерей, но и для всех мест заключения. Проф. М. Н. Гернет указывает, что «наибольшее количество преступников в каждой стране приходится на цветущий возраст трудоспособности» и что «распределение преступности по возрастам приводит к выводу, что она развивается параллельно с трудоспособностью» *).

Эти же выводы подтверждаются и изысканиями других криминологов как русских, так и иностранных.

Приведенные выше цифры станут еще более резкими, если мы сопоставим их с данными—времени ухода из родительского дома и перехода к самостоятельному изысканию средств существования (таблица № 1). При сопоставлении этих цифр мы увидим, что, чем моложе возрастная группа, тем больший процент вынужден в раннем возрасте перейти к самостоятельному существованию.

Из таблицы № 1 видно, что 41,7% мужчин и 63% женщин начали свое самостоятельное существование ранее 20 лет, а 22% мужчин и 23% женщины ушли от родных ранее 16 лет, т. е. в детском возрасте.

* Проф. М. Н. Гернет. „Моральная статистика“. Изд. ЦСУ. Москва 1922. Стр. 123 и 129.

Указанные выше данные получают еще большую выуклость, если мы посмотрим на цифры, говорящие нам об условиях, в которых обследованные провели раннее детство (до 10 л.).

Таблица № 2 указывает, что 13,1% мужчин и 10% женщины провели свое детство вне семейной обстановки — в приюте или же просто на панели улицы. В этих условиях станет еще более понятной картина весьма высокой преступности среди более молодых групп населения. В социальном, в нашем распоряжении не имеется материалов об условиях, в каких жили семьи обследованных, по нужно познать из общего характера ответов, что большинство вышло из среды наименее обеспеченных групп населения.

Последующий материал несколько вскрывает завесу над этим вопросом. Большинство ответов анкеты говорит нам, что перед нами налицо жители города, при чем на наши столицы Москву и Ленинград приходится весьма высокий процент — до 37,7% мужчин и 71% женщин. Таким образом, на женщин приходится как будто бы более высокий процент преступности в центральных городах. Но это обстоятельство объясняется, повидимому, более тяжелыми условиями существования в крупных городах для женщин, тогда как мужской труд находит себе более разнообразное и скорое применение. «Надо думать, что оторванность от семьи девочки делает ее еще более беспомощной, чем мальчишка. Не без пагубного влияния, конечно, остается спрос на детскую проституцию, тесно связанную с преступностью...» — говорит проф. Гернет в указанном выше труде. И мы здесь на нашем материале только лишь раз находим подтверждение наших выводов. Цифры о половой жизни, приведенные в таблице № 3, дают нам возможность более подробно остановиться на этом вопросе.

Современные большие города являются крупными центрами скопления уголовного элемента, стекающегося к этим центрам из периферии. Для того, чтобы более ясно представить себе картину того материала, с которым наша анкета имела дело, рассмотрим таблицу № 4, отвечающую на вопрос, в каком возрасте большинство было в первый раз арестовано.

Эта таблица еще раз приводит нас к тому выводу, что в большей своей части лица, участвовавшие в анкете, принадлежат к миру профессиональных преступников и вышли на путь преступления ранее 20 лет, при чем кривая повышается с переходом от более молодых возрастных групп к более старым.

Для того, чтобы покончить с вопросами воспитания и условий жизни обследованных заключенных, мы еще остановимся на двух моментах: 1) на причинах ухода из семьи и 2) на занятиях обследованных правонарушителей до момента их последнего ареста.

На вопрос: «почему ушли вы из семьи?»—мы получили самые разнообразные ответы, которые сведены в таблице № 5.

Всматриваясь в нее, мы увидим, что в большинстве случаев причиной, толкнувшей молодежь уйти из родительского дома, были: а) материальные условия (15,7%), которые вместе с ответами «пошел на преступление» (4%), «по глупости» (7,5%), «нежелание жить с родными» (7,8%)—дают в среднем 35%. На втором месте причины внутреннего семейного порядка: смерть родителей (8,7%), плохие с ними отношения (7,3%) и женитьба (2%) дают 16%.

Для женщин картина эта носит несколько иной характер: здесь доминирующую роль играют внутренние семейные причины: выход замуж (29%), смерть родителей (20%), плохие с ними отношения (5%), что дает в совокупности 54%, а уже на втором месте стоят причины, вытекающие из материальной обставленки: нужда (17%), совершенные преступления и проституция (13%) и нежелание жить с родителями (3%), сюда же надлежит отнести и группу ответов «по глупости» (1%), под каковыми с несомненностью, как явствует из смысла ответов анкет, следует искать слова «проституция». Все они дают в сумме 34%.

Распределение по роду занятий до ареста приведено в таблице № 6.

Как и следовало предполагать, наибольший процент обследованного населения Соловецких лагерей приходится на профессиональных преступников, многие из которых не скрывают этого в своих ответах. Но значительная часть таковых скрывается под рубриками: «безработные», «чернорабочие» и др. Наличие в анкетах ответов «занимался работой» заставляет полагать, что значительное большинство профессионалов-правонарушителей попыталось не указывать своего прошлого. Но этот факт весьма быстро вскрывается, если мы сопоставим данные этой таблицы с данными таблиц № 5 и № 3. В общем, картина запятый обследованных групп до момента ареста весьма пестрая, что в значительной степени объясняется наличием среди населения лагеря разного рода правонарушителей, представляющих собою различные социальные слои.

Такая же пестрая картина получается и при рассмотрении таблицы № 7 о жилищных условиях, в которых находились обследованные до заключения под стражу. Но здесь, все-таки, доминирующее место занимает лица, живущие в квартирах. Но если большинство и имело свои квартиры, то нередко состояние этих квартир было самое отвратительное, и их обладатели занимались извлечением из них дохода, сдавая в них комнаты, углы и койки. К сожалению, благодаря анонимности анкет и заполнению их самими авторами, мы не имеем возможности выписать всю картину жилищных условий в деталях. Кроме того, наличие большого числа отдельных квартироуправителей показывает,

что наша анкета не имела возможности охватить наиболее низкие социальные слои правонарушителей, благодаря их неграмотности и невозможности самостоятельно заполнить анкету.

Из таблицы № 7 видно также, что процент собственников отдельных квартир в сильной пропорции повышается в связи с повышением возрастных групп и переходит к более положительным, устойчивым группам населения. Эти данные находят себе подтверждение и в других исследованиях, в том числе и в цитированной выше книге проф. М. Н. Герста.

Указанными фактическими условиями может быть объяснено и то, что процент семейных среди обследованных заключенных сравнительно невысок, повышаясь постепенно при переходе от более молодых к более старшим группам, как видно из таблицы № 8. По количеству детей семейные правонарушители распределяются, как показано в таблице № 9.

Такова в общих чертах картина, характеризующая обследованную группу заключенных соловенских лагерей по общим вопросам анкеты.

Теперь перейдем к анализу второй части анкеты—цифрового материала о половой жизни, наркомании и алкоголизме как до ареста, так и в условиях места заключения.

Время начала половой жизни в большинстве случаев падает на очень ранний возраст, часто до 16 лет.

Причины этого нужно искать в ранней оторванности от детской среды и вступлении на путь самостоятельной жизни. Это явление становится наиболее резким для молодых групп правонарушителей, проживших свои юные годы в условиях гражданской войны и в этот период оторванных от своих семей.

По отдельным возрастным группам начало половой жизни распределяется, как указано в таблице № 10.

Сравнительно высок процент лиц, не живших половой жизнью—7,5% на всю группу, при чем число это повышается при переходе к более старшим возрастам.

В тесной связи с вопросом о начале половой жизни стоит вопрос о размерах венерических заболеваний. В общем, процент болевших венерическими болезнями весьма высок, при чем резкую кривую, по сравнению с другими болезнями дает гонорей.

Наличие значительного процента венериков тесно связано с тем обстоятельством, что большая часть анкетированных правонарушителей представляет собой элемент мало связанный с семейной жизнью и, нужно полагать, в значительной степени и с местом жительства. Что это именно так, говорят цифры о семейной жизни и о занятиях обследованных.

По венерическим болезням возрастные группы распределяются, как указано в таблице № 11. Необходимо оговорить, что большинство венериков, изолированных санитарной частью, обследовано не было.

Живя в ненормальной обстановке, ведя несексуальную жизнь, большинство из обследованных постепенно, не довольствуясь алкоголем, ищет еще особые способы подъема нервов и переходит к половым аномалиям и наркомании. Процент отклонений от нормы как среди мужчин (педерастия), так и среди женщин (лесбийская любовь) весьма значителен для обследованного населения Соловецких лагерей и превышает средний процент для групп населения, обследованных вне мест заключения. Нужно отметить тот факт, что половые аномалии замечаются только среди молодых групп заключенных. Развитие половых аномалий в цифрах рисует таблица № 12.

Привыкнув жить интенсивной половой жизнью на «воле» и попав в заключение, многие из обследованных с трудом переносят отсутствие половых сношений, и эта жалоба красной нитью проходит по всем анкетам, в особенности женским.

На вопрос анкеты: «как вы переносите отсутствие половых сношений» получены разнообразные и весьма интересные ответы, заслуживающие специального исследования: они сведены в цифровой таблице № 13.

Развитию онанизма среди заключенных способствовал тот факт, что значительная часть занималась онанизмом еще ранее, в детстве. И только сравнительно небольшой процент начал заниматься онанизмом в заключении.

По моменту начала онанирования все обследованные заключенные распределяются, как показано в таблице № 14.

Переходя теперь к вопросу о наркомании в среде обследованных правонарушителей, мы должны будем отметить весьма любопытный факт, что процент кокаиновиков, по сравнению с другими группами наркоманов (опикурльщикам, морфинистам и др.), весьма велик. В общем, процент наркоманов не превышает обычного процента, установленного для больших городов, при чем это явление встречается только у молодых групп правонарушителей и не получило почти никакого отражения в более старших. См. таблицу № 15.

Потребление других наркотиков меньше, чем кокаина, и выражается в цифрах, приведенных в таблице № 16.

Причины, толкнувшие к наркомании, весьма разнообразны, но наибольший процент дает группа ответов: «под влиянием товарищей». Эта группа включает в себе наименее устойчивые элементы, легко поддающиеся посторонним воздействиям и, конечно, наиболее легко идущие на преступление. См. таблицу № 17.

Отсутствие паркоза на большую часть наркоманов влияет крайне тяжело, но некоторые из них, нужно полагать, наименее втянувшиеся, относятся к отсутствию паркоза безразлично и даже отвечают, что «чувствуют себя хорошо». Это группа лиц, которые, несомненно, в большей своей части, к наркозу больше не вернутся и прибегают к таковому лишь под влиянием окружающей обстановки. Профессионалы-наркоманы, не стесняясь, признаются, что и выйдя на свободу, они будут продолжать отравляться, и некоторая часть обследованных подросов решить не может и отвечает на вопрос анкеты: «не знаю». См. таблицу № 18.

Такова в общем картина наркомании. Алкоголизм развит гораздо больше.

Как характерную особенность обследованных нами правонарушителей, в большей своей части состоящих из социально-опасного элемента, заключенного в лагерь в порядке ст. 35 УК, нужно отметить распространённость алкоголизма среди весьма молодых групп, при чем возраст первого знакомства с алкоголем повышается по мере перехода к более старшим возрастным группам. См. таблицу № 19.

На раннее знакомство с алкоголем несомненно, влияют те же основные причины, которые мы указывали выше—равный уход из семьи, быстрое знакомство с уголовным миром, отрыв от сверстников и стремление подражать взрослым.

Что это так, подтверждается и самими заключенными в их ответах, при чем весьма высокий процент обследованных указывает, что преступление совершено под влиянием опьянения.

Повидному, в этих группах на развитие алкоголизма некоторое влияние оказали также и причины биологического порядка. По условиям места, мы не можем в настоящей статье остановиться подробнее на анализе полученных цифр о наследственности и приводим их без детального разбора, надеясь в скором времени снова вернуться к ним и дать детальный их анализ. Полученные ответы о наследственности сведены в таблице № 20.

Здесь нужно отметить весьма высокий процент алкоголизма и в особенности «запойного»—у родителей.

Если мы эти цифры сопоставим с нижеследующей таблицей № 21—о болезнях, перенесенных обследованными до заключения—и проследим развитие кривых по группам «прикадочные», «душевно-больные», «нервно-больные», то мы увидим, что эти кривые идут в соответствии с кривыми алкоголизма по предыдущей таблице о наследственности.

При анализе цифр таблицы № 21 невольно бросается в глаза весьма высокий процент лиц, перенесших тиф. Эти цифры невольно вызывают ряд вопросов и нужно полагать, что исследователи обратят внимание на крайне любопытное явление—наличие чрезмерно высокого про-

цента болевших тифом среди правонарушителей, этот процент не соответствует среднему проценту болевших тифом в общей массе населения. Нужно полагать, что между этими двумя явлениями существует какая-то связь, лежащая в свойствах и последствиях тифозного заболевания.

Заключив настоящий обзор, дающий только общую обрисовку материалов произведенного обследования, мы полагаем, что к более глубокому анализу всех материалов анкеты будет приступлено в ближайшее время. Одно пока можно только отметить с большим удовлетворением, это — сравнительно высокий процент полученных на анкету ответов и, несмотря на некоторую неподготовленность обследуемых, — их весьма большое внимание и стремление дать, по возможности, исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы.

Т А Б Л И Ц Ы.

1. Время ухода из семьи.
2. Семейные условия до 10-летнего возраста.
3. Местожительство до ареста.
4. Время первого заключения под стражу.
5. Причины ухода из семьи.
6. Род занятий до ареста.
7. Жилищные условия до ареста.
8. Семейное положение.
9. Число детей у семейных.
10. Время начала половой жизни.
11. Венерические заболевания.
12. Половые аномалии.
13. Как отражается отсутствие половой жизни?
14. Ованизм в различные возрасты.
15. Кованнизм.
16. Наркотики (кроме кокаина).
17. Причины, приведшие к наркомании.
18. Будет ли прибегать к наркотикам после освобождения?
19. Алкоголизм.
20. Последственные пороки и болезни.
21. Различные болезни (кроме венерических).

ТАБЛИЦА № 1.

Время ухода из семьи.

Возрастная группа		до 10 л.	10—15	16—17	18—19	20 и выше	У родит. до арест.	Итого
16—19	м.	1,0	3,3	0,7	1,0	—	2,7	8,7
	ж.	2,0	1,0	—	—	—	2,0	5,0
20—24	м.	1,6	5,2	2,4	3,6	3,9	6,6	23,3
	ж.	—	7,0	10,0	3,0	3,0	5,0	28,0
25—29	м.	3,8	2,1	1,4	2,6	5,1	8,8	23,8
	ж.	1,0	4,0	7,0	6,0	6,0	10,0	34,0
30—34	м.	1,7	1,3	0,7	1,3	4,0	7,3	16,3
	ж.	1,0	1,0	3,0	3,0	4,0	2,0	14,0
35—39	м.	0,4	1,7	0,7	1,2	2,6	3,6	10,2
	ж.	1,0	3,0	4,0	1,0	1,0	—	10,0
40—44	м.	0,3	1,0	0,3	0,4	1,9	3,4	7,3
	ж.	—	1,0	—	1,0	1,0	1,0	4,0
45—49	м.	—	0,4	0,1	—	1,4	2,2	4,1
	ж.	—	1,0	—	1,0	1,0	1,0	4,0
50—54	м.	0,3	0,4	—	0,1	1,2	1,9	3,9
	ж.	—	—	—	1,0	—	—	1,0
55—59	м.	0,3	0,1	—	—	0,5	0,6	1,5
	ж.	—	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	—	0,1	0,1	0,1	0,1	0,5	0,9
	ж.	—	—	—	—	—	—	—
Всего	м.	9,4	15,6	6,4	10,3	20,7	37,6	100,0
	ж.	5,0	18,0	24,0	16,0	16,0	21,0	100,0

ТАБЛИЦА № 2

Семейные условия до 10 л. возр.

В родн. семье.	Род. стенин.	Чужих	В приюте	Безпризорные	Итого
7,2	0,8	—	0,3	0,7	8,7
2,0	—	1,0	1,0	1,0	5,0
21,3	—	0,5	—	1,5	23,3
27,0	1,0	—	—	—	28,0
18,5	0,9	1,6	2,3	0,5	23,8
32,0	—	1,0	1,0	—	34,0
15,7	—	0,2	0,1	0,3	16,3
13,0	—	—	—	1,0	14,0
8,7	0,5	0,7	—	0,3	10,2
7,0	—	1,0	2,0	—	10,0
7,1	—	0,1	0,1	—	7,3
4,0	—	—	—	—	4,0
2,8	1,2	0,1	—	—	4,1
4,0	—	—	—	—	4,0
3,6	—	0,2	—	0,1	3,9
1,0	—	—	—	—	1,0
1,2	0,1	0,2	—	—	1,5
—	—	—	—	—	—
0,8	—	0,1	—	—	0,9
—	—	—	—	—	—
86,9	3,2	3,7	2,8	3,4	100,0
90,0	1,0	3,0	4,0	2,0	100,0

ТАБЛИЦА № 3.

Местожителство до ареста.

Возрастные группы		В деревне	В городе	Из них в Местные	
				Из них в деревне	Из них в городе
16—19	м.	2,9	5,8	3,2	2,6
	ж.	—	5,0	4,0	—
20—24	м.	7,2	16,1	3,4	3,2
	ж.	3,0	25,0	17,0	2,0
25—29	м.	5,6	18,2	8,2	1,5
	ж.	6,0	28,0	9,0	6,0
30—34	м.	2,8	13,5	2,3	1,7
	ж.	5,0	9,0	3,0	5,0
35—39	м.	3,0	7,2	2,5	2,3
	ж.	2,0	8,0	5,0	—
40—44	м.	2,2	5,1	2,6	0,6
	ж.	2,0	2,0	1,0	1,0
45—49	м.	1,5	2,6	0,6	0,6
	ж.	1,0	3,0	2,0	1,0
50—54	м.	1,8	2,1	0,5	0,5
	ж.	—	1,0	—	—
55—59	м.	0,6	0,9	0,2	0,2
	ж.	—	—	—	—
60 и выше	м.	0,4	0,5	0,1	0,1
	ж.	—	—	—	—
Всего	м.	25,0	72,0	23,4	14,3
	ж.	19,0	81,0	41,0	15,0

ТАБЛИЦА № 4.

Время первого заключен. под стражу.

до 10 л.	10—15 л.	16—17 л.	18—19 л.	20 л. и выше	Итого
0,2	3,9	3,4	1,2	—	8,7
—	2,0	1,0	2,0	—	5,0
—	3,5	2,9	5,6	11,0	23,3
—	3,0	5,0	10,0	9,0	28,0
0,5	4,0	1,0	3,1	15,2	23,8
—	3,0	4,0	5,0	22,0	34,0
1,2	1,9	1,1	0,7	11,4	16,3
—	1,0	1,0	—	12,0	14,0
—	0,9	0,8	0,1	8,4	10,2
—	—	—	1,0	9,0	10,0
—	0,1	0,2	—	7,0	7,3
—	1,0	—	—	3,0	4,0
—	—	—	—	4,1	4,1
—	—	—	—	4,0	4,0
—	0,1	—	—	3,8	3,9
—	—	—	—	1,0	1,0
—	—	—	—	1,5	1,5
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	0,9	0,9
—	—	—	—	—	—
1,9	14,7	9,4	10,7	63,3	100,0
—	10,0	12,0	18,0	60,0	100,0

ТАБЛИЦА № 5.

Причины ухода из семьи.

Возрастные группы		Смерть родителей	Нежелание жить с род.	Плохие отношения в семье	Женитьба	Уход в школу	Материальн. несоборность	Военная служба	По состоянию здоровья	Преступлен. prosecution	Шоковые опы	У родных по ареста	Итого
16—19	м.	1,0	1,3	0,6	—	0,1	2,3	0,3	0,4	0,1	—	2,6	8,7
	ж.	3,0	—	—	1,0	—	1,0	—	—	—	—	—	5,0
20—24	м.	2,7	2,5	3,2	0,9	0,7	3,8	1,5	0,4	1,0	—	6,6	23,3
	ж.	5,0	—	4,0	8,0	1,0	3,0	—	—	3,0	1,0	3,0	28,0
25—29	м.	2,0	0,5	1,7	0,8	—	2,5	2,2	3,5	1,7	—	8,9	23,8
	ж.	6,0	1,0	1,0	9,0	—	8,0	—	—	6,0	1,0	2,0	34,0
30—34	м.	1,5	1,1	0,7	0,4	0,6	1,8	2,9	1,0	0,2	—	6,1	16,3
	ж.	1,0	1,0	—	6,0	—	3,0	—	—	2,0	—	1,0	14,0
35—39	м.	0,4	1,7	0,2	0,3	0,3	1,9	0,6	2,1	0,2	—	2,5	10,2
	ж.	2,0	1,0	—	1,0	—	2,0	—	1,0	2,0	—	1,0	10,0
40—44	м.	0,4	0,3	0,4	0,2	0,3	1,8	0,8	0,1	0,1	—	2,9	7,3
	ж.	1,0	—	—	2,0	—	—	—	—	—	—	1,0	4,0
45—49	м.	0,5	0,3	0,1	0,5	0,1	0,6	0,4	—	0,1	—	1,5	4,1
	ж.	1,0	—	—	2,0	—	—	—	—	—	1,0	—	4,0
50—54	м.	0,1	0,1	0,3	0,2	0,1	0,6	0,3	—	0,2	0,1	1,9	3,9
	ж.	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,0
55—59	м.	0,1	—	0,1	0,3	—	0,1	0,2	—	0,4	—	0,3	1,5
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	—	—	—	0,4	0,1	0,3	0,1	—	—	—	—	0,9
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	м.	8,7	7,8	7,3	4,0	2,3	15,7	9,3	7,5	4,0	0,1	33,3	100,0
	ж.	20,0	3,0	5,0	29,0	1,0	17,0	—	1,0	13,0	3,0	8,0	100,0

ТАБЛИЦА № 6.

Род занятий до ареста.

Возрастные группы	Служащие	Рабочие	Чернораб.	Сельское хозяйство	Военная служба	Торговцы	Учители	Безработн.	Проф. студенты	Профес. иные	Проф. студенты	Жили в тюрьме	На иждив. семьи и дом. хоз.	Итого	
16—19	м.	0,1	0,8	0,9	0,3	—	0,8	0,7	0,1	4,1	0,3	—	0,2	0,4	8,7
	ж.	—	1,0	—	—	—	—	—	—	1,0	—	1,0	—	2,0	5,0
20—24	м.	1,5	2,8	0,5	3,3	—	0,6	1,4	4,9	6,7	0,2	—	—	1,4	23,3
	ж.	5,0	2,0	—	1,0	—	2,0	—	1,0	1,0	—	7,0	—	9,0	28,0
25—29	м.	3,0	4,5	2,5	2,8	1,5	0,5	0,9	1,5	6,2	0,1	—	—	0,3	23,8
	ж.	10,0	4,0	1,0	2,0	—	1,0	—	1,0	—	1,0	6,0	—	8,0	34,0
30—34	м.	1,4	2,7	0,8	1,8	2,1	0,9	0,2	4,1	2,1	0,2	—	—	—	16,3
	ж.	3,0	—	1,0	2,0	—	—	—	1,0	—	—	3,0	—	4,0	14,0
35—39	м.	1,6	3,5	0,2	2,2	0,8	0,2	0,2	1,0	0,5	—	—	—	—	10,2
	ж.	2,0	—	—	1,0	—	1,0	—	—	—	—	3,0	—	3,0	10,0
40—44	м.	1,4	0,3	2,4	2,2	0,4	0,1	—	0,2	0,3	—	—	—	—	7,3
	ж.	1,0	—	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,0	4,0
45—49	м.	0,4	1,1	0,2	1,5	0,2	0,3	—	0,2	0,2	—	—	—	—	4,1
	ж.	2,0	—	—	—	—	1,0	—	—	—	—	—	—	1,0	4,0
50—54	м.	1,2	0,6	0,1	1,2	—	0,4	—	0,3	0,1	—	—	—	—	3,9
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,0	1,0
55—59	м.	0,3	0,4	—	0,5	0,2	—	—	0,1	—	—	—	—	—	1,5
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	0,3	0,2	—	0,3	—	0,1	—	—	—	—	—	—	—	0,9
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	ж.	11,2	16,9	7,6	16,1	5,2	3,9	3,4	12,4	20,2	0,8	—	0,2	2,1	100,0
	ж.	23,0	7,0	4,0	6,0	—	5,0	—	3,0	2,0	1,0	20,0	—	29,0	100,0

ТАБЛИЦА № 7.

Жилищные условия до ареста.

Возрастные группы	Будет	Комнаты	Угол	Общезинное	Ночной дом	Бесприютные	Итого
16—19	м. 2,8	0,7	2,1	—	0,2	1,9	8,7
	ж. 3,0	1,0	—	—	—	1,0	5,0
20—24	м. 9,2	9,7	1,0	0,5	1,3	1,6	23,3
	ж. 17,0	8,0	2,0	—	—	1,0	28,0
25—29	м. 9,2	6,2	4,0	0,7	0,2	3,5	23,8
	ж. 12,0	19,0	1,0	—	1,0	1,0	34,0
30—34	м. 8,6	3,9	0,8	0,3	1,2	1,5	16,3
	ж. 10,0	4,0	—	—	—	—	14,0
35—39	м. 5,3	3,7	0,4	0,4	0,3	0,1	10,2
	ж. 7,0	2,0	—	—	1,0	—	10,0
40—44	м. 5,6	1,0	0,1	0,2	—	0,4	7,3
	ж. 1,0	3,0	—	—	—	—	4,0
45—49	м. 2,3	0,6	0,3	—	—	0,9	4,1
	ж. 4,0	—	—	—	—	—	4,0
50—54	м. 3,3	0,3	0,1	—	0,1	0,1	3,9
	ж. 1,0	—	—	—	—	—	1,0
55—59	м. 1,5	—	—	—	—	—	1,5
	ж. —	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м. 0,9	—	—	—	—	—	0,9
	ж. —	—	—	—	—	—	—
Всего	м. 48,7	27,1	8,8	2,1	3,3	10,0	100,0
	ж. 55,0	37,0	3,0	—	2,0	3,0	100,0

ТАБЛИЦА № 8.

Семейное положение.

Холод	Живат	Вдвое	Разведен	Итого
8,4	0,3	—	—	8,7
3,0	2,0	—	—	5,0
18,2	2,8	—	2,3	23,3
8,0	19,0	1,0	—	28,0
12,5	11,2	—	0,1	23,8
4,0	23,0	6,0	1,0	34,0
8,1	7,4	0,2	0,6	16,3
1,0	9,0	4,0	—	14,0
2,3	7,7	0,1	0,1	10,2
1,0	7,0	1,0	1,0	10,0
1,3	5,5	0,5	—	7,3
—	4,0	—	—	4,0
0,4	3,4	0,3	—	4,1
—	2,0	2,0	—	4,0
0,6	3,1	0,2	—	3,9
—	1,0	—	—	1,0
0,1	1,1	0,3	—	1,5
—	—	—	—	—
—	0,8	0,1	—	0,9
—	—	—	—	—
51,9	43,3	1,7	3,1	100,0
17,0	67,0	14,0	2,0	100,0

ТАБЛИЦА № 9.

Число детей у семейных.

Возрастные группы		1 ребенок	2-3 ребенка	4-5 детей	6 и больше	
15-19	м.	—	—	—	—	—
	ж.	1,0	—	—	—	—
20-24	м.	1,8	1,3	—	—	—
	ж.	8,0	2,0	—	—	—
25-29	м.	4,5	3,1	0,4	—	—
	ж.	14,0	9,0	1,0	—	—
30-34	м.	2,1	2,7	0,4	—	—
	ж.	1,0	5,0	2,0	3,0	—
35-39	м.	1,6	3,4	0,7	0,3	—
	ж.	1,0	4,0	—	2,0	—
40-44	м.	1,4	2,6	0,6	0,6	—
	ж.	—	1,0	—	2,0	—
45-49	м.	0,2	1,3	0,9	0,5	—
	ж.	—	0,2	—	—	—
50-54	м.	0,3	1,4	0,7	0,5	—
	ж.	1,0	—	—	—	—
55-59	м.	—	0,2	0,4	0,4	—
	ж.	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	0,1	0,4	0,2	0,2	—
	ж.	—	—	—	—	—
Всего	м.	12,0	16,4	4,3	2,5	35,2
	ж.	25,0	23,0	3,0	7,0	58,0

ТАБЛИЦА № 10.

Время начало половой жизни.

до 10 л.	10-15 л.	16-17 л.	18-19 л.	20 л. и выше	Всего	Время половой жизни	Итого
0,4	3,3	0,9	1,8	—	6,4	2,3	8,7
—	3,0	1,0	1,0	—	5,0	—	5,0
0,5	5,8	4,5	7,9	1,6	20,3	3,0	23,3
—	7,0	5,0	12,0	3,0	27,0	1,0	28,0
0,3	6,7	6,2	0,7	8,4	22,3	1,5	23,8
—	3,0	12,0	13,0	6,0	34,0	—	34,0
0,2	4,6	5,7	3,3	1,6	15,4	0,9	16,3
—	1,0	4,0	7,0	2,0	14,0	—	14,0
0,1	1,7	2,8	2,7	2,3	9,6	0,6	10,2
—	2,0	3,0	1,0	4,0	10,0	—	10,0
—	0,8	1,4	3,8	1,3	7,3	—	7,3
—	1,0	1,0	1,0	1,0	4,0	—	4,0
0,1	0,5	1,0	1,4	1,2	4,0	0,1	4,1
—	—	1,0	—	3,0	4,0	—	4,0
—	0,4	0,1	1,6	1,8	3,9	—	3,9
—	—	—	1,0	—	1,0	—	1,0
—	0,1	0,1	0,6	0,7	1,5	—	1,5
—	—	—	—	—	—	—	—
—	0,2	0,1	0,3	0,3	0,9	—	0,9
—	—	—	—	—	—	—	—
1,6	23,9	22,8	24,1	19,2	91,6	9,4	100,0
—	17,0	27,0	36,0	19,0	99,0	1,0	100,0

ТАБЛИЦА № 11.

Венерические заболевания.

Возрастные группы		Гонорей	Сифилис	Другие венерич. болезни	Всего	Не болели вен. болезн.	Итого
16—19	м.	1,2	0,8	0,1	2,1	6,6	8,7
	ж.	1,0	1,0	—	2,0	3,0	5,0
20—24	м.	5,3	3,5	—	8,8	14,5	23,3
	ж.	9,0	3,0	5,0	17,0	11,0	28,0
25—29	м.	4,0	2,7	1,8	8,5	15,3	23,8
	ж.	3,0	2,0	1,0	6,0	28,0	34,0
30—34	м.	2,1	1,1	1,1	4,3	12,0	16,3
	ж.	2,0	1,0	1,0	4,0	10,0	14,0
35—39	м.	1,9	0,4	0,4	2,7	7,5	10,2
	ж.	1,0	1,0	—	2,0	8,0	10,0
40—44	м.	3,4	1,0	1,3	5,7	1,6	7,3
	ж.	—	1,0	—	1,0	3,0	4,0
45—49	м.	0,9	1,0	—	1,9	2,2	4,1
	ж.	—	—	—	—	4,0	4,0
50—54	м.	0,4	0,1	0,5	1,0	2,9	3,9
	ж.	—	—	—	—	1,0	1,0
55—59	м.	0,4	—	0,1	0,5	1,0	1,5
	ж.	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	0,1	—	—	0,1	0,8	0,9
	ж.	—	—	—	—	—	—
Всего	м.	19,7	10,6	5,3	35,6	64,4	100,0
	ж.	16,0	9,0	7,0	32,0	68,0	100,0

ТАБЛИЦА № 12.

Половые аномалии.

Недере-стия	Лесбий-ская лю-бовь	Другие поло-вые аномал.	Всего	Не име-ли вде-чения	Итого
0,6	—	—	0,6	8,1	8,7
—	—	—	—	5,0	5,0
2,6	—	0,1	2,7	20,6	23,3
—	1,0	1,0	2,0	25,0	28,0
3,0	—	—	3,0	20,8	23,8
—	3,0	1,0	4,0	30,0	34,0
1,1	—	0,4	1,5	14,8	16,3
—	1,0	—	1,0	13,0	14,0
0,7	—	0,1	0,8	9,4	10,2
—	—	—	—	10,0	10,0
0,2	—	0,1	0,3	7,0	7,3
—	—	—	—	4,0	4,0
0,2	—	—	0,2	3,9	4,1
—	1,0	—	1,0	3,0	4,0
—	—	—	—	3,9	3,9
—	—	—	—	1,0	1,0
—	—	—	—	1,5	1,5
—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	0,9	0,9
—	—	—	—	—	—
8,4	—	0,7	9,1	90,9	100,0
—	6,0	2,0	8,0	92,0	100,0

ТАБЛИЦА № 13.

Как отражается отсутствие половой жизни.

Возрастные группы	Тяжелое	Незначительное	Легкое	Ослабляет и истощает организм	Итого
16—19	м. 4,5	2,2	1,6	0,4	8,7
	ж. 4,0	—	1,0	2,0	5,0
20—24	м. 10,3	6,5	1,2	5,3	23,3
	ж. 14,0	11,0	2,0	1,0	28,0
25—29	м. 8,0	8,2	4,5	3,1	23,8
	ж. 15,0	11,0	3,0	5,0	34,0
30—34	м. 9,5	3,2	9,1	1,5	15,3
	ж. 4,0	3,0	5,0	2,0	14,0
35—39	м. 3,9	3,6	1,7	1,0	10,2
	ж. 6,0	1,0	3,0	—	10,0
40—44	м. 2,5	2,1	1,7	1,0	7,3
	ж. 2,0	1,0	1,0	—	4,0
45—49	м. 2,0	1,8	0,2	0,1	4,1
	ж. 1,0	3,0	—	—	4,0
50—54	м. 0,7	2,6	0,6	—	3,9
	ж. —	1,0	—	—	1,0
55—59	м. —	—	1,5	—	1,5
	ж. —	—	—	—	—
60 и выше	м. —	—	0,9	—	0,9
	ж. —	—	—	—	—
Всего	м. 44,4	30,3	16,0	12,4	100,0
	ж. 44,0	31,0	15,0	10,0	100,0

ТАБЛИЦА № 14.

Онанизм в различные возрасты.

До 10 лет	10—15 л.	16—17 л.	18—19 л.	20 и старше	Всего	Занимались онанизмом	Итого
0,1	1,6	0,9	0,2	—	2,8	5,9	8,7
—	—	—	1,0	1,0	2,0	3,0	5,0
1,0	3,5	3,7	4,9	2,5	15,6	7,7	23,3
—	—	—	—	1,0	1,0	27,0	28,0
1,3	3,2	1,5	1,5	2,8	10,3	13,5	23,8
—	—	1,0	1,0	3,0	5,0	29,0	34,0
0,3	1,3	0,9	3,5	2,1	8,1	8,2	16,3
—	—	—	—	2,0	2,0	12,0	14,0
0,1	1,5	0,6	—	1,0	3,2	7,0	10,2
—	—	—	—	—	—	10,0	10,0
—	0,4	0,5	—	0,5	1,4	5,9	7,3
—	—	—	—	—	—	4,0	4,0
—	—	0,1	0,1	0,2	0,4	3,7	4,1
—	—	—	—	—	—	4,0	4,0
—	0,4	—	—	—	0,4	3,5	3,9
—	—	—	—	—	—	1,0	1,0
0,1	—	—	—	—	0,1	1,4	1,5
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	0,9	0,9
—	—	—	—	—	—	—	—
2,9	11,9	8,2	10,3	9,1	42,3	57,7	100,0
—	—	1,0	2,0	7,0	10,0	90,0	100,0

ТАБЛИЦА № 15.

Кокаинизм

Возрастные группы		до 10 л.	10—15 л.	16—17 л.	18—19 л.	20 л. и выше	Итого
16—19	м.	0,2	1,4	0,9	—	—	2,5
	ж.	—	1,0	1,0	—	—	2,0
20—24	м.	—	1,2	2,1	0,9	—	4,2
	ж.	—	1,0	5,0	3,0	4,0	13,0
25—29	м.	—	0,7	0,8	1,3	1,5	4,3
	ж.	—	—	1,0	3,0	1,0	5,0
30—34	м.	0,1	0,5	0,3	0,1	0,9	1,9
	ж.	—	—	—	—	3,0	3,0
35—39	м.	—	0,1	—	—	1,0	1,1
	ж.	—	—	—	—	1,0	1,0
40—44	м.	—	—	—	—	0,4	0,4
	ж.	—	—	—	—	—	—
45—49	м.	—	—	—	—	0,1	0,1
	ж.	—	—	—	—	—	—
50—54	м.	—	—	—	—	—	—
	ж.	—	—	—	—	—	—
55—59	м.	—	—	—	—	—	—
	ж.	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	—	—	—	—	—	—
	ж.	—	—	—	—	—	—
Всего	м.	0,3	3,9	4,1	2,3	3,9	14,5
	ж.	—	2,0	7,0	6,0	9,0	24,0

ТАБЛИЦА № 16.

Наркотики (кроме кокаина).

Морфий	Опиум	Галлюци	Альона	Итого
0,3	0,1	—	0,1	0,5
2,0	—	—	—	2,0
1,9	1,5	0,4	0,9	4,8
3,0	1,0	—	1,0	5,0
1,2	1,4	0,7	0,7	4,0
2,0	—	1,0	1,0	4,0
0,4	0,6	—	0,1	1,1
1,0	1,0	—	—	2,0
0,4	0,5	0,1	—	1,0
1,0	—	—	—	1,0
0,4	0,1	—	—	0,5
—	—	—	—	—
0,1	0,2	—	—	0,3
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
—	—	—	—	—
4,7	4,5	1,2	1,8	12,2
9,0	2,0	1,0	2,0	14,0

ТАБЛИЦА № 17.

Причины, приведшие к наркомании.

Возрастные группы		Под влиянием друзей	По глупости	В виду «разницы»	«Для веселья»	«От товарища»	Всего
		и знакомых		и знакомых			
16—19	м.	0,8	0,5	0,8	0,5	0,4	3,0
	ж.	2,0	—	—	2,0	—	4,0
20—24	м.	3,5	0,7	1,2	1,5	2,1	9,0
	ж.	5,0	2,0	6,0	2,0	3,0	18,0
25—29	м.	2,7	0,9	2,1	1,4	1,2	8,3
	ж.	1,0	1,0	2,0	3,0	2,0	9,0
30—34	м.	1,1	0,3	0,4	0,7	0,5	3,0
	ж.	1,0	—	1,0	2,0	1,0	5,0
35—39	м.	0,4	0,2	0,1	0,6	0,8	2,1
	ж.	—	—	2,0	—	—	2,0
40—44	м.	0,1	—	0,3	0,1	0,4	0,9
	ж.	—	—	—	—	—	—
45—49	м.	0,1	—	—	0,1	0,2	0,4
	ж.	—	—	—	—	—	—
50—54	м.	—	—	—	—	—	—
	ж.	—	—	—	—	—	—
55—59	м.	—	—	—	—	—	—
	ж.	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	—	—	—	—	—	—
	ж.	—	—	—	—	—	—
Всего	м.	8,7	2,6	4,9	4,9	5,6	26,7
	ж.	9,0	3,0	11,0	9,0	6,9	38,0

ТАБЛИЦА № 18.

Будет ли прибегать к наркотикам по освобожд.

Будет	Не будет	Не знает	Всего
1,0	1,9	0,1	3,0
1,0	2,0	1,0	4,0
4,0	2,0	3,0	9,0
7,0	6,0	5,0	18,0
1,7	2,1	4,5	8,3
2,0	4,0	3,0	9,0
0,1	0,8	2,1	3,0
1,0	1,0	3,0	5,0
0,6	0,9	0,6	2,1
1,0	—	1,0	2,0
0,2	0,3	0,4	0,9
—	—	—	—
0,2	0,1	0,1	0,4
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
7,8	8,1	10,8	26,7
12,0	13,0	13,0	38,0

ТАБЛИЦА № 19.

Алкоголизм.

Возрастные группы		до 10 л.	10—15 л.	16—17 л.	18—19 л.	20 л. и выше	Всего	Не пьет	Итого
16—19	м.	0,3	5,1	2,3	0,1	—	7,8	0,9	8,7
	ж.	—	3,0	2,0	—	—	5,0	—	5,0
20—24	м.	2,6	6,2	4,9	4,1	1,5	19,3	4,0	23,3
	ж.	—	7,0	3,0	4,0	2,0	16,0	12,0	28,0
25—29	м.	2,2	6,7	3,3	4,2	3,8	20,2	3,6	23,8
	ж.	—	2,0	3,0	7,0	5,0	17,0	17,0	34,0
30—34	м.	0,9	4,2	3,6	2,1	3,1	13,9	2,4	16,3
	ж.	—	—	2,0	1,0	2,0	5,0	9,0	14,0
35—39	м.	1,3	2,3	2,7	1,4	1,1	8,8	1,4	10,2
	ж.	—	1,0	2,0	—	1,0	4,0	6,0	10,0
40—44	м.	0,4	1,1	0,6	2,9	1,3	6,3	1,0	7,3
	ж.	—	—	—	1,0	—	1,0	3,0	4,0
45—49	м.	0,5	0,6	0,5	0,3	1,6	3,5	0,6	4,1
	ж.	—	—	—	1,0	1,0	2,0	2,0	4,0
50—54	м.	0,3	0,3	0,5	1,1	1,4	3,6	0,3	3,9
	ж.	—	—	—	—	—	—	1,0	1,0
55—59	м.	—	0,1	0,2	0,3	0,6	1,2	0,3	1,5
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	—	—	0,1	0,4	0,3	0,8	0,1	0,9
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	м.	8,5	26,6	18,7	16,9	14,7	85,4	14,6	100,0
	ж.	—	13,0	12,0	14,0	11,0	50,0	50,0	100,0

Наследственные пороки и болезни.

Возрастные группы	АЛКОГОЛИЗМ				Душевно- больной отец	Душевно- больная мать	Душевно- больные род- ственники	Туберкулез родителей	Принадлежат родителям	Иных Итого	Итого	
	Отец инт. запой	Отец инт. умеренно	Мать инт. запой	Мать инт. умеренно								
16—19	м.	1,3	1,2	0,3	—	0,8	0,5	0,3	0,2	1,1	4,3	—
	ж.	1,0	4,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20—24	м.	5,2	1,5	0,2	—	1,5	1,8	2,7	0,3	1,0	3,4	—
	ж.	9,0	4,0	3,0	2,0	2,0	—	1,0	—	3,0	4,0	—
25—29	м.	3,5	4,5	0,7	0,3	1,7	1,0	0,3	0,2	1,7	14,2	—
	ж.	6,0	5,0	1,0	—	2,0	1,0	—	1,0	2,0	3,0	—
30—34	м.	1,7	1,6	0,5	0,9	0,4	0,2	0,3	—	0,6	11,0	—
	ж.	3,0	2,0	—	—	—	1,0	—	—	1,0	2,0	—
35—39	м.	2,0	16,0	1,0	0,2	0,3	—	0,1	—	0,6	3,2	—
	ж.	4,0	—	1,0	—	—	—	—	—	0,2	4,2	—
40—44	м.	1,1	1,1	—	0,3	—	—	—	—	1,0	0,6	—
	ж.	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45—49	м.	0,1	0,1	—	0,2	0,7	—	0,5	—	0,1	2,9	—
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
50—54	м.	0,2	0,5	—	—	—	—	—	—	—	1,2	—
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
55—59	м.	0,1	0,3	—	—	0,1	—	—	—	—	0,9	—
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	0,1	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	м.	25,2	27,1	2,7	1,9	5,5	3,5	4,2	0,7	5,3	46,3	122,4
	ж.	24,0	15,0	5,0	2,0	4,0	2,0	1,0	1,0	7,0	15,0	76,0

ТАБЛИЦА № 21.

Различные болезни (кроме венерических).

Возрастные группы	Т и ф	Туберкулез	Др. внутр. болезни	Исбол	Ушибы головы	Травмы	Душевные болезни	Контужия	Нервные болезни	Воспален. мозга	Не-болезн. психик	
16—19	м.	5,7	0,5	0,7	1,6	0,7	0,2	0,4	0,2	0,3	—	2,2
	ж.	5,0	1,0	3,0	2,0	2,0	1,0	—	—	1,0	—	1,0
20—24	м.	12,1	1,9	4,5	4,0	2,7	0,2	3,0	1,5	1,0	—	3,5
	ж.	26,0	6,0	14,0	3,0	5,0	—	4,0	—	2,0	—	2,0
25—29	м.	19,6	2,5	4,7	3,2	4,1	0,3	0,8	3,5	1,3	0,1	3,2
	ж.	27,0	4,0	14,0	4,0	4,0	—	—	—	3,0	—	6,0
30—34	м.	12,1	1,4	2,7	1,0	1,5	0,1	0,5	1,9	0,7	—	1,2
	ж.	11,0	4,0	5,0	—	1,0	—	2,0	—	2,0	—	5,0
35—39	м.	5,6	0,7	4,1	0,6	1,6	—	0,5	2,2	1,2	—	1,4
	ж.	4,0	—	1,0	1,0	—	—	1,0	—	1,0	—	4,0
40—44	м.	3,7	1,1	3,0	0,3	0,8	0,1	—	0,8	—	—	1,2
	ж.	4,0	—	2,0	—	—	—	—	—	—	—	1,0
45—49	м.	2,1	0,5	1,0	—	0,8	—	—	0,4	0,6	—	0,9
	ж.	1,0	—	1,0	—	—	—	1,0	—	—	—	2,0
50—54	м.	2,2	0,3	0,8	0,1	0,3	0,1	0,5	0,5	0,5	—	0,7
	ж.	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
55—59	м.	2,2	0,3	0,9	0,1	0,3	0,1	0,3	0,5	0,5	—	0,7
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
60 и выше	м.	0,5	0,7	—	0,1	—	—	—	—	—	—	0,1
	ж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	м.	65,8	9,9	22,4	11,0	12,8	1,1	3,3	11,5	5,2	0,1	15,1
	ж.	78,0	15,0	4,0	10,0	12,0	1,0	8,0	—	9,0	—	21,0

Цена 2 руб.

МАТЕРИАЛЫ

СОЛОВЕЦКОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

- Вып. I. Материалы С. О. А. О. В. Статьи М. Д. Жукова, А. Захваткина, А. П. Иванова, Веев, Иванова, Н. Казнакова, Т. Н. Королева, М. Некрасова, В. Никольского, П. Петряева, А. Прилонского, Н. Н. Простосердова, Л. Серебрякова, Ив. Хеладзе и Б. Чуднова. 1926. (1-е издание расширенное).
- Вып. II. Вл. Ян. Генарозов. Ондатра—американская выхухоль—и ее акклиматизация на Соловецких островах. 1927. Цена 1 рубль.
- Вып. III. Стчет Соловецкого Отделения Архангельского Общества Краеведения за 1924—26 годы. 1927. Бесплатно.
- Вып. IV. Николай Виноградов. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. 1927. Цена 2 рубля.
- Вып. V. А. Глаголев и С. Шорыгин. Особенности соловецкого климата. С. Шорыгин. О климате города Кемь и острова Нюнова. 1927. Цена 1 руб. 75 коп.
- Вып. VI. А. П. Иванов. Соловецкая монастырская тюрьма. 1927. Цена 50 коп.
- Вып. VII. К познанию фауны Соловецких островов. Статьи А. А. Захваткина, Е. Г. Шерешевской и В. Н. Юрканского. Цена 80 коп.
- Вып. VIII. Из работ по прикладной ботанике. Статьи Д. Н. Матвеева и Б. А. Федудова. Цена 1 рубль.
- Вып. IX. А. А. Захваткин. Соловецкие озера. Краткий гидробиолог. очерк. Цена 2 руб.
- Вып. X. Вс. Н. Иванов. Почвенно-геологические исследования Соловецкого Острова (по материалам 1924, 25 и 26 г.г.). (Печатается).
- Вып. XI. В. Я. Никольский. Обзорение отдела христианских древностей Музея С.О.К. Отдел I—Иконы. Цена 1 руб. 25 коп.
- Вып. XII. Николай Виноградов. Новые лабиринты Соловецкого архипелага. (Лабиринты Б. Заяцкого острова). (Печатается).
- Вып. XIII. Николай Виноградов. Обзорение христианских древностей Музея С.О.К. Отдел II—Заповедник Б. Заяцкого острова (деревянная Андреевская церковь). Цена 1 руб. 80 коп.
- Вып. XIV. Д. Н. Матвеев. Земледелие на Соловках в прошлом и настоящем. Цена 45 коп.
- Вып. XV. А. П. Прилонской. Пертоминский архив. Описание рукописей Преображенского Пертоминского монастыря 1620—1796 г.г. Цена 4 р. 50 к.
- Вып. XVI. Материалы Соловецкого Отделения Архангельского О-ва Краеведения Вып. I. Издание 2-е. Ц. 1 р. 85 к.
- Вып. XVII. Из работ Криминологической Секции. Цена 2 руб.

Склад изданий СОК: Кемская контора Бюро Печати УСЛОН.
Город Кемь, Карельской Республики.

Фонд "Р
отде
"Русский